МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Дагестанский государственный университет
РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Дагестанское республиканское отделение

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Выпуск 27

Махачкала 2025

УДК 314 (316; 331)
ББК 65.9 (Даг)

ЕЖЕГОДНИК

Региональные аспекты социальной политики. 2025. № 27. 155 с.

ISSN 1814-9839
DOI:

Сборник научных статей, в котором нашли отражение доклады ежегодной Республиканской научно-практической конференции по региональным аспектам социальной политики, подготовлен Дагестанским государственным университетом. Адресован преподавателям, студентам и специалистам, интересующимся современными проблемами общественных отношений в регионе.

Главный редактор:

Эльдаров Эльдар Магомедович, профессор кафедры менеджмента ДГУ, председатель Дагестанского отделения РГО, д. г. н.

Ответственные редакторы:

Рабаданов Муртазали Хулатаевич, ректор ДГУ, д. ф.-м. н., профессор;

Гаджиев Назирхан Гаджиевич, проректор по экономике и административной работе ДГУ, д. э. н., профессор.

Журнал основан в 1999 году. Выходит 1 раз в год. Учредителем является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет». Наименование на английском: Dagestan State University (DSU). Сокращенное наименование: ФГБОУ ВО «ДГУ». Журнал зарегистрирован министерством РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ №77-17663 от 9 марта 2004 г. Ежегодник включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Публикуется на сайте ДГУ (www.rasp.dgu.ru)

© Дагестанский государственный университет, 2025
© Дагестанское отделение РГО, 2025

Статьи рецензируются членами редакционной коллегии журнала, сформированной по группам научных специальностей (Приказ Минобрнауки России от 12 февраля 2018 г. № 99) и утвержденной Приказом № 948а по Дагестанскому государственному университету от 30 декабря 2022 г.

1.6. *Науки о Земле и окружающей среде* (1.6.13. Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география; 1.6.21. Геоэкология)
Исмаилов Чингиз Ниязи оглы, д. г. н., профессор (Азербайджан, Баку)
Слука Николай Александрович, д. г. н., профессор (Россия, Москва)
Эльдаров Эльдар Магомедович, д. г. н., профессор (Россия, Махачкала)

3.2. *Профилактическая медицина* (3.2.1. Гигиена; 3.2.3. Общественное здоровье и организация здравоохранения, социология и история медицины)
Мамаев Ильяс Ахмедович, д. м. н., профессор (Россия, Махачкала)
Омариев Залимхан Мирзаевич, к. м. н. (Россия, Махачкала)

5.2. *Экономика* (5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.6. Менеджмент)
Гаджиев Назирхан Гаджиевич, д. э. н., профессор (Россия, Махачкала)
Кутаев Шихрагим Кутаевич, д. э. н., профессор (Россия, Махачкала)
Хаджалова Хадижат Магомедовна, д. э. н., профессор (Россия, Махачкала)

5.4. *Социология* (5.4.2. Экономическая социология; 5.4.3. Демография; 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.7. Социология управления)
Абдулагатов Заид Магомедович, к. филос. н., доцент (Россия, Махачкала)
Грчић Мирко Д., д. г. н., почетный профессор (Сербия, Белград)
Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, д. социол. н., вед. науч. сотр. (Россия, Махачкала)

5.5. *Политология* (5.5.2. Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4. Международные отношения)
Гамидуллаев Букар Нагметулаевич, д. э. н., профессор (Россия, Махачкала)
Ибрагимов Айдын Исмаил оглы, д. г. н., профессор (Азербайджан, Баку)

5.6. *Исторические науки* (5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики)
Муртузалиев Сергей Ибрагимович, д. и. н., профессор (Россия, Москва)
Назаров Равшан Ринатович, к. филос. н., доцент (Узбекистан, Ташкент)

5.7. *Философия* (5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры)
Гусенова Джамиля Адамкадиевна, к. филос. н., доцент (Россия, Махачкала)
Яхьяев Мухтар Яхьяевич, д. филос. н., профессор (Россия, Махачкала)

5.8. *Педагогика* (5.8.5. Теория и методика спорта; 5.8.7. Методология и технология профессионального образования)
Абакарова Райганат Магомедовна, д. филос. н., профессор (Россия, Махачкала)
Рабаданов Муртазали Хулатаевич, д. ф.-м. н., профессор (Россия, Махачкала)

5.10. *Искусствоведение и культурология* (5.10.2. Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов)
Магомедханов Магомедхан Магомедович, д. и. н., профессор (Россия, Махачкала)

Ответственный секретарь:

Эльдарова Наталья Магомедовна, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе ДГПУ им. Р. Гамзатова, к. п. н., raspdgu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алиева Б. Ш., Рабаданов М. Х. Формирование этнопедагогической компетенции у студентов Дагестанского государственного университета 7

Гимбатов Ш. М. Роль профессиональных компетенций в стратегическом развитии экономики Дагестана 23

Исмаилов Ч. Н., Эльдаров Э. М. К вопросу об устойчивом развитии городов в условиях глобальных социально-экономических трансформаций 32

Абдулаева З. З. Адаптационные механизмы формирования семейных отношений в южных регионах России 42

Айгубов С. З. Пенсионное обеспечение в современных условиях: опыт России и Китая 52

Сулейманов М. М. История и перспективы развития кинематографа в Дагестане 64

Шмерлинг Г. В. Фрагменты культурного ландшафта Северной Европы: взгляд путешественника 73

Родоман Б. Б. Цивилизации и ландшафт Северной Евразии 82

Гамидуллаев Б. Н., Эльдаров Э. М. Исламский экологизм и вопросы его интеграции со светской экологией 91

Ибрагимов А. И. Нефтяная история и культурный код Баку 108

Сафонова М. А., Слука Н. А. Региональные контрасты социально-экологического развития современного Китая 118

Сагитов Г. М. Наиболее резонансные события 2025 года (по версии редколлегии газеты «Новое дело») 128

Сведения об авторах 153

CONTENTS

Alieva B. Sh., Rabadanov M. Kh. Formation of Ethnopedagogical Competence in Students of Dagestan State University 7

Gimbatov Sh. M. The Role of Professional Competencies in the Strategic Development of Dagestan's economy 23

Ismailov Ch. N., Eldarov E. M. On the Issue of Sustainable Urban Development in the Context of Global Socioeconomic Transformations 32

Abdulaeva Z. Z. Adaptation Mechanisms for the Formation of Family Relations in the Southern Regions of Russia 42

Aigubov S. Z. Pension Provision in Modern Conditions: The Experience of Russia and China 52

Suleimanov M. M. History and Prospects for the Development of Cinema in Dagestan 64

Shmerling G. V. Fragments of the Cultural Landscape of Northern Europe: A Traveler's View 73

Rodoman B. B. Civilizations and Landscape of Northern Eurasia 82

Gamidullaev B. N., Eldarov E. M. Islamic Environmentalism and the Issues of Its Integration with Secular Ecology 91

Ibragimov A. I. Baku's Oil History and Cultural Code 108

Safonova M. A., Sluka N. A. Regional Contrasts in the Socio-Ecological Development of Modern China 118

Sagitov G. M. The Most Resonant Events of 2025 (According to the Editorial Board of the Novoye Delo Newspaper) 128

About the Authors 153

УДК 378.013
DOI:

© 2025 **Алиева Б. Ш., Рабаданов М. Х.**
Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия

Формирование этнопедагогической компетенции у студентов Дагестанского государственного университета

Аннотация. Исследованы вопросы формирования этнопедагогической компетенции у студентов университета в поликультурной образовательной среде. На основе анализа российских и зарубежных исследований по проблемам этнопедагогической, этнокультурной, межкультурной и коммуникативной компетентности уточняется содержание этнопедагогической компетенции применительно к подготовке будущего педагога. На материале Дагестанского государственного университета раскрывается институциональная модель этнопедагогизации образовательного процесса, включающая учебную, научно-исследовательскую, воспитательную, языковую, проектную и партнёрскую работу. Делается вывод о том, что этнопедагогическая компетенция будущего педагога выступает важным условием сохранения этнической самобытности и повышения качества профессиональной подготовки специалистов в сфере образования.

Ключевые слова: этнопедагогика, этнокультурная компетентность, этнопедагогическая компетенция, поликультурная образовательная среда, народная педагогика, диалог культур.

© 2025 **Alieva B. Sh., Rabadanov M. Kh.**
Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Formation of Ethnopedagogical Competence among Students of Dagestan State University

Abstract. This study examines the formation of ethnopedagogical competence among university students within a multicultural educational environment. Based on an analysis of Russian and international research on ethnopedagogical, ethnocultural, intercultural, and communicative competence, the concept and content of ethnopedagogical competence are clarified in the context of teacher education. Drawing on the experience of Dagestan State University, an institutional model for the ethnopedagogical integration of the educational process is proposed, encompassing teaching, research, educational, linguistic, project-based, and partnership activities. The findings suggest that the development of ethnopedagogical competence among future teachers is a crucial factor in preserving ethnic identity and enhancing the quality of professional training for educational specialists.

Keywords: ethnopedagogical competence, ethnopedagogy, ethnocultural competence, multicultural educational environment, teacher education, folk pedagogy, intercultural communication, dialogue of cultures.

Введение

Современная высшая школа функционирует в условиях интенсивного межкультурного взаимодействия. Студенческие группы всё чаще являются полиэтническими, а образовательная среда вуза становится пространством не только профессиональной подготовки, но и формирования культуры межнационального общения. В этих условиях возрастает значение этнопедагогической компетенции будущего педагога, поскольку именно педагог в дальнейшем будет проектировать образовательные ситуации, учитывая культурный опыт обучающихся, преодолевая этнокультурные барьеры и создавая условия для сотрудничества представителей разных народов. Этническая педагогика отражает образ жизни, природное, социальное и производственное окружение людей, живущих на территории определённого национального региона, и естественным образом порождает специфические методы воспитания, приёмы и способы воздействия на подрастающее поколение [1–3].

Актуальность данной проблемы особенно очевидна для Дагестана. Регион характеризуется устойчивым языковым, культурным и конфессиональным многообразием, богатой системой народных воспитательных традиций, развитой семейно-родственной и общинной культурой. У большинства народов, проживающих на территории Республики Дагестан, традиционная культура воспитания имеет глубокие исторические корни и не может отделяться от педагогического опыта, особенностей национального менталитета, обычаев и традиций [4–7]. Поэтому педагогические приёмы, применяемые в вузе, должны учитывать национальное своеобразие социально-психологических качеств студентов, особенности их этнокультурной идентичности и ценностные основания межличностного взаимодействия. В то же время учет этнического своеобразия не должен приводить к замкнутости культур: задача высшего образования состоит в том, чтобы соединить сохранение самобытности с открытостью к диалогу и общегражданской солидарностью.

Цель статьи – выявить социально-психологические условия формирования этнопедагогической компетенции у студентов в поликультурной образовательной среде вуза с учетом современных исследований и этнокультурной специфики Дагестана, а также обосновать необходимость синхронного развития национального самосознания и общероссийской гражданской идентичности

студенческой молодёжи.

Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрыть содержание этнопедагогической компетенции; определить её связь с этнокультурной и коммуникативной компетентностью; обосновать условия формирования данной компетенции в образовательной среде вуза; обозначить практические направления этнопедагогизации работы со студентами.

Методологическую основу статьи составили анализ научной литературы, обобщение педагогического опыта, сравнительно-сопоставительный анализ подходов к этнопедагогической подготовке и интерпретация практик воспитательной работы в поликультурной образовательной среде на примере Дагестанского государственного университета.

Понятие и структура этнопедагогической компетенции

Этнопедагогическая компетенция будущего педагога может быть определена как интегративное профессионально-личностное качество, включающее знания о традиционной культуре и народной педагогике, ценностное отношение к этнокультурному многообразию, способность применять этнопедагогические средства в обучении и воспитании, а также готовность к конструктивному межкультурному взаимодействию. В таком понимании этнопедагогическая компетенция не сводится к набору сведений о традициях, праздниках или фольклоре, а выступает частью профессиональной культуры педагога.

В работах Т. Б. Ильиной этнопедагогическая компетентность рассматривается в связи с изменением функций современного педагога в поликультурном обществе: учитель должен помогать обучающимся адаптироваться к многообразию образовательного пространства, предупреждать этнокультурные конфликты, выбирать технологии обучения и воспитания для поликультурных классов [8]. Данный подход позволяет рассматривать этнопедагогическую компетенцию как практико-ориентированную характеристику профессионализма, а не как факультативное дополнение к педагогической подготовке.

Исследователи Г. К. Сарканбаева, С. А. Узакбаева и Г. М. Аубакирова подчеркивают, что этнопедагогическая компетенция является важным элементом профессиональной подготовки учителя в многонациональной и многокультурной образовательной среде. Авторы выделяют такие её аспекты, как адаптация учебного процесса к различным культурным и этническим

группам учащихся, построение доверительных отношений, включение культурного материала в содержание обучения и преодоление этнокультурных барьеров [9]. Следовательно, структуру этнопедагогической компетенции целесообразно представить через несколько взаимосвязанных компонентов:

1) когнитивный компонент – знание народной педагогики, традиций, ценностей, обычаев, родных языков и особенностей межкультурного общения;

2) ценностно-мотивационный компонент – уважительное отношение к собственной культуре и культуре других народов, признание ценности многообразия, ориентация на диалог и сотрудничество;

3) коммуникативный компонент – способность выстраивать доверительное взаимодействие, предупреждать стереотипизацию и снижать психологические барьеры общения;

4) деятельностный компонент – умение использовать этнопедагогические средства в учебной, воспитательной, проектной и внеаудиторной деятельности;

5) рефлексивный компонент – способность оценивать собственный опыт межкультурного взаимодействия, корректировать педагогические действия и учитывать индивидуальные особенности студентов.

Такое понимание согласуется с подходом Е. В. Кузнецовой, которая рассматривает этнопедагогическую подготовку будущих учителей как поэтапный процесс, включающий определение содержания, условий, критериев и уровней готовности к работе в полиэтническом регионе [10]. Для Дагестана, как и для других полиэтнических регионов, особенно значима именно процессуальная сторона подготовки: компетенция формируется не одномоментно, а через систематическое включение студента в культурно насыщенную образовательную практику.

Социально-психологические условия формирования компетенции

Первым условием формирования этнопедагогической компетенции является признание поликультурной образовательной среды вуза как ресурса развития. Студенты разных национальностей, языков и культурных традиций не должны восприниматься только как носители возможных различий или трудностей коммуникации. Напротив, сама неоднородность студенческой среды создаёт возможности для диалога культур, взаимного познания, расширения

социального опыта и формирования уважительного отношения к иной системе ценностей.

В работе Р. А. Матвеева формирование этнокультурной компетентности студентов связывается с реализацией культурологического, этнокультурного и межличностного подходов, а также с диалогом культур как механизмом равноправного взаимодействия в процессе межкультурного общения [11]. Для дагестанского вуза это означает необходимость проектировать образовательную среду не как нейтральное пространство, а как пространство культурного сотрудничества, где студент осваивает и профессиональные знания, и опыт уважительного взаимодействия.

Второе условие – опора на народную педагогику и традиционную культуру. Дагестанские народы обладают богатыми воспитательными традициями, связанными с уважением к старшим, гостеприимством, коллективной ответственностью, ценностью семьи, трудовым воспитанием, взаимопомощью и сохранением родного языка. Однако обращение к традициям должно быть научно осмысленным: важно не механически переносить элементы народного опыта в образовательный процесс, а выявлять их воспитательный потенциал и соотносить с современными задачами профессиональной подготовки.

Далее, А. К. Коллегов и А. А. Ким показывают, что этнопедагогика может выступать средством формирования межкультурной компетенции, поскольку её средства помогают минимизировать психолого-педагогические барьеры общения и развивают умения взаимодействовать с субъектами образовательного процесса [12]. В этом контексте фольклор, традиционные формы наставничества, семейные и общинные практики, национальная литература и историческая память могут использоваться как содержательная основа для дискуссий, проектов, воспитательных мероприятий и учебных заданий.

Третьим условием служит развитие коммуникативно-этнопедагогической компетентности. Для будущего педагога важно не только знать культуру своего народа, но и уметь говорить о ней в открытом межкультурном пространстве, понимать культурные смыслы другого, корректно обсуждать чувствительные темы и предотвращать коммуникативные конфликты. А. Темиргалинова рассматривает коммуникативно-этнопедагогическую компетентность как профессионально значимую характеристику будущего преподавателя в полиэтническом вузе и связывает её развитие

с междисциплинарной подготовкой студентов [13].

В зарубежной литературе близкая проблема описывается через категорию «межкультурная компетентность студентов» [14]. При этом подразумевается, что учеба в университете связана не только с академической и социальной адаптацией, но и с выработкой межкультурной компетентности студента, помогающей ему лучше понимать окружающую среду, выстраивать отношения и сохранять собственную идентичность в сложном образовательном пространстве. Для ДГУ это означает, что работа по формированию этнопедагогической компетенции должна начинаться уже на первом курсе, когда студент входит в новую академическую культуру, осваивает нормы университетского сотрудничества, а также знакомится и взаимодействует с представителями других народов.

Четвёртым условием выступает включение студентов в практическую деятельность. Этнопедагогическая компетенция не может быть сформирована исключительно лекционным способом. Она требует участия студентов в проектной, исследовательской, волонтёрской, воспитательной и творческой работе. Т. В. Пойдина и А. В. Спесивцева, анализируя формирование этнокультурной компетентности в профессиональном обучении, подчеркивают деятельностный характер данной компетентности и её значение для эффективного межэтнического взаимопонимания и взаимодействия [15]. Этот вывод важен и для педагогических направлений подготовки: студент должен не только усвоить этнокультурный материал, но и научиться применять его в будущей преподавательской деятельности.

Пятое условие – целенаправленное формирование этнопедагогической культуры студента. А. С. Танхасаева связывает её с этнопедагогическим сознанием, мышлением и деятельностью, а также с включением этноориентированных дисциплин в профессиональную подготовку [16]. Следовательно, этнопедагогическая компетенция должна поддерживаться содержанием учебных курсов, педагогической практикой, научно-исследовательской работой, кураторской деятельностью и всей системой воспитательной работы вуза.

Шестым условием является студентоориентированная организация образовательной среды. В зарубежных источниках отмечается, что устойчивая университетская культура формируется через взаимосвязь педагогических, организационных и реляционных процессов, поддержку преподавателей, диалог и совместную

ответственность студентов и педагогов [17]. Также строится этнопедагогическая работа и в ДГУ: она определяется не набором разрозненных мероприятий, а системной работой университета, где студент выступает активным субъектом сохранения и осмысления этнокультурного наследия.

Седьмое условие – активная проектная деятельность в сфере этнопедагогики. Исследование, проведенное Ю. Рахмавати и соавторами в Индонезии, показывает, что этнопедагогика повышает учебную вовлечённость и культурную осведомлённость, улучшает навыки сотрудничества и проектного решения проблем [18]. Этот опыт важен для ДГУ, поскольку этнопедагогический компонент может быть встроен не только в педагогические и гуманитарные дисциплины, но и в междисциплинарные проекты, посвящённые языкам, экологии, истории, географии, культуре, цифровому архивированию и локальным практикам народов Дагестана.

Этнокультурная специфика Дагестана как ресурс подготовки студентов

Дагестан представляет собой уникальное пространство этнокультурного взаимодействия. В регионе исторически сосуществуют многочисленные народы, языки, диалекты, локальные традиции, религиозные и семейно-общинные формы самоорганизации. При этом культуры народов не существуют изолированно: они взаимно проникают, заимствуют элементы повседневной культуры, обрядности, хозяйственного уклада, художественного творчества и норм общественного поведения. В этом смысле дагестанская этнокультурная среда выступает пространственно-временным отражением ментальности народов региона: в ней воплощаются механизмы передачи социального опыта, культурные стереотипы этнического бытия, ценностные ориентации и сложившиеся за века подходы к воспитательному процессу [19–21].

Для культуры народов Страны гор характерны уважение к старшим, значимость семейных и родственных связей, коллективная ответственность, гостеприимство, высокая ценность репутации, внимание к нормам общения и традиционным формам поддержки. Эти особенности могут выполнять воспитательную функцию в образовательной среде, если они интерпретируются не как этнографическая экзотика, а как ценностные основания социального поведения. Вместе с тем важно избегать упрощённых обобщений: каждый народ региона имеет собственный исторический опыт, а

современная молодёжь сочетает традиционную идентичность с мобильностью, цифровой коммуникацией и включенностью в общероссийское образовательное пространство.

Сегодня часть дагестанской молодёжи выезжает за пределы малой родины, обучается и работает в разных регионах России и за рубежом. Миграционные процессы и отходничество традиционно рассматриваются как значимый фактор социального развития Дагестана [22–24]. Однако сохранение этнической принадлежности, семейных связей, родного языка и уважения к национальной культуре остаётся важным фактором самоидентификации. Поэтому вузовская подготовка должна помогать студентам осознавать ценность своей культуры и одновременно развивать готовность к сотрудничеству с представителями других культур.

В этих условиях этнопедагогическая компетенция будущего педагога выполняет двойную функцию. С одной стороны, она способствует сохранению этнической самобытности, родных языков и народных воспитательных традиций. С другой стороны, она формирует способность к межкультурному диалогу, снижает риск этнической замкнутости и помогает строить образовательный процесс на принципах уважения, доверия и равных возможностей.

Дагестанский государственный университет как среда формирования этнопедагогической компетенции

Дагестанский государственный университет занимает особое место в системе высшего образования региона, поскольку объединяет студентов, представляющих разные народы, языковые группы, культурные традиции и локальные сообщества Дагестана. В отличие от вузов, работающих в относительно однородной культурной среде, ДГУ ежедневно функционирует как пространство реального межкультурного взаимодействия. Поэтому формирование этнопедагогической компетенции здесь не может ограничиваться отдельным курсом или эпизодическим мероприятием: оно должно рассматриваться как сквозная характеристика образовательной политики университета. Практическая значимость опыта ДГУ состоит в том, что университет способен соединить три уровня работы. Первый уровень – академический: включение этнопедагогической проблематики в содержание педагогики, психологии, культурологии, истории, филологии, регионоведения, методики преподавания и педагогической практики. Второй уровень – воспитательный: создание среды межнационального общения, поддержка студенческих инициатив, развитие культуры

уважительного диалога и профилактика стереотипов. Третий уровень – социокультурный: взаимодействие университета с семьями, школами, учреждениями культуры, общественными организациями, носителями родных языков и представителями местных сообществ.

Именно сочетание этих уровней позволяет говорить о ДГУ как о площадке институциональной этнопедагогизации. В учебном процессе студенты получают научные знания о культуре, воспитании, языке и межкультурной коммуникации; во внеаудиторной работе они включаются в реальные практики диалога культур; в исследовательской деятельности учатся описывать, анализировать и сохранять этнопедагогическое наследие народов Дагестана. Таким образом, университет переводит этнокультурный опыт региона из сферы повседневной традиции в сферу профессионально осмысленной педагогической практики.

Особую роль в этой модели играет подготовка будущего педагога к работе с многоязычным и полиэтническим контингентом обучающихся. Студент ДГУ должен уметь видеть в родном языке, семейной традиции, фольклоре, обычаях, формах наставничества и локальной истории не только культурную ценность, но и педагогический ресурс. Отражением такой компетентности выступают: знание этнокультурных особенностей общностей, с представителями которых осуществляется взаимодействие; понимание ключевых национально-психологических особенностей иноэтнических партнёров; умение вести диалог с представителями иных культур; высокий уровень этнокультурной и конфессиональной толерантности [2; 25]. При этом важно, чтобы студент не противопоставлял культуру своего народа культурам других народов региона, а воспринимал многообразие Дагестана как основу сотрудничества, взаимного уважения и гражданской солидарности.

Практические направления этнопедагогизации образовательного процесса в ДГУ

Опыт Дагестанского государственного университета представляет собой совокупность взаимосвязанных направлений, каждое из которых формирует определённый компонент этнопедагогической компетенции.

Во-первых, это учебно-методическое направление. Оно предполагает включение этнопедагогического содержания в рабочие программы дисциплин, педагогическую практику, курсовые и

выпускные квалификационные работы. Для будущих педагогов особенно важны задания, связанные с анализом воспитательного потенциала народных традиций, разработкой сценариев уроков и воспитательных мероприятий на этнокультурном материале, сравнением семейных воспитательных практик разных народов Дагестана. Такое содержание переводит этнопедагогику с уровня общего разговора о традициях на уровень профессионального педагогического действия.

Во-вторых, это научно-исследовательское направление. Студенты могут проводить мини-исследования родных языков, семейных традиций, устной истории, народной этики, фольклора, обрядовой культуры, норм межпоколенного общения, традиций трудового и нравственного воспитания. Важным результатом такой работы становится формирование исследовательской ответственности: студент учится корректно собирать материал, уважительно работать с носителями культуры, избегать стереотипных описаний и видеть разнообразие внутри каждой этнической общности.

В-третьих, это языковое направление. Для Дагестана поддержка родных языков является не частной филологической задачей, а важным условием сохранения этнопедагогической памяти. В образовательной деятельности ДГУ целесообразно развивать популяризацию родных языков через национальную литературу, фольклор, студенческие переводы, конкурсы чтецов, языковые клубы, встречи с писателями и преподавателями, проекты по цифровому сохранению малых языков. Перспективным является и стимулирование интереса студентов к языкам других народов Дагестана, поскольку такое знакомство снижает межкультурную дистанцию и укрепляет уважение к соседним культурам.

В-четвёртых, это воспитательное и событийное направление. Олимпиады, конкурсы исследовательских работ, фестивали национальных культур, дни родных языков, межфакультетские дискуссии, тематические кураторские часы и волонтёрские проекты позволяют студентам представить культуру своего народа и познакомиться с культурой других народов региона. Особое значение имеет Межвузовская олимпиада по педагогике, традиционно проводимая в ДГУ. В 2021 году в ней участвовали 10 команд, которые представляли Дагестанский государственный университет, Дагестанский государственный педагогический университет и Чеченский государственный педагогический

университет. Конкурсная программа включала презентацию команды, проверку теоретических знаний по педагогике, педагогический анализ внеклассного воспитательного мероприятия, конкурс «Эврика», домашнее задание в форме плаката и инсценированной песни, а также конкурс «Социально-педагогический проект». Поскольку участники должны были не только продемонстрировать предметную подготовку, но и показать этническую культуру своего региона, олимпиада стала формой погружения студентов в национальные культуры Северного Кавказа [26; 27]. В такой работе формируется знание этнокультурного материала, в также опыт публичного выступления, командного взаимодействия, уважительного обсуждения различий и совместной ответственности за атмосферу в студенческом коллективе.

В-пятых, это проектное направление. Международный опыт показывает, что этнопедагогика становится особенно эффективной, когда связывается с активным обучением и реальными задачами [18]. Для ДГУ это может быть выражено в студенческих проектах по созданию электронных словарей, карт культурной памяти, видеоархивов устной истории, методических разработок для школ, выставок семейных реликвий, сборников пословиц и педагогических ситуаций из традиционной культуры. Такие проекты повышают вовлечённость студентов и позволяют соединить культурную идентичность с современными цифровыми и исследовательскими навыками.

В-шестых, это партнёрское направление. Этнопедагогическая компетенция формируется эффективнее, когда университет взаимодействует со школами, учреждениями культуры, библиотеками, музеями, родительским сообществом и общественными организациями. Для педагогических направлений подготовки особенно важна связь с образовательными организациями Дагестана, поскольку именно школа показывает студенту реальные трудности и возможности работы в многоязычном классе. Практика в таких условиях позволяет будущему педагогу проверить, насколько он готов учитывать культурные особенности обучающихся, выстраивать доверие и использовать этнокультурный материал без формализма [28].

В-седьмых, это рефлексивно-диагностическое направление. Университету важно не только проводить мероприятия, но и оценивать, как они влияют на развитие студентов. Для этого могут использоваться рефлексивные эссе, портфолио этнопедагогических

проектов, самооценка коммуникативных трудностей, наблюдение за работой в смешанных группах, обсуждение педагогических кейсов. Такая диагностика соответствует зарубежным подходам, где подчёркивается значение студенческой субъектности, диалога и совместной ответственности за образовательную культуру [17].

В результате модель университета может быть описана как система, включающая четыре ключевых результата: знание этнокультурного наследия народов Дагестана; уважительное отношение к культурному многообразию; готовность к межкультурной педагогической коммуникации; умение проектировать учебные и воспитательные ситуации с опорой на народную педагогику. Именно такая модель позволяет сделать этнопедагогическую компетенцию не декларативной, а реально действующей частью профессиональной подготовки будущего педагога.

Заключение

Формирование этнопедагогической компетенции студентов является актуальной задачей современной высшей школы, особенно в полиэтнических регионах. Для Дагестана эта задача имеет не только профессионально-педагогическое, но и социально-культурное значение, поскольку связана с сохранением родных языков, народной педагогики, межпоколенной преемственности и культуры межнационального согласия. Дагестанский государственный университет в данном контексте может рассматриваться как ключевая институциональная площадка, где этнокультурное многообразие региона превращается в ресурс профессиональной подготовки будущих педагогов.

Проведённый анализ позволяет выделить основные социально-психологические условия формирования этнопедагогической компетенции: признание поликультурной среды вуза ресурсом развития; опора на народную педагогику и этнокультурное наследие; развитие коммуникативно-этнопедагогической компетентности; включение студентов в практики межкультурного взаимодействия; системная поддержка родных языков; интеграция семьи, вуза и социокультурной среды; междисциплинарный характер профессиональной подготовки; студентоориентированная организация образовательного процесса; проектная и исследовательская деятельность студентов.

Этнопедагогическая компетенция будущего педагога проявляется в готовности понимать культурную специфику

обучающихся, использовать воспитательный потенциал народной педагогики, организовывать диалог культур и создавать образовательную среду, в которой каждый студент чувствует себя принятым и включённым в совместную деятельность. Для ДГУ перспективной является модель, объединяющая учебно-методическое, научно-исследовательское, языковое, воспитательное, проектное, партнёрское и рефлексивно-диагностическое направления. В этом смысле этнопедагогизация образовательного процесса выступает не только способом сохранения этнической самобытности, но и условием повышения качества профессиональной подготовки педагогических кадров.

Литература

1. Волков Г. Н. Педагогика любви. Избранные педагогические сочинения. Т. 1. Москва: Магистр-ПРЕСС, 2002. 460 с.

2. Алиева Б. Ш. Этнопедагогика дагестанской семьи: дис. … д-ра пед. наук. Пятигорск, 2006. 375 с.

3. Рабаданов М. Х., Алиева Б. Ш., Магомедова М. А. Основы социального партнерства вуза и семьи // Региональные аспекты социальной политики. 2014. № 16. С. 5–17.

4. Абдулатипов Р. Г. Этнополитология: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Питер, 2004. 320 с.

5. Мирзоев Ш. А. О нравственной культуре народов Дагестана // Региональные аспекты социальной политики. 2020. № 22. С. 38–50.

6. Волков Г. Н. Этнопедагогика. Учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. Москва: Издательский центр «Академия», 1999. 168 с.

7. Рабаданов М. Х. Современные тенденции развития высшей школы в России и Дагестане // Региональные аспекты социальной политики. 2023. № 25. С. 7–21.

8. Ильина Т. Б. Сущность и структура этнопедагогической компетентности современного педагога // Материалы научного издания. 2016. № 3. С. 69–75.

9. Сарканбаева Г. К., Узакбаева С. А., Аубакирова Г. М. Этнопедагогическая компетенция как важный элемент профессиональной подготовки учителя // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 6. С. 650–656. DOI: 10.33619/2414-2948/103/76.

10. Кузнецова Е. В. Этнопедагогическая подготовка будущих учителей к работе в полиэтническом регионе: монография. Астрахань: Издатель Сорокин Роман Васильевич, 2020. 118 с.

11. Матвеев Р. А. Формирование этнокультурной компетентности студентов в условиях поликультурной среды вуза // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. 2024. № 1 (122). С. 106–112. DOI: 10.37972/chgpu.2024.122.1.013

12. Коллегов А. К., Ким А. А. Этнопедагогика как средство формирования межкультурной компетенции в поликультурном социуме // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 8 (197). С. 214–223. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-214-223

13. Темиргалинова А. Коммуникативно-этнопедагогическая компетентность как базовая профессионально значимая характеристика будущих учителей в

процессе обучения в полиэтническом вузе // Вестник КазНУ. Серия «Педагогические науки». 2022. № 2 (71). С. 72–80. DOI: 10.26577/JES.2022.v71.i2.06

14. Hang Y., Zhang X. Intercultural competence of university students in navigating their academic, social, and ethnic cultural transitions // Journal of Further and Higher Education. 2023. DOI: 10.1080/0309877X.2023.2214790

15. Пойдина Т. В., Спесивцева А. В. Формирование этнокультурной компетентности студентов в процессе обучения по направлению «Профессиональное обучение (по отраслям)» // Культурное наследие Сибири. 2018. № 1 (25). С. 99–107.

16. Танхасаева А. С. Формирование этнопедагогической культуры в профессиональной подготовке студента вуза // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 1. С. 139–142.

17. Nilsson Lindstr¨om P., Brings´en A., Mel´en M., Ooms A. Models for student-centered educational culture: Holistic University Systems for a Student-Centered Educational Culture (HOLUS) and Co-Created Student-Educator Engagement Model (CO-SEEM) // Studies in Higher Education. 2025. DOI: 10.1080/03075079.2025.2596124

18. Rahmawati Y., Ridwan A., Cahyana U., Wuryaningsih T. The Integration of Ethnopedagogy in Science Learning to Improve Student Engagement and Cultural Awareness // Universal Journal of Educational Research. 2020. Vol. 8. No. 2. P. 662-671. DOI: 10.13189/ujer.2020.080239

19. Харитонов М. Г. Краткий словарь по этнопедагогике и этнопсихологии. Чебоксары: Форд-диалог, 1996. 128 с.

20. Крысько В. Г. Этническая психология: учебное пособие. Москва: Педагогика, 2002. 157 с.

21. Булаева К. Б. Сохранить этническую уникальность народов Дагестана // Региональные аспекты социальной политики. 2015. № 17. С. 33–38.

22. Миграционные процессы в Дагестане / Ш. М. Гимбатов, М. М. Магомедов, Ш. С. Мудуев и др. Махачкала: Минтруд РД, 2005. 122 с.

23. Занятость и отходничество сельского населения Дагестана / И. И. Эфендиев, Ш. М. Алиев, Ш. М. Гимбатов и др. Махачкала: Наука плюс, 2008. 200 с.

24. Holland E. C., Eldarov E. M. «Going away on foot» once again: the revival of temporary labour migration from Russia’s Dagestan // Central Asian Survey. 2012. Vol. 31. No. 4. P. 379-393.

25. Алиева Б. Ш., Авшалумова Л. Х. Этнокультурная компетентность как условие профилактики экстремизма и терроризма // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 34–37.

26. Рабаданов М. Х., Алиева Б. Ш. Педагогические условия формирования социальной активности дагестанской молодежи на основе проектной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 396–398.

27. Формирование толерантного сознания и поведения у обучающихся: методические рекомендации / сост.: Г. Н. Григорьев, Н. В. Иванова, Л. В. Кузнецова, И. А. Медведева, И. В. Павлов. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2009. 128 с.

28. Абакарова Р. М., Рабаданов М. Х. Поликультурная модель университетского образования // Региональные аспекты социальной политики. 2021. № 23. С. 7–11.

References

1. Volkov GN. Pedagogy of Love. Selected Pedagogical Works. Vol. 1. Moscow: Magistr-PRESS; 2002. 460 p. (in Russian)

2. Alieva BSh. Ethnopedagogy of the Dagestani Family [dissertation]. Pyatigorsk; 2006. 375 p. (in Russian)

3. Rabadanov MKh, Alieva BSh, Magomedova MA. Fundamentals of Social Partnership between the University and the Family. Regional Aspects of Social Policy. 2014;(16):5-17 (in Russian).

4. Abdulatipov RG. Ethnopolitical Science: Textbook. St. Petersburg: Piter; 2004. 320 p. (in Russian)

5. Mirzoev ShA. On the Moral Culture of the Peoples of Dagestan. Regional Aspects of Social Policy. 2020;(22):38-50 (in Russian).

6. Volkov GN. Ethnopedagogy as Pedagogy of the National School and Family: Textbook. Almaty; 2001. 230 p. (in Russian)

7. Rabadanov MKh. Modern Trends in the Development of Higher Education in Russia and Dagestan. Regional Aspects of Social Policy. 2023;(25):7-21 (in Russian).

8. Ilyina TB. The Essence and Structure of Ethnopedagogical Competence of a Modern Teacher. In: Materials of a Scientific Publication. 2016;(3):69-75 (in Russian).

9. Sarkanbaeva GK, Uzakbaeva SA, Aubakirova GM. Ethnopedagogical competence as an important element of teacher professional training. Bulletin of Science and Practice. 2024;10(6):650-656 (in Russian). DOI: 10.33619/2414-2948/103/76

10. Kuznetsova EV. Ethnopedagogical preparation of future teachers for work in a multiethnic region: monograph. Astrakhan: Publisher Roman Vasilievich Sorokin; 2020. 118 p. (in Russian)

11. Matveyev RA. Formation of Students' Ethnocultural Competence in a Multicultural University Environment. I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin. 2024;122(1):106-112 (in Russian). DOI: 10.37972/chgpu.2024.122.1.013

12. Kollegov AK, Kim AA. Ethnopedagogy as a Means of Forming Intercultural Competence in a Multicultural Society. Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2018;197(8):214-223 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-8-214-223

13. Temirgalinova A. Communicative and Ethnopedagogical Competence as a Basic Professionally Significant Characteristic of Future Teachers in the Process of Studying at a Multiethnic University. Journal of Educational Sciences. 2022;71(2):72-80 (in Russian). DOI: 10.26577/JES.2022.v71.i2.06

14. Hang Y, Zhang X. Intercultural Competence of University Students in Navigating Their Academic, Social, and Ethnic Cultural Transitions. Journal of Further and Higher Education. 2023. DOI: 10.1080/0309877X.2023.2214790

15. Poydina TV, Spesivtseva AV. Formation of students' ethnocultural competence in the process of studying in the direction of "Vocational training (by industry)". Cultural heritage of Siberia. 2018;25(1):99-107 (in Russian).

16. Tankhasaeva AS. Formation of ethnopedagogical culture in the professional training of university students. Bulletin of Buryat State University. Philosophy. 2010;(1):139-142 (in Russian).

17. Nilsson Lindström P, Bringsön A, Melön M, Ooms A. Models for student-centered educational culture: Holistic University Systems for a Student-Centered Educational Culture (HOLUS) and Co-Created Student-Educator Engagement Model (CO-SEEM). Studies in Higher Education. 2025. DOI: 10.1080/03075079.2025.2596124

18. Rahmawati Y, Ridwan A, Cahyana U, Wuryaningsih T. The Integration of Ethnopedagogy in Science Learning to Improve Student Engagement and Cultural

Awareness. Universal Journal of Educational Research. 2020;8(2):662-671. DOI: 10.13189/ujer.2020.080239

19. Kharitonov MG. Brief Dictionary of Ethnopedagogy and Ethnopsychology. Cheboksary: Ford-Dialog; 1996. 128 p. (in Russian)

20. Krys'ko VG. Ethnic Psychology: A Tutorial. Moscow: Pedagogy; 2002. 157 p. (in Russian)

21. Bulaeva KB. Preserving the Ethnic Uniqueness of the Peoples of Dagestan. Regional Aspects of Social Policy. 2015;(17):33-38 (in Russian).

22. Gimbatov ShM, Magomedov MM, Muduev ShS, et al. Migration Processes in Dagestan. Makhachkala: Mintrud RD; 2005. 122 p. (in Russian)

23. Efendiev II, Aliyev ShM, Gimbatov ShM, et al. Employment and seasonal work of the rural population of Dagestan. Makhachkala: Nauka Plus; 2008. 200 p. (in Russian)

24. Holland EC, Eldarov EM. “Going away on foot” once again: the revival of temporary labor migration from Russia’s Dagestan. Central Asian Survey. 2012;31(4):379-393 (in Russian).

25. Alieva BSh, Avshalumova LKh. Ethnocultural competence as a condition for the prevention of extremism and terrorism. World of science, culture, education. 2019;79(6):34-37 (in Russian).

26. Rabadanov MKh, Alieva BSh. Pedagogical conditions for the formation of social activity of Dagestani youth based on project activities. The world of science, culture, education. 2020;85(6):396-398 (in Russian).

27. Grigoriev GN, Ivanova NV, Kuznetsova LV, Medvedeva IA, Pavlov IV, compilers. Formation of tolerant consciousness and behavior in students: methodological recommendations. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University; 2009. 128 p. (in Russian)

28. Abakarova RM, Rabadanov MKh. Multicultural model of university education. Regional aspects of social policy. 2021;(23):7-11 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 10.05.2025
The article is submitted 10.05.2025

УДК 332.1:331.101.3
DOI:

©2025 **Гимбатов Ш. М.**
Институт социально-экономических исследований
ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия

Роль профессиональных компетенций в стратегическом развитии экономики Дагестана

Аннотация. Обсуждается значение профессиональных знаний и качества кадрового потенциала для стратегического развития экономики Республики Дагестан. Анализируются особенности современной структуры региональной экономики, в которой преобладают сферы торговли, услуг, строительства и мелкотоварного производства. Обосновывается необходимость согласования образовательной политики, потребностей рынка труда и долгосрочных целей социально-экономического развития региона. Особое внимание уделяется проблемам подготовки инженерно-технических кадров, взаимодействию образовательных организаций с бизнес-сообществом, а также формированию эффективной системы передачи профессиональных компетенций. Делается вывод о том, что устойчивое развитие экономики региона невозможно без формирования конкурентоспособного человеческого капитала, способного обеспечивать постепенное усложнение производственных систем и повышение их технологического уровня.

***Ключевые слова*:** Республика Дагестан, стратегия развития, профессиональные компетенции, человеческий капитал, рынок труда, кадровый потенциал.

©2025 **Gimbatov Sh. M.**
Institute of Socio-Economic Research DFRC RAS,
Makhachkala, Russia

The Role of Professional Competencies in the Strategic Development of Dagestan's economy

Abstract. The importance of professional knowledge and the quality of human resources for the strategic development of the economy of the Republic of Dagestan is discussed. The current structure of the regional economy, dominated by trade, services, construction, and small-scale production, is analyzed. The need to align educational policy, labor market needs, and the region's long-term socioeconomic development goals is substantiated. Particular attention is paid to the training of engineering and technical personnel, the interaction of educational institutions with the business community, and the development of an effective system for the transfer of professional competencies. It is concluded that sustainable regional development is impossible without the development of competitive human capital capable of ensuring the gradual complication of production systems and increasing their technological level.

Keywords*:* Republic of Dagestan, development strategy, professional competencies, human capital, labor market, personnel potential.

Введение

В современных условиях конкурентоспособность регионов определяется не только объемом природных ресурсов, уровнем инвестиций или состоянием инфраструктуры, но и качеством человеческого капитала. В региональной экономической науке человеческий капитал рассматривается как совокупность знаний, навыков, компетенций и профессионального опыта, обеспечивающих рост производительности труда и устойчивое социально-экономическое развитие территорий [1–3]. В последние десятилетия именно качество кадрового потенциала становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности региональных экономик в условиях технологических изменений и цифровой трансформации [4–6].

Значительное внимание проблемам взаимосвязи образования, рынка труда и экономического развития уделяется как в зарубежной, так и в отечественной научной литературе. Классические исследования Т. Шульца и Г. Беккера заложили теоретические основы концепции человеческого капитала, показав зависимость экономического роста от инвестиций в образование и профессиональную подготовку населения [7; 8]. Эти идеи получили дальнейшее развитие в рамках исследований, в которых квалифицированные кадры рассматривались как один из важнейших факторов повышения конкурентных преимуществ территорий [9]. Современные исследования Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) и Всемирного банка акцентируют внимание на необходимости постоянного обновления компетенций работников в условиях технологических изменений и цифровизации экономики [10; 11].

В российской научной литературе фундаментальные вопросы формирования кадрового потенциала региональных экономик нашли отражение в работах А.Г. Аганбегяна, А.Г. Гранберга, Н.В. Зубаревич [12–14] и других исследователей, подчеркивающих возрастающую роль профессиональных знаний и квалификации в обеспечении устойчивого экономического роста регионов. Для Северного Кавказа и Республики Дагестан актуальны исследования, посвященные особенностям регионального рынка труда, структуре экономики и проблемам подготовки кадров в условиях ограниченного промышленного развития [15–17].

Тем не менее, несмотря на значительное количество исследований, многие вопросы, связанные с влиянием

профессиональных знаний на стратегическое развитие Дагестана, до сих пор остаются недостаточно изученными. В частности, требует дополнительного анализа проблема согласования образовательной политики, потребностей региональной экономики и запросов бизнеса в условиях преобладания сервисного сектора и ограниченного спроса на высокотехнологичные компетенции [18].

Для Республики Дагестан вопросы кадрового обеспечения экономики и социальной сферы развития имеют исключительно важное значение. С одной стороны, регион обладает значительным демографическим потенциалом и высоким уровнем предпринимательской активности населения. С другой стороны, структура экономики характеризуется преобладанием торговли, услуг, строительства и мелкотоварного производства, что ограничивает спрос на высокотехнологичные компетенции и инженерно-технические специальности.

Цель исследования заключается в выявлении роли профессиональных знаний в стратегическом развитии экономики Республики Дагестан и определении механизмов согласования интересов системы образования, рынка труда и бизнеса в регионе.

Реальная экономики как фактор кадрового спроса

Стратегическое развитие региона предполагает выбор приоритетов и концентрацию ресурсов на наиболее перспективных направлениях. Однако данный выбор должен опираться на объективный анализ сложившейся структуры региональной хозяйственной системы [19]. Экономика Дагестана в настоящее время имеет преимущественно сервисный характер. Значительную роль играют торговля, сфера услуг, строительство и различные формы малого предпринимательства. Такая модель обеспечивает относительно быстрое вовлечение населения в экономическую деятельность и позволяет формировать доходы без крупных капиталовложений. Вместе с тем сервисная экономика не создает устойчивый спрос на широкий круг высококвалифицированных специалистов и не способствует активному развитию сложных технологических производств. В результате формируется своеобразный институциональный барьер, препятствующий переходу к более сложной структуре экономики [18]. В этой связи стратегическое развитие региона должно учитывать не только желаемую модель будущего, но и существующие экономические реалии, определяющие поведение населения, предпринимателей и инвесторов.

В современных условиях профессиональные знания выступают ключевым элементом человеческого капитала [20]. Однако значение образования не сводится исключительно к передаче информации и профессиональных навыков. Важнейшей задачей образовательной системы становится формирование способности человека самостоятельно оценивать происходящие процессы, определять собственные жизненные и профессиональные приоритеты, адаптироваться к изменениям рынка труда и технологической среды [21].

Профессиональные знания оказывают влияние не только на трудовую деятельность, но и на систему ценностей личности. Они позволяют человеку осознанно выстраивать профессиональную траекторию и принимать решения, связанные с выбором сферы деятельности, повышением квалификации и профессиональной мобильностью.

В условиях быстро меняющейся экономики особое значение приобретает способность к непрерывному обучению и обновлению компетенций. Этот навык становится одним из решающих факторов и универсальной мерой повышения конкурентоспособности современного специалиста [22; 23].

Проблема синхронизации образования и рынка труда

Серьезной проблемой регионального развития является недостаточная согласованность между системой образования и потребностями рынка труда. Зачастую образовательные организации ориентируются на собственные представления о востребованных профессиях, реальные же потребности работодателей при этом остаются недостаточно изученными. В результате возникает дисбаланс между подготовкой кадров и фактическим спросом экономики.

Особенно отчетливо данная проблема проявляется в вопросах подготовки специалистов для агропромышленного комплекса, промышленности и инженерно-технической сферы. Несмотря на наличие отдельных крупных предприятий, значительный объем работы в регионе осуществляется малыми семейными хозяйствами и микропредприятиями, для которых характерен иной уровень кадровых потребностей. Поэтому эффективная кадровая политика должна строиться на постоянном мониторинге рынка труда и активном участии работодателей в формировании образовательных программ [18].

Современная система подготовки специалистов не может эффективно функционировать без участия работодателей. Именно бизнес обладает наиболее полной информацией о необходимых профессиональных навыках и компетенциях. Работодатели способны формулировать конкретный кадровый запрос, предоставлять возможности для прохождения практики и стажировок, участвовать в наставничестве и передаче профессионального опыта. Отсутствие такого взаимодействия приводит к разрыву между теоретической подготовкой и практическими потребностями производства.

Не менее важной значение приобретает участие представителей бизнеса в разработке программ подготовки специалистов. При этом образовательные организации должны выступать не только поставщиками знаний, но и посредниками между профессиональным сообществом и обучающимися. Таким образом, практико-ориентированный подход позволяет обеспечить более эффективную подготовку специалистов и повысить их конкурентоспособность на рынке труда [24].

Инженерные компетенции и технологическое развитие региона

Одним из ключевых условий технологического развития региона является наличие инженерно-технических кадров. В Дагестане существуют образовательные учреждения, способные осуществлять подготовку специалистов инженерного профиля. Однако эффективность такой подготовки ограничивается недостаточным развитием промышленной базы [2; 3].

Возникает своеобразный замкнутый круг: отсутствие развитой индустрии снижает спрос на инженеров, а недостаток инженерных кадров затрудняет формирование новых технологических производств. Кроме того, современное понимание инженерной деятельности существенно изменилось. Инженерные компетенции все больше связаны с цифровыми технологиями, автоматизированными системами управления, обработкой данных и программным обеспечением. Следовательно, подготовка инженерных кадров должна сопровождаться созданием инновационной среды, в которой данные компетенции могут быть востребованы и реализованы [10].

Развитие экономики и совершенствование кадрового потенциала региона находятся в отношениях взаимного влияния. Экономика формирует спрос на определенные компетенции, а

уровень квалификации трудовых ресурсов определяет пределы экономического роста. Поэтому стратегическое развитие региона невозможно свести к простому расширению перечня образовательных программ или механическому увеличению числа выпускников по отдельным направлениям подготовки. Необходим комплексный подход, предполагающий координацию развития региональной экономики, системы образования, науки и предпринимательской среды. Принципиально важной значение при этом приобретает формирование эффективной цепочки взаимодействия «школа – вуз – производство – профессиональные компетенции – кадровый потенциал». Правда такая система способна функционировать только при наличии устойчивой коммуникации между всеми участниками процесса и четкого понимания перспектив социально-экономического и экологического развития региона [13; 15].

Заключение

Профессиональные компетенции являются одним из ключевых факторов стратегического развития Республики Дагестан. В современных условиях именно качество человеческого капитала определяет возможности перехода от преимущественно сервисной модели экономики к более сложным формам хозяйственной деятельности, основанным на технологиях, инновациях и высокой производительности труда.

Такой ход стратегического развития экономики региона предполагает синхронизацию интересов государства, образовательных организаций, бизнеса и научного сообщества. При этом подготовка кадров должна основываться на реальных потребностях производства и сопровождаться активным участием работодателей в образовательном процессе.

Таким образом, перспективы долгосрочного социально-экономического развития Дагестана должны быть связаны не столько с количественным ростом системы образования, сколько с повышением качества подготовки, развитием инженерных и управленческих компетенций, а также формированием привлекательных условий для реализации профессиональных знаний внутри региона. Только в этом случае профессиональные компетенции способны стать реальным ресурсом модернизации экономики и обеспечения устойчивого социально-политического развития республики.

Литература

1. Гамзатов М. Г., Квинт В. Л., Юзбеков З. К. Научно-техническое развитие экономики Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988. 144 с.

2. Сагидов Ю. Н., Эльдаров Э. М., Петросянц В. З. и др. Дагестан на пути в будущее: социально-экономические преобразования. Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. 175 с.

3. Алиев В. Г., Магомедов М. Г., Шихахмедов Г. Г. Перспективы развития дагестанской экономики в XXI веке. Махачкала: Изд. Юпитер, 2002. 336 с.

4. Acemoglu D., Restrepo P. The Race Between Man and Machine: Implications of Technology for Growth, Factor Shares and Employment // American Economic Review. 2018. – Vol. 108. No. 6. P. 1488–1542.

5. Влияние цифровой трансформации на подготовку кадров, развитие экономики и бизнеса / Рабаданов М. Х., Магомедбеков Г. У., Амиров Р. А., Абусаламова Н. А. и др. Махачкала: Изд. «Алеф», 2022. 208 с. DOI: 10.33580/9785991302555

6. Развитие экономики и бизнеса в условиях новых вызовов / Рабаданов М. Х., Амиров Р. А., Магомедбеков Г. У., Абдуллаев М. К. и др. Махачкала: Изд. АЛЕФ, 2023. 306 с. DOI: 10.33580/9785002124336

7. Schultz T. W. Investment in Human Capital. New York: Free Press, 1971. 272 p.

8. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 412 p.

9. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. New York: Free Press, 1990. 896 p.

10. OECD. Skills Strategy 2030: Skills for a Digital World. Paris: OECD Publishing, 2023. 214 p.

11. World Development Report 2019. The Changing Nature of Work [Электронный ресурс] // The World Bank Group. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019 (дата обращения: 10.10.2025)

12. Аганбегян А. Г. Экономическое развитие России. М.: Дело, 2023. 448 с. ISBN 978-5-85006-482-2.

13. Гранберг А. Г. Региональная экономика и региональная наука в России: десять лет спустя // Регион: экономика и социология. 2004. №1. С. 57–81.

14. Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики, 2010. 160 с. ISBN 978-5-903599-10-3

15. Эскеров Д. Б. Социально-экономические проблемы формирования рынка труда и управления занятостью в депрессивно-трудоизбыточном регионе. Махачкала: Институт социально-экономических исследований ДНЦ РАН, 2000. 312 с. ISBN 5-7014-0114-6

16. Сельская местность юга России на рубеже веков: проблемы занятости населения / Отв. ред. И. И. Эфендиев, Э. М. Эльдаров. Махачкала: Изд. Наука-плюс, 2004. 204 с. ISBN 5-903063-02-0.

17. Кутаев Ш. К. Мероприятия по синхронизации системы подготовки кадров и рынка труда региона // Дискуссия. 2024. № 8(129). С. 143-150. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-8-129-143-150.

18. Гимбатов Ш. М. Воздействие институциональной среды региона на формирование и изменение трудовых ценностей // Региональные проблемы

преобразования экономики. 2022. № 11(145). С. 142-146. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-11-142-146.

19. Gadziev N. G., Rabadanov M. H., Eldarov E. M. The leading branches of Dagestan economy: problems and development prospects // Ponte. 2017, Vol. 73, Is. 5. Pp. 73-84. DOI: 10.21506/j.ponte.2017.5.7

20. Козловская Э. А., Яковлева Е. А., Бучаев Я. Г., Гаджиев М. М. Экономика и управление инновациями: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2023. 376 с. DOI: 10.12737/1846124

21. Абдулманапов С. Г., Аджиева С. А., Аскеров Н. С. и др. Формирование и развитие отраслевых кластеров в экономике региона. Махачкала: ДГУНХ, 2017. 252 с.

22. Freeman R. B. The Overeducated American. New York: Academic Press; 1976. 218 p. ISBN 0-12-267250-X.

23. Bol T., Eller C. C., Werfhorst H. G., DiPrete T. A. School-to-Work Linkages, Educational Mismatches, and Labor Market Outcomes // American Sociological Review. 2019. Vol. 84, No. 2. P. 275–307. DOI: 10.1177/0003122419836081.

24. Buchaev Y. G., Abdulkadyrov A. S., Abdulmanapov S. G., Gadzhiev R. N., Abdullaeva Z. M. Managing innovations and digitalisation in the age of intellectual machines: challenges for the economic policy in Russian regions // International Journal of Economic Policy in Emerging Economies. 2024. Vol. 19. No. 3/4. P. 346–356. DOI: 10.1504/IJEPEE.2024.139068

References

1. Gamzatov MG, Kvint VL, Yuzbekov ZK. Scientific and technological development of the economy of Dagestan. Makhachkala: Dagknigoizdat; 1988. 144 p. (in Russian).

2. Sagidov YuN, Eldarov EM, Petrosyants VZ, et al. Dagestan on the way to the future: socio-economic transformations. Makhachkala: Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; 1996. 175 p. (in Russian).

3. Aliev VG, Magomedov MG, Shikhakhmedov GG. Prospects for the development of the Dagestan economy in the 21st century. Makhachkala: Yupiter Publishers; 2002. 336 p. (in Russian).

4. Acemoglu D, Restrepo P. The race between man and machine: implications of technology for growth, factor shares and employment. Am Econ Rev. 2018;108(6):1488-1542.

5. Rabadanov MKh, Magomedbekov GU, Amirov RA, Abusalamova NA, et al. Impact of digital transformation on workforce training, economic and business development. Makhachkala: Alef Publishers; 2022. 208 p. DOI: 10.33580/9785991302555. (in Russian).

6. Rabadanov MKh, Amirov RA, Magomedbekov GU, Abdullaev MK, et al. Economic and business development under new challenges. Makhachkala: Alef Publishers; 2023. 306 p. DOI: 10.33580/9785002124336. (in Russian).

7. Schultz TW. Investment in human capital. New York: Free Press; 1971. 272 p.

8. Becker GS. Human capital: a theoretical and empirical analysis. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press; 1993. 412 p.

9. Porter ME. The competitive advantage of nations. New York: Free Press; 1990. 896 p.

10. OECD. Skills strategy 2030: skills for a digital world. Paris: OECD Publishing; 2023. 214 p.

11. World Bank. World Development Report 2019: The changing nature of work [Internet]. Washington (DC): World Bank; 2019 [cited 2025 Oct 10]. Available from: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019

12. Aganbegyan AG. Economic development of Russia. Moscow: Delo; 2023. 448 p. ISBN 978-5-85006-482-2. (in Russian).

13. Granberg AG. Regional economics and regional science in Russia: ten years later. Region: Economics and Sociology. 2004;(1):57-81. (in Russian).

14. Zubarevich NV. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow: Independent Institute for Social Policy; 2010. 160 p. (in Russian).

15. Eskerov DB. Socio-economic problems of labor market formation and employment management in a depressed labor-surplus region. Makhachkala: Institute of Socio-Economic Research, Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; 2000. 312 p. (in Russian).

16. Efendiev II, Eldarov EM, editors. Rural areas of Southern Russia at the turn of the century: employment problems. Makhachkala: Nauka-Plus Publishers; 2004. 204 p. (in Russian).

17. Kutaev ShK. Measures to synchronize the workforce training system and the regional labor market. Discussion. 2024;(8):143-150. DOI: 10.46320/2077-7639-2024-8-129-143-150. (in Russian).

18. Gimbatov ShM. Impact of the regional institutional environment on the formation and transformation of labor values. Regional Problems of Economic Transformation. 2022;(11):142-146. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-11-142-146. (in Russian).

19. Gadziev NG, Rabadanov MKh, Eldarov EM. The leading branches of Dagestan economy: problems and development prospects. Ponte. 2017;73(5):73-84. DOI: 10.21506/j.ponte.2017.5.7.

20. Kozlovskaya EA, Yakovleva EA, Buchaev YG, Gadzhiev MM. Economics and innovation management. Moscow: INFRA-M; 2023. 376 p. DOI: 10.12737/1846124 (in Russian).

21. Abdulmanapov SG, Adzhieva SA, Askerov NS, et al. Formation and development of sectoral clusters in the regional economy. Makhachkala: Dagestan State University of National Economy; 2017. 252 p. (in Russian).

22. Freeman RB. The overeducated American. New York: Academic Press; 1976. 218 p. ISBN 0-12-267250-X.

23. Bol T, Eller CC, van de Werfhorst HG, DiPrete TA. School-to-work linkages, educational mismatches, and labor market outcomes. Am Sociol Rev. 2019;84(2):275-307. DOI: 10.1177/0003122419836081.

24. Buchaev YG, Abdulkadyrov AS, Abdulmanapov SG, Gadzhiev RN, Abdullaeva ZM. Managing innovations and digitalisation in the age of intellectual machines: challenges for the economic policy in Russian regions. Int J Econ Policy Emerg Econ. 2024;19(3-4):346-356. DOI: 10.1504/IJEPEE.2024.139068.

Статья поступила в редакцию 12.10.2025.
The article is submitted 12.10.2025.

УДК 332.87
DOI:

© 2025 **Исмаилов Ч. Н.**[1], **Эльдаров Э. М.**[2]
[1]Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан;
[2]Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия

Устойчивое развитие городов в условиях глобальных социально-экономических трансформаций

Аннотация. В статье рассматривается урбанизация – один из ключевых глобальных процессов XXI века, влияющих на экономическое, социальное и пространственное развитие современного мира. Анализируются основные тенденции роста городского населения и расширения городских территорий, специфические черты такого роста в развитых и развивающихся странах. Особое внимание уделяется проблемам устойчивого развития городской среды, концепции «умного города» и цифровизации систем управления городским пространством. Делается вывод о том, что дальнейшее развитие мировой цивилизации будет во многом зависеть от способности государств и международного сообщества обеспечивать устойчивое, экологически безопасное и социально ориентированное развитие городов.

Ключевые слова: урбанизация, устойчивое развитие, умный город, экология города, The Line, 15-минутный город.

© 2025 **Ismailov Ch. N.**[1], **Eldarov E. M.**[2]
[1]Baku State University, Baku, Azerbaijan;
[2]Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Sustainable Urban Development in the Context of Global Socio-Economic Transformations

Abstract. This article examines urbanization as one of the key global processes of the twenty-first century, significantly shaping the economic, social, and spatial development of contemporary society. The study analyzes major trends in urban population growth and urban expansion, highlighting the distinctive features of these processes in both developed and developing countries. Particular attention is given to the challenges of sustainable urban development, the concept of smart cities, and the digitalization of urban governance and management systems. The article concludes that the future development of global civilization will largely depend on the ability of national governments and the international community to promote sustainable, environmentally responsible, and socially inclusive urban development.

Keywords: urbanization, sustainable urban development, smart cities, urban ecology, The Line, 15-minute city.

Введение

В XXI веке человечество вступило в эпоху глобальной урбанизации, когда именно города становятся основными центрами социально-экономической и технологической активности [1; 2]. Современные мегаполисы концентрируют значительную часть мирового валового продукта, научного потенциала и инновационного развития, одновременно превращаясь в ключевые пространства формирования глобальных проблем [3; 4]. Стремительный рост городского населения сопровождается усилением нагрузки на инфраструктуру, экологические системы и ресурсы, что делает проблему устойчивого развития городской среды одной из центральных тем современности [5].

Сегодня урбанизация рассматривается не только как демографический процесс, но и как важнейший фактор трансформации экономики, социальной структуры общества и пространственной организации государств [6]. Города определяют темпы экономического роста, формируют рынки труда, обеспечивают развитие образования, медицины и сферы услуг. Вместе с тем концентрация населения приводит к транспортной перегруженности, росту социального неравенства, дефициту доступного жилья и ухудшению экологической ситуации [7].

Особую актуальность проблема урбанизации приобретает в развивающихся странах, где рост городов происходит сравнительно быстро и зачастую носит хаотичный характер. Массовая миграция населения из сельской местности обусловлена безработицей, слабым развитием инфраструктуры и ограниченным доступом к базовым социальным услугам в селах. Вследствие этого города сталкиваются с расширением неформальной застройки, дефицитом коммунальной инфраструктуры и ухудшением качества городской среды [8].

Демографический рост и пространственное расширение городов

Одна из ключевых проблем современной урбанизации связана с ускоренным расширением городских территорий. В последние десятилетия рост площади застроенных пространств во многих странах существенно опережал темпы увеличения численности населения [9; 10]. Это свидетельствует о переходе урбанизации в качественно новую фазу, где важнейшей проблемой становится уже не столько динамика численности горожан, сколько хаотичность пространственного развития города.

По прогнозам международных организаций, к середине XXI века в городах будет проживать более двух третей населения планеты. При этом наиболее интенсивный рост ожидается в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. В этих регионах урбанизация часто сопровождается слабым развитием транспортной инфраструктуры, дефицитом инженерных сетей и высокой плотностью населения в отдельных районах [11].

Стремительное расширение городов оказывает значительное влияние на природные экосистемы. Увеличение площади застройки приводит к сокращению зеленых зон, росту энергопотребления и усилению загрязнения окружающей среды. Все это требует внедрения новых подходов к пространственному планированию, основанных на принципах устойчивого развития и рационального использования ресурсов [12].

Социально-экономические и экологические проблемы современных мегаполисов

Глобальные социально-экономические изменения во многом связаны с реализацией программ по достижению целей устойчивого развития. Однако современная реальность показывает, что разрушение сложившейся системы межгосударственных отношений и другие стрессовые геополитические факторы создают серьезные препятствия на пути стабильного развития государств и главных центров расселения. Эти препятствия могут носить как субъективный, так и объективный характер. Закономерности возникновения такого рода противоречий были научно обоснованы в начале 1980-х годов ведущим российским географом-обществоведом Юрием Веденином, который при изучении эволюции территориальных систем массового отдыха населения выявил два пространственно-временных типа региональных систем – потребительский (субъект-центрированный) и ресурсный (объект-центрированный) [13].

Современные крупные города, будучи центрами региональных систем потребительского типа, эволюционно преобразуются в ядра концентрации не только экономических возможностей, но и многочисленных социальных противоречий. Одной из наиболее острых проблем остается жилищный кризис. Во многих мегаполисах мира стоимость жилья продолжает расти быстрее доходов населения, что приводит к формированию перенаселенных районов и развитию неформальных поселений [14].

Серьезной проблемой становится экологическое состояние городской среды. Рост транспортных потоков, промышленного

производства и энергопотребления приводит к ухудшению качества воздуха, увеличению выбросов парниковых газов и усилению климатических рисков. Города превращаются в крупнейших потребителей ресурсов и одновременно главные источники антропогенного загрязнения окружающей среды [15].

Наряду с экологическими вызовами усиливаются и социальные проблемы. Неравномерное развитие городской среды приводит к углублению имущественного расслоения, росту социальной напряженности и ухудшению качества жизни отдельных групп населения [16].

Цифровизация и концепция «умного города»

В условиях усложнения городской среды традиционные модели управления мегаполисами постепенно утрачивают эффективность. Современный город – это сложнейшая систем, в которой органически взаимосвязаны транспорт и энергетика, строительство и коммунальное хозяйство, социальная инфраструктура и экология. Поэтому в последние годы все большее распространение получает концепция «умного города», основанная на широком использовании цифровых технологий [17–19]. Соответственно, важную роль начинают играть геоинформационные системы, технологии анализа больших данных, интеллектуальные транспортные системы и цифровые платформы объемного (трехмерного) мониторинга городской инфраструктуры.

Использование подобных решений позволяет более эффективно распределять ресурсы, прогнозировать транспортные нагрузки, оптимизировать энергопотребление и повышать устойчивость городской среды. После пандемии COVID-19 ускорилось развитие дистанционных форм занятости и удаленного взаимодействия, что привело к изменению традиционной модели урбанизации и усилению процессов субурбанизации.

Мегапроект NEOM и концепция города будущего The Line

Одним из наиболее масштабных примеров поиска новой модели городского развития стал проект Саудовский Аравии NEOM и его центральный элемент – уникальный мегаполис The Line. Проект представляет собой попытку переосмысления традиционной структуры мегаполиса и создания принципиально нового типа городской среды, основанной на устойчивом развитии, цифровом управлении и минимизации экологической нагрузки [20; 21].

Фантастический экогород-небоскреб The Line рассчитан на проживание 9 миллионов человек и будет линейным городом. Он

протянется примерно на 170 км, соединив берег Красного моря с внутренними районами Аравийского полуострова. Традиционная автомобильная модель передвижения будет заменена в этом городе на высокоскоростной общественный транспорт и пешеходную доступность городской инфраструктуры. В данном проекте основной упор делается на использование возобновляемых источников энергии, искусственного интеллекта, автоматизированных систем управления и геоинформационных технологий [22; 23]. Вместе с тем проект вызывает активные дискуссии в научной и экспертной среде. Дело даже не столько в его высокой стоимости, сколько в огромных технологических сложностях его реализации и пока еще не изученных вопросах будущей социальной адаптации населения.

Концепция «15-минутного города»

Урбанистическая модель, в которой все базовые потребности жителей должны удовлетворяться в пределах 15 минут ходьбы или поездки на велосипеде от дома, в 2016 году разработал профессор Сорбонны Карлос Морено, а её главным мировым полигоном стал Париж. Основная цель концепции – вернуть городам человеческий масштаб, сократив зависимость людей от личных автомобилей и долгих ежедневных поездок на работу [24].

В основе модели лежат шесть ключевых городских функций, к которым житель должен иметь быстрый доступ: жизнь (жилье), работа, снабжение (продукты и товары), забота (медицина), образование и досуг. Вместо привычного разделения мегаполиса на спальные районы и деловой центр, «15-минутный город» предлагает смешанную застройку. Здесь в одном и том же квартале находятся жилые дома, коворкинги, магазины, школы и поликлиники, что делает районы оживленными в любое время суток. Эта концепция кардинально меняет городскую экологию и инфраструктуру, трансформируя использование пространства. Улицы перестраиваются в пользу пешеходов и велосипедистов, расширяются тротуары, высаживаются деревья, а автомобильные парковки превращаются в скверы и детские площадки [25].

Важным принципом является мультифункциональность: например, школьные дворы по вечерам и выходным открываются для всех жителей как общественные парки, а спортивные залы используются для районных мероприятий. Это дает мощный социальный и экономический эффект, укрепляя местное сообщество и поддерживая малый бизнес. Когда люди проводят больше времени

в своем районе, они чаще общаются с соседями, снижается уровень стресса и улучшается физическое здоровье за счет активного движения. Локальные кафе, мастерские и магазины получают постоянный поток клиентов, что делает экономику района устойчивой к кризисам и снижает общий углеродный след города [26; 27].

Глобальное управление урбанизацией и перспективы устойчивого развития

Урбанизация в условиях стремительного роста городского населения все чаще рассматривается как один из ключевых факторов глобальных трансформаций. Международные организации подчеркивают, что именно города будут определять способность человечества эффективно реагировать на климатические, социальные и экономические вызовы XXI века. Расширение городской среды происходит, главным образом, за счет «поглощения» сельскохозяйственных земель. Так, за период 1970-2025 годы, почти 60 % сельскохозяйственных земель в мире вошли в фонд городских территорий. Поэтому весьма важной задачей становится управление пространственным развитием городов [19]. Широкое освоение цифровых платформ, интеллектуальных систем мониторинга и технологий искусственного интеллекта создает предпосылки для формирования новой модели глобального городского пространства.

Одним из актуальных направлений современной урбанистики является развитие экологически устойчивой инфраструктуры – расширение общественного транспорта, внедрение энергетически эффективных технологий, модернизация систем водоснабжения и водоотведения, переработки и утилизации твердых отходов [28]. Все большее распространение получают проекты «зеленых городов», нацеленные на снижение выбросов углерода и адаптацию городской среды к изменениям климата.

Заключение

Урбанизация в XXI веке превратилась в один из наиболее масштабных и противоречивых процессов мирового развития. Современные города выступают не только центрами экономической активности и инноваций, но и пространственными сгустками социальных, экологических и инфраструктурных проблем.

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время урбанизация сопровождается одновременно расширением возможностей и возникновением серьезных рисков. С одной стороны, города обеспечивают развитие экономики, науки,

технологий и социальной инфраструктуры. С другой – усиливаются проблемы транспортной перегруженности, экологического загрязнения и социального неравенства. Социально-экономическая «сегрегация» городского пространства постепенно приводит к конфликтогенным явлениям и процессам, что в значительной степени усложняет решение проблем управления развитием городов.

Важнейшим направлением решения урбанистических проблем становится внедрение цифровых технологий и переход к концепции «умного города». Одновременно появляются новые модели пространственного развития, примером которых выступает мегапроект The Line, ориентированный на создание экологически устойчивого и технологически интегрированного города будущего.

Таким образом, дальнейшее развитие человечества во многом будет зависеть от способности государств и международного сообщества обеспечивать устойчивое развитие городов, сочетая экономическую эффективность, экологическую безопасность и высокое качество жизни населения.

Литература

1. Urban Studies United Nations. World Urbanization Prospects 2018. New York: UN, 2019. ISBN 978-92-1-148319-4.

2. Seto K. C., Güneralp B., Hutyra L. R. Global forecasts of urban expansion to 2030 and direct impacts on biodiversity and carbon pools // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. Vol. 109. No. 40. P. 16083-16088. DOI: 10.1073/pnas.1211658109

3. Florida R. The New Urban Crisis // Journal of Urban Affairs. 2017. Vol. 39. No. 1. P. 1-6. DOI: 10.1111/juaf.12315

4. Grimm N. B., Faeth S. H., Golubiewski N. E. et al. Global change and the ecology of cities // Science. 2008. Vol. 319. No. 5864. P. 756-760. DOI: 10.1126/science.1150195

5. Bibri S. E., Krogstie J. Smart sustainable cities of the future: An extensive interdisciplinary literature review // Sustainable Cities and Society. 2017. Vol. 31. P. 183-212. DOI: 10.1016/j.scs.2017.02.016

6. Acuto M., Parnell S., Seto K. C. Building a global urban science // Nature Sustainability. 2018. Vol. 1. No. 1. P. 2-4. DOI: 10.1038/s41893-017-0013-9

7. Grčić M., Sluka N. A. Global Cities. Beograd, 2006. 207 p. ISBN 86-82657-57-0

8. Слука Н. А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. Москва: Пресс-Соло, 2005. 167 с. ISBN 5-89226-019-4

9. Angel S., Parent J., Civco D. L., Blei A. The dimensions of global urban expansion // Progress in Planning. 2011. Vol. 75. No. 2. P. 53-107. DOI: 10.1016/j.progress.2011.04.001

10. Güneralp B., Reba M., Hales B. U. et al. Trends in urban land expansion, density, and land transitions from 1970 to 2010 // Environmental Research Letters. 2020. Vol. 15. No. 4. P. 1-15. DOI: 10.1088/1748-9326/ab6669

11. Cohen B. Urbanization in developing countries: Current trends, future projections, and key challenges for sustainability // Technology in Society. 2006. Vol. 28. No. 1-2. P. 63-80. DOI: 10.1016/j.techsoc.2005.10.005

12. Alberti M. Advances in urban ecology: Integrating Humans and Ecological Processes in Urban Ecosystems. New York: Springer, 2008. 366 p. DOI: 10.1007/978-0-387-75510-6

13. Веденин Ю. А. Динамика территориальных рекреационных систем. Москва: Наука, 1982. 190 с.

14. UN-Habitat. World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities. Nairobi, 2022. 422 p. ISBN 978-92-1-132916-4

15. Creutzig F., Baiocchi G., Bierkandt R., Pichler P.-P., Seto K. C. Global typology of urban energy use and potentials for an urbanization mitigation wedge // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. Vol. 112. No. 20. P. 6283-6288. DOI: 10.1073/pnas.1315545112

16. Sassen S. The Global City: Introducing a Concept // Brown Journal of World Affairs. 2005. Vol. 11. No. 2. P. 27-43.

17. Ahvenniemi H., Huovila A., Pinto-Seppä I., Airaksinen M. What are the differences between sustainable and smart cities? // Cities. 2017. Vol. 60. P. 234-245. DOI: 10.1016/j.cities.2016.09.009

18. Yigitcanlar T., Kamruzzaman M., Foth M. et al. Can cities become smart without being sustainable? // Sustainable Cities and Society. 2019. Vol. 45. P. 348-365

19. Mora L., Deakin M., Reid A. Strategic principles for smart city development // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019. Vol. 100. P. 13-24. DOI: 10.1007/978-3-319-94924-9_2

20. Paszkowska-Kaczmarek N. The Line – The Saudi-Arabian Linear City Concept as the Prototype of Future Cities // Architecturae et Artibus. 2021. Vol. 13. No. 2. P. 33-46.

21. Cugurullo F., Caprotti F., Cook M., Karvonen A., McGuirk P., Marvin S. The rise of AI urbanism in post-smart cities: A critical commentary on urban artificial intelligence // Urban Studies. 2024. Vol. 61. No. 6. P. 1061–1075. DOI: 10.1177/00420980231203386

22. Основы проектного управления: учебное пособие для вузов / Э. М. Эльдаров, М. Х. Рабаданов, Н. Г. Гаджиев, С. А. Коноваленко. Санкт-Петербург: Лань, 2025. 256 с. ISBN 978-5-507-51491-5

23. Alwafi A. A. M. Climate change as an influential factor in designing future cities (case study the NEOM Project “The line city” in Saudi Arabia) // Journal of Umm Al-Qura University for Engineering and Architecture. 2025. Vol. 16. P. 237-251. DOI: 10.1007/s43995-025-00103-6

24. Moreno C., Allam Z., Chabaud D., Gall C., Pratlong F. Introducing the “15-Minute City”: Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities // Smart Cities. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 93-111. DOI: 10.3390/smartcities4010006

25. Allam Z., Nieuwenhuijsen M., Chabaud D., Moreno C. The ‘15-Minute City’ concept can shape a net-zero urban future // Humanities and Social Sciences Communications. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 1-5. DOI: 10.1057/s41599-022-01145-0

26. Pozoukidou G., Chatziyiannaki Z. 15-Minute City: A Paradigm for Urban Planning and Policy Since COVID-19 // Sustainability. 2021. Vol. 13. No. 22. Art. 12841. DOI: 10.3390/su132212841

27. Khavarian-Garmsir A. R., Sharifi A., Sadeghi A. The 15-minute city: Urban planning and design efforts toward creating sustainable neighborhoods // Cities. 2023. Vol. 132. Art. 104101. DOI: 10.1016/j.cities.2022.104101

28. Sharifi A. From Garden City to Eco-urbanism: The quest for sustainable neighborhood development // Sustainable Cities and Society. 2016. Vol. 20. P. 1-16. DOI: 10.1016/j.scs.2015.09.002

References

1.United Nations. World Urbanization Prospects 2018. New York: UN; 2019. 422 p.

2.Seto KC, Güneralp B, Hutyra LR. Global forecasts of urban expansion to 2030 and direct impacts on biodiversity and carbon pools. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012;109(40):16083-16088. DOI: 10.1073/pnas.1211658109

3.Florida R. The New Urban Crisis. Journal of Urban Affairs. 2017;39(1):1-6. DOI: 10.1111/juaf.12315

4.Grimm NB, Faeth SH, Golubiewski NE, et al. Global change and the ecology of cities. Science. 2008;319(5864):756-760. DOI: 10.1126/science.1150195

5.Bibri SE, Krogstie J. Smart sustainable cities of the future: An extensive interdisciplinary literature review. Sustainable Cities and Society. 2017;31:183-212. DOI: 10.1016/j.scs.2017.02.016

6.Acuto M, Parnell S, Seto KC. Building a global urban science. Nature Sustainability. 2018;1(1):2-4. DOI: 10.1038/s41893-017-0013-9

7.Grčić M, Sluka NA. Global Cities. Beograd; 2006. 207 p.

8.Sluka NA. Urban-centric model of the world economy. Moscow: Press-Solo; 2005. 167 p. (in Russian)

9.Angel S, Parent J, Civco DL, Blei A. The dimensions of global urban expansion. Progress in Planning. 2011;75(2):53-107. DOI: 10.1016/j.progress.2011.04.001

10. Güneralp B, Reba M, Hales BU, et al. Trends in urban land expansion, density, and land transitions from 1970 to 2010. Environmental Research Letters. 2020;15(4):1-15. DOI: 10.1088/1748-9326/ab6669

11. Cohen B. Urbanization in developing countries: Current trends, future projections, and key challenges for sustainability. Technology in Society. 2006;28(1-2):63-80. DOI: 10.1016/j.techsoc.2005.10.005

12. Alberti M. Advances in urban ecology: Integrating Humans and Ecological Processes in Urban Ecosystems. New York: Springer; 2008. 366 p. DOI: 10.1007/978-0-387-75510-6

13. Vedenin YA. Dynamics of territorial recreational systems. Moscow: Nauka; 1982. 190 p. (in Russian)

14. UN-Habitat. World Cities Report 2022: Envisaging the Future of Cities. Nairobi; 2022. 422 p.

15. Creutzig F, Baiocchi G, Bierkandt R, Pichler PP, Seto KC. Global typology of urban energy use and potentials for an urbanization mitigation wedge. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015;112(20):6283-6288. DOI: 10.1073/pnas.1315545112

16. Sassen S. The Global City: Introducing a Concept. Brown Journal of World Affairs. 2005;11(2):27-43.

17. Ahvenniemi H, Huovila A, Pinto-Seppä I, Airaksinen M. What are the differences between sustainable and smart cities? Cities. 2017;60:234-245. DOI: 10.1016/j.cities.2016.09.009

18. Yigitcanlar T, Kamruzzaman M, Foth M, et al. Can cities become smart without being sustainable? Sustainable Cities and Society. 2019;45:348-365.

19. Mora L, Deakin M, Reid A. Strategic principles for smart city development. Smart Innovation, Systems and Technologies. 2019;100:13-24. DOI: 10.1007/978-3-319-94924-9_2

20. Paszkowska-Kaczmarek N. The Line – The Saudi-Arabian Linear City Concept as the Prototype of Future Cities. Architecturae et Artibus. 2021;13(2):33-46.

21. Cugurullo F., Caprotti F., Cook M., Karvonen A., McGuirk P., Marvin S. The rise of AI urbanism in post-smart cities: A critical commentary on urban artificial intelligence // Urban Studies. 2024;61(6):1061–1075. DOI: 10.1177/00420980231203386

22. El'darov EM, Rabadanov MKh, Gadzhiev NG, Konovalenko SA. Fundamentals of project management: a textbook for universities. St. Petersburg: Lan'; 2025. 256 p. (in Russian)

23. Alwafi AAM. Climate change as an influential factor in designing future cities (case study the NEOM Project “The line city” in Saudi Arabia). Journal of Umm Al-Qura University for Engineering and Architecture. 2025;16:237-251. DOI: 10.1007/s43995-025-00103-6

24. Moreno C, Allam Z, Chabaud D, Gall C, Pratlong F. Introducing the “15-Minute City”: Sustainability, Resilience and Place Identity in Future Post-Pandemic Cities. Smart Cities. 2021;4(1):93-111. DOI: 10.3390/smartcities4010006

25. Allam Z, Nieuwenhuijsen M, Chabaud D, Moreno C. The ‘15-Minute City’ concept can shape a net-zero urban future. Humanities and Social Sciences Communications. 2022;9(1):1-5. DOI: 10.1057/s41599-022-01145-0

26. Pozoukidou G, Chatziyiannaki Z. 15-Minute City: A Paradigm for Urban Planning and Policy Since COVID-19. Sustainability. 2021;13(22):12841. DOI: 10.3390/su132212841

27. Khavarian-Garmsir AR, Sharifi A, Sadeghi A. The 15-minute city: Urban planning and design efforts toward creating sustainable neighborhoods. Cities. 2023;132:104101. DOI: 10.1016/j.cities.2022.104101

28. Sharifi A. From Garden City to Eco-urbanism: The quest for sustainable neighborhood development. Sustainable Cities and Society. 2016;20:1-16. DOI: 10.1016/j.scs.2015.09.002

Статья поступила в редакцию 12.10.2025
The article is submitted 12.10.2025

УДК 316. 36
DOI:

©2025 **Абдулаева З. З.**
Институт социально-экономических исследований
ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия

Адаптационные механизмы формирования семейных отношений в южных регионах России

Аннотация. Описываются результаты изучения адаптационных механизмов трансформации семейных отношений и гендерных практик в южных регионах России в условиях социально-экономических и культурных изменений. На основе социологических данных 2010–2023 гг. проанализированы особенности сочетания традиционных и современных моделей семьи на Юге России. Показано, что в этом южном макрорегионе сохраняется высокая устойчивость патриархальных установок, проявляющаяся в признании мужского главенства и доминировании аскриптивных критериев внутрисемейной иерархии. Особое внимание уделяется роли женщин как ключевого субъекта трансформации семейных практик. Делается вывод о том, что современные изменения института семьи на юге страны представляют собой не кризисное разрушение традиционной семьи, а сложный адаптационный процесс, ведущий к постепенному изменению существующей модели семейных отношений.

Ключевые слова: Юг России, брачно-семейные отношения, гендерные отношения, адаптационные механизмы, патриархальная семья.

©2025 **Abdulaeva Z. Z.**
Institute of Socio-Economic Research DFRC RAS,
Makhachkala, Russia

Adaptation Mechanisms in the Formation of Family Relations in the Southern Regions of Russia

Abstract. This article presents the findings of a study on the adaptive mechanisms underlying the transformation of family relations and gender practices in the southern regions of Russia amid ongoing socio-economic and cultural changes. Drawing on sociological data collected between 2010 and 2023, the study examines the coexistence and interaction of traditional and modern family models in Southern Russia. The findings indicate that this macro-region continues to exhibit a high degree of patriarchal continuity, reflected in the recognition of male authority and the predominance of ascriptive criteria in determining intrafamily hierarchy. Particular attention is paid to the role of women as key agents of change in the transformation of family practices. The study concludes that the ongoing changes affecting the institution of the family in Southern Russia should not be interpreted as a crisis-induced decline of the traditional family model, but rather as a complex adaptive process that contributes to its gradual transformation and adaptation to contemporary social realities.

Keywords: Southern Russia, marital and family relations, gender relations, adaptation mechanisms, patriarchal family.

Введение

Гендерные исследования занимают одно из ключевых мест в современном российском обществознании, формируя междисциплинарное поле анализа трансформации семейных и брачно-родительских практик [1–9]. Важное место в таких исследованиях отводится вопросам самореализация поведения мужчин и женщин в системе социальных ролей с учетом региональной специфики. В этом плане интересным исследовательским полигоном выступает Юг России с его высокой этнокультурной [10–14] и конфессиональной неоднородностью [15–17].

В научной литературе сложились две интерпретационные рамки изменений института семьи: кризисная и адаптационная. Представители кризисного подхода фиксируют деградацию традиционной семьи, выражающуюся в ослаблении патриархальных оснований: мужского экономического доминирования, многопоколенной структуры, жесткого распределения ролей и устойчивых родственных связей [18]. В рамках адаптационного подхода, напротив, трансформация семьи рассматривается как закономерная реакция на социально-экономические и культурные изменения, а не как институциональный распад. Другими словами, изменение гендерных ролей, рост образовательного уровня женщин, распространение партнерской модели брака, снижение рождаемости и разнообразие семейных форм выступают не свидетельством деградации семьи, а отражением ее способности адаптироваться к меняющимся требованиям современного общества [19; 20]. При этом семья сохраняет свои базовые функции – воспроизводственную, социальную, эмоционально-поддерживающую и экономическую, – модифицируя способы их реализации в соответствии с новыми общественными реалиями [21].

Несмотря на различия в трактовках, обе позиции – кризисная и адаптационная – сходятся в признании наличия новых дисфункциональных тенденций в сфере брака и семьи. Однако эти изменения в большинстве случаев не интерпретируются как разрушение института семьи в целом, поскольку его базовые функции сохраняют устойчивую значимость. Общий вектор трансформации при этом описывается как движение от традиционной к современной, более гибкой адаптационной модели семьи [22; 23].

Целью данной статьи является анализ современных тенденций и механизмов трансформации института семьи и гендерных отношений в южном макрорегионе России на основе социологических данных за 2010–2023 годы.

Основные понятия и инструменты исследования

Под традиционной семьёй понимается модель, в которой гендерные роли жестко дифференцированы: мужчина выступает основным добытчиком и формальным главой семьи, а женщина выполняет преимущественно репродуктивные и хозяйственные функции. Такая модель характеризуется иерархичностью и доминированием аскриптивных критериев статуса (пол, возраст, происхождение).

Современная (партнерская, эгалитарная) семья, напротив, характеризуется большей вариативностью ролевых моделей, относительным равенством супругов и договорным характером распределения обязанностей и власти [24].

Анализ статистических данных демонстрирует устойчивую трансформацию института брака в России. Так, по данным Росстата, число браков снизилось с 5,8 на 1000 населения в 2012 году до 5,2 в 2022, при этом уровень разводов остается стабильно высоким – около 3,4 на 1000 населения ежегодно. Существенной является и динамика разводов в семьях с двумя и более детьми: их доля увеличилась с 7 % до 12 % за период 2012–2022 годов. Параллельно наблюдается рост возраста вступления в первый брак: в 2022 году он составил 31 год для мужчин и 27 лет для женщин. Сравнение с историческими данными показывает резкое расширение доли никогда не вступавших в брак к 50 годам: если в конце XIX века она составляла 5 % мужчин и 4 % женщин, то к 2020 году увеличилась до 35 % и 42 % соответственно [14; 25].

Данные социологических опросов ВЦИОМ также фиксируют рост толерантности к альтернативным формам семейных отношений: 35 % респондентов положительно относятся к незарегистрированным союзам, 40 % считают их допустимыми и лишь около четверти выражают негативную позицию. При этом около 10 % взрослого населения и 16 % молодежи рассматривают гражданский брак как предпочтительную форму отношений [14; 26].

Трансформация семейных моделей и гендерных ролей

Современная российская семья характеризуется высокой степенью внутренней неоднородности. Наряду с сохранением традиционных практик наблюдается активное распространение

смешанных моделей, сочетающих патриархальные и эгалитарные элементы. Одновременно фиксируется высокий уровень нестабильности брачных союзов.

Одним из наиболее значимых процессов является трансформация роли мужчины в семье. Традиционная модель «экономического главы семьи», ограничивающая его участие исключительно функцией материального обеспечения, постепенно вытесняется более сложной моделью, предполагающей более выраженную вовлеченность отца в воспитание детей [27].

Указанные процессы проявляются и в южных регионах России, где они дополняются воздействием этнокультурных и религиозных факторов. Южный макрорегион отличается высокой социально-культурной неоднородностью, что усиливает различия в моделях гендерного поведения.

Анализ трансформационных процессов

Эмпирическую базу исследования составили данные социологических опросов в Ростовской области, Ставропольском крае, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Дагестане [4; 12; 14]. Общая выборка, составившая 424 респондента, сформирована по квотно-пропорциональному принципу.

Результаты показывают устойчивое доминирование патриархальной модели семьи. В 2010 году 49 % мужчин в Кабардино-Балкарии и 74 % в Ростовской области считали себя главой семьи. В 2023 году эти показатели составили соответственно 52 % и 66 %, что свидетельствует о некотором снижении жесткости патриархальных установок в отдельных регионах при сохранении общей модели доминирования мужчины. Наиболее выраженная патриархальная ориентация зафиксирована в Республике Дагестан, где 71 % мужчин продолжают считать себя главой семьи.

Женщины в целом демонстрируют более критическое отношение к традиционной иерархии, однако во многом воспроизводят патриархальные установки. В 2010 году от 40 % до 58 % женщин признавали главенство мужа, а в 2023 – уже от 49 % до 65 %. В Дагестане этот показатель достигает 65 %, что указывает на высокую степень воспроизводства традиционной модели даже среди женского населения.

Большинство респондентов (около 72 %) связывают лидерство в семье с аскриптивными характеристиками, прежде всего с полом мужчины. Вместе с тем женщины чаще, чем мужчины, склонны

объяснять внутрисемейную иерархию личностными качествами (ответственность, интеллект) и экономическими ресурсами [28].

Брачные стратегии и роль поколений

В традиционной модели семьи значительное влияние на выбор брачного партнера сохраняется за старшим поколением. Однако данные 2010–2023 гг. демонстрируют постепенное смещение в сторону индивидуализации брачного выбора. Современная тенденция заключается в переходе к комбинированной модели: молодые люди ориентируются на собственный выбор, но при этом учитывают мнение родителей. Данная модель наиболее характерна для Ростовской области и Ставропольского края.

Элементы традиционной модели брака, основанной на решающей роли старших родственников, пока еще сохраняются в Дагестане и Ингушетии. В этих регионах фиксируется более высокая доля браков, заключаемых по инициативе семьи (рис. 1).

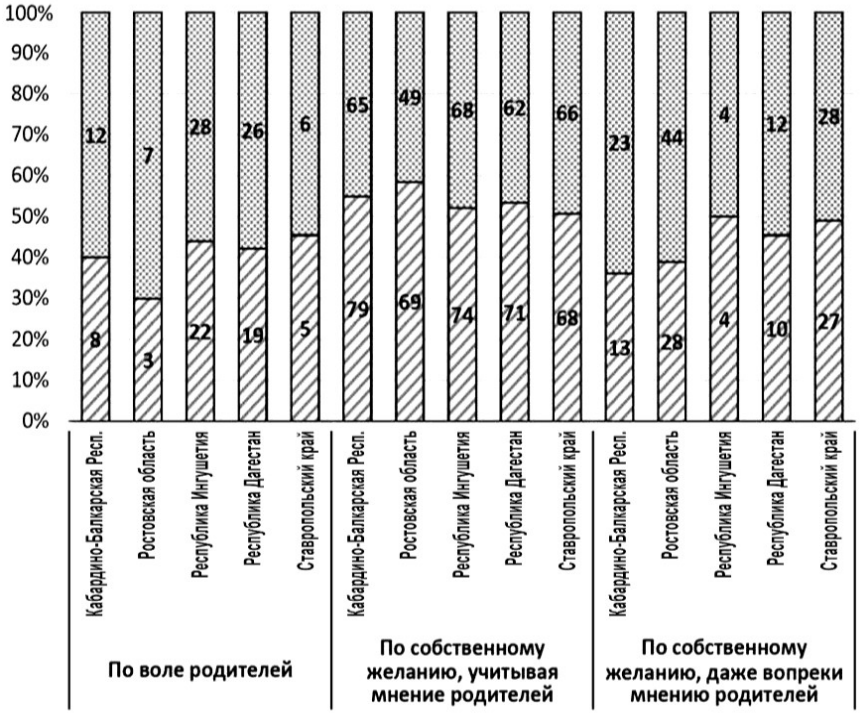

Рисунок 1. Ответы на вопросы: «Каким образом, по Вашему мнению, необходимо вступать в брак?» (крупный штрих) и «Как это произошло реально в Вашем случае?» (мелкий штрих), в % [14]

В сфере брачно-семейных отношений уменьшается значение традиционных норм, регламентирующих порядок вступления в брак представителей одного поколения в зависимости от их возраста и пола. Здесь выражена тенденция постепенного ослабления практики женитьбы / замужества братьев и сестер в соответствии с принципом старшинства. Если в 2010 году от 13 до 56 % респондентов (в зависимости от региона) подтверждали соблюдение данной нормы в их семьях, то к 2023 году этот показатель снизился (от 2 до 52 % респондентов). Особенно заметно падение доли сторонников браков по старшинству в Ростовской области (с 13 до 2 %). В то же время в «традиционалистских» республиках Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия) по-прежнему сохраняется достаточно высокий уровень поддержки данной архаичной практики (порядка 50 % опрошенных).

Анализ распределения домашних обязанностей показывает постепенное снижение гендерной сегрегации. В 2010–2023 годах доля респондентов, поддерживающих жесткое разделение домашнего труда между мальчиками и девочками, варьировала от 29 % до 68 %. Наиболее высокие показатели сохраняются в Дагестане (63 %) и Ингушетии (68 %), тогда как в Ставропольском крае этот показатель значительно ниже – около 34 %. Это свидетельствует о постепенном ослаблении традиционных норм в бытовой сфере, особенно в регионах с более выраженными модернизационными процессами.

Заключение

Сложно и весьма неоднозначно протекает современная трансформацию гендерных и семейных отношений в южных регионах России. С одной стороны, сохраняется устойчивость патриархальной модели, выражающаяся в высоком уровне признания мужского главенства (до 71 % в Дагестане), а также в доминировании аскриптивных критериев внутрисемейной иерархии (около 72 % респондентов). С другой стороны, наблюдается постепенное усиление эгалитарных тенденций, особенно в сфере брачного выбора и распределения домашних обязанностей.

Женщины выступают ключевым фактором трансформации семейных отношений. Они демонстрируют более высокую чувствительность к изменениям социальных норм и ориентацию на партнерскую модель семьи. В последние годы усиливается и участие мужчин в изменении семейных практик, прежде всего через рост их эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания детей.

Современная динамика семейных отношений в южном макрорегионе России может быть интерпретирована не как однозначный кризис или линейная модернизация, а прежде всего, как сложный процесс адаптации, в котором одновременно сосуществуют элементы традиционной и современной семейной модели. Несмотря на распространение модернизационных тенденций, включая повышение уровня образования женщин, их вовлеченности в профессиональную деятельность и рост установок на гендерное равенство, сохраняются значимые элементы традиционной семейной культуры. В результате формируется смешанная модель семейных отношений, сочетающая традиционные и современные нормы, что свидетельствует не о кризисе семьи, а о ее способности приспосабливаться к изменяющимся социальным условиям при сохранении основных ценностных оснований.

Литература

1. Шишлова Е. Э. Трансформация гендерной идентичности: социально-психологический аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 1(22). С. 204–210.

2. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире: учебное пособие. Москва: Время, 2016. 497 с.

3. Кулакова К. А. Формы гендерных отношений и их проявления // Психология в экономике и управлении, 2013. № 2. С. 131–135.

4. Клименко Л. В. Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение. Дис. … д-ра социол. наук / Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2016. 366 с.

5. Торопыгина М. В. Глобализация и российский институт семьи // Философия и культура. 2008. № 7 (7). С. 146–156.

6. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. Москва: Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. 352 с.

7. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 59–62.

8. Галкина Е. П., Кадничанская М. И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. № 3. С. 193–200.

9. Эльдаров Э. М. О демографической политике и вокруг нее // Региональные аспекты социальной политики. 2001. № 3. С. 106–113.

10. Скорик А. П., Череватенко В. И. Современные гендерные трансформации и положение женщин на Юге России. URL: https://pandia.ru/text/78/641/68211.php (дата обращения: 10.04.2025).

11. Дзуцев Х. В., Дибирова А. П. Гендерный аспект в духовной жизни населения республик Северного Кавказа // Женщина в российском обществе. 2020. № 1. С. 113–126.

12. Сиражудинова С. В. Гендерная политика в республиках Северного Кавказа: современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 14–19.

13. Мудуев Ш. С. Географические особенности трансформации расселения и хозяйства Дагестана в 1990-е гг. Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / Институт географии Российской академии наук. Москва, 2004. 46 с.

14. Абдулаева З. З. Основные направления трансформации семейных отношений в регионах Юга России // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2024. Т. 39. № 3. С. 106–116. DOI: 10.21779/2500-1930-2024-39-3-106-116

15. Алиева В. Ф. Старшее поколение в современной дагестанской семье // Региональные аспекты социальной политики. 2002. № 4. С. 35–38.

16. Загирова Э. М. Демографическое поведение традиционной дагестанской семьи в современных условиях // Региональные аспекты социальной политики. 2018. № 20. С. 113–132.

17. Шахбанова М. М. Специфика религиозности и религиозного поведения городского населения Дагестана // Региональные аспекты социальной политики. 2022. № 24. С. 47–54. DOI: 10.34775/z1584-0693-1832-s

18. Урусова Е. А. Современная семья как отражение трансформации российского общества // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. Т. 6. № 11. С. 25–28.

19. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 527–545. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545

20. Задворнова Ю. С. Тенденции трансформации гендерных ролей в современной российской семье // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 32–40.

21. Алимова Б. М., Мусаева М. К. Функции семьи: традиции и современное состояние // История, археология и этнография Кавказа. 2016. Т. 12. № 4. С. 140–149. DOI: 10.32653/CH124140-149.

22. Абдулаева З. З. Трансформация института семьи в регионах Юга России: факторы, тенденции и специфика // Народонаселение. 2024. Т. 27. № 4. С. 163–178. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-163-178

23. Lytkina T. Transforming the Gender Regime: An Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus // Laboratorium. 2010. Vol. 2. No. 3. P. 96-125.

24. Хоткина З. А., Доброхлеб В. Г., Русанова Н. Е. Гендерные проблемы в современной России и методология их анализа // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 135–149.

25. Статистика браков и разводов // Росстат. Статистика и показатели региональные и федеральные. URL: https://rosinfostat.ru/braki-razvodi/ (дата обращения: 10.04.2025).

26. ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке // Интерфакс. Новости. Сайт. 05.03.2020. URL: https://www.interfax.ru/russia/697849 (дата обращения: 10.04.2025).

27. Отцовство в России сегодня / Н. М. Римашевская, М. М. Малышева, М. П. Писклакова-Паркер и др. Москва: ИП Матушкина И. И., 2016. 120 с. ISBN 978-5-94101-314-2. EDN SQYEIJ.

28. Клименко Л. В. Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 99–116.

References

1. Shishlova EE. Transformation of gender identity: socio-psychological aspect. Bulletin of MGIMO University. 2012;(1):204-210 (in Russian).
2. Kon IS. A man in a changing world: a textbook. Moscow: Vremya; 2016. 497 p. (in Russian)
3. Kulakova KA. Forms of gender relations and their manifestations. Psychology in economics and management. 2013;(2):131-135 (in Russian).
4. Klimenko LV. Dynamics of the societal sphere of the South of Russia: socio-cultural dimension [dissertation]. Maikop: Adyghe State University; 2016. 366 p. (in Russian)
5. Toropygina MV. Globalization and the Russian Institute of Family. Philosophy and Culture. 2008;(7):146-156 (in Russian).
6. Bim-Bad BM, Gavrov SN. Modernization of the family institute: a macrosociological, economic, and anthropological-pedagogical analysis. Moscow: Intellectual Book-New Chronograph; 2010. 352 p. (in Russian)
7. Gurdjieff MV. The family crisis in modern Russia and ways to overcome it. Society: philosophy, history, culture. 2017;(1):59-62 (in Russian).
8. Galkina EP, Kadnichanskaya MI. Transformation of the family institute in the context of modern modernization processes. Herald of Omsk University. Series: Economics. 2015;(3):193-200 (in Russian).
9. Eldarov EM. On demographic policy and around it. Regional aspects of social policy. 2001;(3):106-113 (in Russian).
10. Skorik AP, Cherevatenko VI. Modern gender transformations and the status of women in the South of Russia. Pandia. Website. 2024 October 4 (in Russian). Available at: https://pandia.ru/text/78/641/68211.php (accessed: 10.04.2025).
11. Dzutsev HV, Dibirova AP. The gender aspect in the spiritual life of the population of the republics of the North Caucasus. Woman in Russian society. 2020;(1):113-126 (in Russian).
12. Sirazhudinova SV. Gender policy in the republics of the North Caucasus: current trends. Women in Russian society. 2013;(1):14-19 (in Russian).
13. Muduev ShS. Geographical features of the transformation of settlement and economy in Dagestan in the 1990s [abstract]. Moscow: Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences; 2004. 46 p. (in Russian)
14. Abdullayeva ZZ. The Main Directions of Transformation of Family Relations in the Regions of Southern Russia. Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2024;39(3):106-116 (in Russian). DOI: 10.21779/2500-1930-2024-39-3-106-116
15. Alieva VF. The older generation in the modern Dagestan family. Regional aspects of social policy. 2002;(4):35-38 (in Russian).
16. Zagirova EM. Demographic behavior of the traditional Dagestan family in modern conditions. Regional aspects of social policy. 2018;(20):113-132 (in Russian).
17. Shakhbanova MM. The specifics of religiosity and religious behavior of the urban population of Dagestan. Regional aspects of social policy. 2022;(24):47-54 (in Russian).
18. Urusova EA. Modern family as a reflection of the transformation of Russian society. Science. Mysl: an electronic periodical. 2016;6(11):25-28 (in Russian).
19. Rostovskaya TK, Kuchmaeva OV. Transformation of the Image of the Desired Family Model in Different Generations: Results of an All-Russian Sociological Survey. RUDN Journal of Sociology.2020;20(3):527-545 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-3-527-545

20. Zadvornova YuS. Trends in the Transformation of Gender Roles in the Modern Russian Family. Woman in Russian Society. 2013;67(2):32-40 (in Russian).

21. Alimova BM, Musaeva MK. Functions of the Family: Traditions and Current State. History, Archeology, and Ethnography of the Caucasus. 2016;12(4):140-149 (in Russian). DOI: 10.32653/CH124140-149

22. Abdulaeva ZZ. Transformation of the Family Institution in the Regions of Southern Russia: Factors, Trends, and Specificity. Narodonaselenie (Population). 2024;27(4):163-178 (in Russian). DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-163-178

23. Lytkina T. Transforming the Gender Regime: An Ethnosociological Analysis of Modernization in the North Caucasus. Laboratorium. 2010;2(3):96-125.

24. Khotkina ZA, Dobrokhleb VG, Rusanova NE. Gender problems in modern Russia and the methodology of their analysis. Population. 2018;21(4):135-149 (in Russian).

25. Rosstat. Statistics of marriages and divorces. Statistics and indicators are regional and federal. Website. 2025 April 10. Available at: rosinfostat.ru (accessed: 10.04.2025).

26. Interfax.ru. VTsIOM found out how many Russians live in an unregistered marriage. News. Website. 2020 March 5. Available at: interfax.ru (accessed: 10.04.2025).

27. Rimashevskaya NM, Malysheva MM, Pisklakova-Parker MP, et al. Ottsovstvo v Rossii segodnya [Fatherhood in Russia today]. Moscow: IP Matushkina II; 2016. 120 p. (in Russian)

28. Klimenko LV. Family in the multicultural space of Southern Russia: an ethnogender dimension. Woman in Russian society. 2021;(3):99-116 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 16.06.2025.
The article is submitted 16.06.2025.

УДК: 338.1; 332
DOI:

© 2025 **Айгубов С. З.**
Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия

Пенсионное обеспечение в современных условиях: опыт России и Китая

Аннотация. Освещаются ключевые проблемы пенсионного обеспечения в России и Китае с учетом протекающих в этих странах демографических процессов старения населения, снижения рождаемости и роста продолжительности жизни. Особое внимание уделяется сравнительному аспекту пенсионных реформ в обоих государствах, включая повышение пенсионного возраста, развитие многоуровневых пенсионных систем и расширение механизмов долговременного ухода. Выявлены общие тенденции развития пенсионного обеспечения в этих странах: усиление финансового давления на пенсионные фонды, рост потребности в социально-медицинской поддержке пожилых граждан и актуализация концепции активного долголетия. Обосновывается необходимость перехода к комплексной модели пенсионного обеспечения, сочетающей экономическую устойчивость, социальную защиту и повышение качества жизни пожилого населения.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение, старение населения, активное долголетие, демографическая нагрузка, качество жизни пожилых людей.

© 2025 **Aigubov S. Z.**
Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Pension Provision in the Contemporary Context: The Experience of Russia and China

Abstract. This article examines key issues in pension provision in Russia and China in the context of ongoing demographic changes, including population aging, declining fertility rates, and increasing life expectancy. Particular attention is paid to the comparative analysis of pension reforms implemented in both countries, such as raising the retirement age, developing multi-pillar pension systems, and expanding long-term care arrangements. The study identifies several common trends in the evolution of pension systems in Russia and China, including growing financial pressure on pension funds, increasing demand for social and healthcare services for older adults, and the promotion of active aging policies. The findings underscore the need to develop a comprehensive pension model that balances economic sustainability, social protection, and improvements in the quality of life of the elderly population.

Keywords: pension provision, population aging, active aging, demographic dependency, quality of life of the elderly.

Введение

Старение населения в XXI веке стало одной из ключевых социально-демографических проблем глобального развития. Особенно отчетливо данная тенденция проявляется в России и Китае, где одновременно наблюдаются снижение рождаемости, увеличение продолжительности жизни и рост доли граждан старших возрастных групп. По оценкам зарубежных исследователей и международных организаций, демографическое старение оказывает прямое воздействие на устойчивость пенсионных систем, рынок труда, систему здравоохранения и сферу социального обслуживания пожилых граждан [1–3].

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, Китай относится к числу стран с наиболее быстро стареющим населением в мире: к 2040 г. доля граждан старше 60 лет может достичь 28 % населения страны. ВОЗ подчеркивает необходимость перехода к интегрированной системе медицинской и социальной поддержки пожилых людей, ориентированной на развитие долговременного ухода и активного долголетия [4]. Аналогичные процессы характерны и для России, где увеличение численности лиц пенсионного возраста сопровождается ростом нагрузки на систему социального и пенсионного обеспечения.

Проблема старения населения зачастую рассматривается не только как демографический процесс, но и как вызов экономической устойчивости государств [5; 6]. Эксперты отмечают, что современные пенсионные системы многих стран мира испытывают серьезное давление вследствие роста доли пожилых граждан и сокращения численности трудоспособного населения. В таких условиях приходится искать баланс между финансовой устойчивостью пенсионной системы государства и обеспечением достойного уровня жизни его пенсионеров [7; 8].

Для Китая проблема пенсионного обеспечения осложняется значительными различиями между городским и сельским населением, а также высокой скоростью демографических изменений. Старение населения Китая усугубляется различиями между городскими и сельскими пенсионными системами, что способно замедлить темпы роста ВВП и значительно увеличить государственные расходы на пенсионное обеспечение. В ответ на данные вызовы китайское правительство проводит социальные реформы, включая повышение пенсионного возраста и развитие механизмов долговременного ухода [9; 10].

В России вопросы пенсионного обеспечения также приобретают стратегическое значение. Государственная политика в отношении граждан старшего поколения реализуется в рамках национального проекта «Демография», Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года и программ развития активного долголетия [11–13]. Вместе с тем сохраняются проблемы недостаточной доступности социальных услуг, дефицита социально-медицинской помощи и социальной изоляции пожилых граждан [14].

В этой связи актуальным представляется сравнительный анализ вопросов пенсионного обеспечения в России и Китае в контексте современных демографических тенденций [15–18]. Особый интерес вызывает изучение механизмов адаптации пенсионных систем к процессам старения населения, проблем финансовой устойчивости пенсионных фондов, повышения пенсионного возраста и обеспечения достойного уровня жизни граждан старшего поколения [7; 19].

Демографические тенденции и трансформация пенсионных систем

Современные исследования свидетельствуют о том, что демографическое старение становится одним из определяющих факторов трансформации социальной политики государств. В странах Европы и Восточной Азии увеличение продолжительности жизни сопровождается ростом нагрузки на пенсионные фонды и систему здравоохранения. В этой связи особое значение приобретает развитие концепции «активного старения», предполагающей сохранение общественной активности пенсионеров [20; 21].

В работах зарубежных авторов выделяются три основных направления политики активного долголетия: участие пожилых людей в общественной жизни, сохранение занятости и обеспечение автономности их проживания. Данные направления получили распространение как в европейских странах, так и в Китае, где в последние годы активно развивается система общественного и домашнего ухода за пожилыми людьми [4; 10; 15].

В Китае государственная политика в сфере пенсионного обеспечения ориентирована на постепенную модернизацию многоуровневой пенсионной системы. Одной из ключевых проблем остается неравномерность пенсионного обеспечения между городским и сельским населением. В последние годы китайское правительство реализует меры по расширению охвата пенсионным

страхованием, развитию накопительных элементов системы и повышению пенсионного возраста. По оценкам международных экспертов, к 2035 г. численность населения старше 60 лет в Китае может превысить 400 млн человек, что потребует дальнейшего реформирования пенсионной системы и увеличения расходов на социальное обеспечение [4; 9].

Российская пенсионная система также претерпевает значительные изменения под влиянием демографических процессов. Повышение пенсионного возраста стало одной из наиболее масштабных реформ последних лет, направленных на снижение нагрузки на пенсионный фонд и поддержание устойчивости системы в условиях старения населения. Вместе с тем сохраняются проблемы недостаточного уровня пенсионного обеспечения, региональной дифференциации доходов пенсионеров и высокой зависимости значительной части граждан старшего поколения от государственной социальной поддержки.

Особое значение приобретает проблема социальной изоляции граждан старшего поколения. Международные исследования показывают, что снижение уровня общения, ограничение социальной активности и ухудшение состояния здоровья негативно влияют на психологическое состояние пожилых людей и повышают риск депрессивных состояний [16; 22]. В этой связи возрастает роль программ социальной адаптации, психологической поддержки и вовлечения пенсионеров в общественную деятельность.

Современные проблемы пенсионного обеспечения в России и Китае

Современные проблемы пенсионного обеспечения в России и Китае связаны прежде всего с изменением возрастной структуры населения. Сокращение рождаемости и рост продолжительности жизни приводят к повышению коэффициента демографической нагрузки, при котором численность пенсионеров увеличивается быстрее, чем численность экономически активного населения.

В России одной из центральных проблем остается сравнительно невысокий уровень пенсионных выплат по отношению к стоимости жизни. Несмотря на регулярную индексацию пенсий, многие пенсионеры продолжают испытывать трудности, связанные с ростом цен на медицинские услуги, лекарственные препараты и коммунальные расходы. Дополнительной проблемой выступает региональная дифференциация пенсионного обеспечения.

В Китае пенсионная система сталкивается с проблемой неравномерности социального обеспечения между различными категориями населения. Пенсионные выплаты в городах существенно превышают уровень пенсионного обеспечения сельских жителей. Кроме того, значительное влияние оказывает политика ограничения рождаемости, проводившаяся в стране на протяжении нескольких десятилетий. Ее последствия проявляются в сокращении численности трудоспособного населения и росте доли граждан старшего возраста [9].

В обеих странах сохраняется необходимость расширения системы долговременного ухода и развития инфраструктуры поддержки пожилых граждан. Международные исследования показывают, что увеличение продолжительности жизни сопровождается ростом хронических заболеваний и потребности в медицинском и социальном сопровождении [23].

Особое значение приобретает проблема занятости населения старших возрастных групп. В условиях повышения пенсионного возраста государства стремятся стимулировать более длительное участие граждан в трудовой деятельности [3; 24]. Вместе с тем работодатели не всегда готовы адаптировать условия труда к возрастным особенностям работников, что ограничивает возможности трудовой интеграции пожилых граждан [15].

Итоги социологического опроса пенсионеров

Опрос проводился среди населения, обслуживаемого ЦСО граждан пожилого возраста в МО «город Махачкала» [25]. Анализ ответов по возрастным группам дал следующие результаты:

I. В группе от 60 до 74 лет большая часть опрошенных жаловалась на ухудшение состояния здоровья, ухудшение сна. Многие из них заметили, что уменьшился их вес. На втором месте жалоб по частоте упоминания у представителей этой группы – снижение работоспособности и быстрая утомляемость. Также каждый третий представитель этой возрастной группы отметил уменьшение чувства радости от жизни.

II. Представители второй возрастной группы (от 75 до 84 лет) на первое место поставили неудовлетворительное состояние здоровья. Почти 80 % опрошенных отметили снижение работоспособности, появившееся ощущение потери жизненной энергии и ослабление опорно-двигательной системы. Больше половины представителей этой возрастной группы жаловались на нарушения сна и недостаток общения.

III. В группе старше 85 лет у большей части респондентов преобладали жалобы на постоянно преследующую их мысль о смерти. Почти две трети опрошенных отмечали нарушение у них сна и уменьшение двигательной активности.

В процессе анализа результатов опроса выяснилось, что больше всего жалоб было у пенсионеров от 75 до 84 лет. Представителей этой возрастной группы принято относить к группе повышенного риска. Изучение ответов этой группы пенсионеров позволило выделить три наиболее тяжело воспринимаемые ими проблемы: 1) снижение работоспособности; 2) ухудшение сна и двигательной активности; 3) уменьшение круга общения.

Анализ потребностей пожилых людей в надомном обслуживании указал на необходимость дополнительных услуг, не входящих в федеральный и территориальный перечни. Большая часть опрошенных испытывала нужду в проведении медицинских процедур на дому. Эта услуга может быть оказана только работниками с медицинским образованием. Как показал опрос, большая часть респондентов нуждалась в помощи по уборке жилого помещения, в частности по мытью окон.

Было установлено, что после выхода на пенсию пожилые люди ощущают недостаток в общении или испытывают трудности в самообслуживании. Изменяются их привычные жизненные устои, социальный статус, психологическое состояние и здоровье в целом. У человека в пожилом возрасте появляется чувство ненужности и множество других проблем, обусловливающих внутреннюю неудовлетворенность [21]. Все это может служить источником стресса и внутреннего эмоционального напряжения.

Влияние названных негативных факторов необходимо снижать самыми разными способами и приемами. Главный среди них – улучшение условий быта и отдыха пожилого человека, его привлечение к активной общественной жизни. Необходимой услугой для лиц пожилого возраста является обслуживание на дому. Перевод этого вида услуг в негосударственный сектор дал бы толчок развитию конкуренции. У организаций и граждан возникло бы больше возможностей контролировать процесс предоставления социальных услуг пенсионерам как государственными, так и негосударственными учреждениями [26].

Подводя итоги, отметим важность внедрения дополнительных услуг из числа не входящих в федеральный и территориальный перечни. Делать это в сфере обслуживания граждан пожилого

возраста желательно путем расширения возможностей предпринимательской деятельности. Социальный предприниматель стремится к решению в первую очередь общественных проблем. Поэтому для расчета социального эффекта нужно уметь прагматично рассчитывать все изменения качества жизни, которые происходят у пожилых и старых людей.

Также отметим целесообразность перехода от оказания конкретных пакетов социально-медицинской помощи пожилым людям к определению и реализации новых социально значимых мероприятий. Это может быть связано с предоставлением пенсионерам возможности участвовать в различных видах общественно полезной деятельности. Не менее значимы мероприятия, направленные на социальную адаптацию и психологическую реабилитацию пожилых людей.

Перспективы модернизации пенсионного обеспечения

Современные демографические тенденции требуют перехода к комплексной модели пенсионного обеспечения, ориентированной на финансовую устойчивость пенсионной системы, обеспечение достойного уровня жизни пожилых граждан и поддержку их социальной активности.

Одним из перспективных направлений развития системы поддержки пожилого населения выступает расширение участия негосударственного сектора и социального предпринимательства. Международный опыт показывает, что вовлечение частных и общественных организаций способствует повышению качества социальных услуг и формированию конкурентной среды в сфере социального обслуживания [9].

Для России особое значение имеет развитие системы долговременного ухода и надомного обслуживания. При росте численности пожилых граждан возрастает потребность в услугах сиделок, патронажной помощи, психологической поддержки и социальной реабилитации. Китайский опыт говорит о том, что эффективное развитие системы ухода возможно при сочетании государственной поддержки, цифровых технологий и механизмов общественного участия [10].

Важным направлением модернизации социальной политики становится стимулирование активного долголетия. Пожилые граждане обладают значительным профессиональным и социальным потенциалом, который может быть задействован в сфере наставничества, волонтерской деятельности и общественных

инициатив. Зарубежные исследования свидетельствуют, что участие пожилых людей в общественной жизни способствует улучшению их психологического состояния и снижению уровня социальной изоляции [16].

Не менее значимым является развитие программ психологической адаптации граждан после выхода на пенсию. Изменение социального статуса, сокращение круга общения и снижение уровня социальной активности нередко становятся источником эмоционального стресса. Поэтому современная система пенсионного обеспечения должна обязательно включать в себя механизмы психологической поддержки и социальной интеграции граждан старшего поколения [25–27].

Заключение

Демографическое старение населения представляет собой долгосрочный вызов для России и Китая, оказывающий существенное влияние на устойчивость пенсионных систем и систему социального обслуживания. Рост доли граждан пожилого возраста требует модернизации механизмов социальной поддержки, расширения системы долговременного ухода и внедрения новых моделей активного долголетия.

Сравнительный анализ российского и китайского опыта показывает, что эффективная система пенсионного обеспечения должна основываться на интеграции медицинской, социальной и психологической помощи. Перспективными направлениями развития выступают расширение надомного обслуживания, оказание долговременного ухода, внедрение цифровых технологий и поддержка социального предпринимательства.

Таким образом, модернизация системы пенсионного обеспечения в России и Китае должна быть ориентирована на формирование комплексной модели поддержки пожилых граждан, включающей устойчивые механизмы пенсионного финансирования, развитие системы долговременного ухода, поддержку занятости населения старших возрастных групп и повышение качества жизни граждан старшего поколения.

Литература

1. Ageing // OECD. Organization for Economic Co-operation and Development. Website. URL: https://www.oecd.org/en/topics/ageing.html?utm _source=chatgpt.com (дата обращения: 29.11.2025).

2. Lloyd-Sherlock P. Population ageing and international development: From generalisation to evidence // Bristol: Policy Press, 2010. 304 p. DOI: 10.1332/policypress/9781847421920.001.0001

3. Bloom D., Canning D., Fink G. Implications of population ageing for economic growth // Oxford Review of Economic Policy. 2010. Vol. 26. No. 4. P. 583-612. DOI: 10.1093/oxrep/grq038

4. Ageing and health in China // World Health Organization. Website. URL: https://www.who.int/china/health-topics/ageing? utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 29.11.2025).

5. Социальная демография: понятийно-терминологический словарь. Махачкала: Изд. ДГУ, 2004. 156 с.

6. Эльдаров Э. М. О демографической политике и вокруг нее // Региональные аспекты социальной политики. 2001. Вып. 3. С. 106–113.

7. Pensions at a Glance 2025: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing, 2025. 248 p. DOI: 10.1787/e40274c1-en

8. Козлова О. А. Активное долголетие как направление социальной политики государства // Вестник социальной работы. 2021. № 2. С. 17–24.

9. People's Republic of China: 2024 Article IV Consultation-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for the People's Republic of China. International Monetary Fund. Asia and Pacific Dept // IMF Staff Country Reports 2024, 258 (2024). DOI: 10.5089/9798400284281.002

10. China improves regulation of long-term care insurance schemes // The State Council of the People's Republic of China. 2024. Website. URL: www.gov.cn (дата обращения: 29.11.2025).

11. Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/70552648/ (дата обращения: 29.11.2025).

12. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296 // ЭПС «Система ГАРАНТ».URL: https://base.garant.ru/70644062/ (дата обращения: 20.09.2025).

13. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: https://base.garant.ru/191961/ (дата обращения: 20.09.2025).

14. Смирнов В. М. Особенности рынка оказания услуг в сфере социального обслуживания и проблемы оценки их качества // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 6. С. 130–139. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-130-139

15. Walker A. Active ageing in employment: Its meaning and potential // Asia-Pacific Review. 2006. Vol. 13. No. 1. P. 78-93. DOI: 10.1080/13439000600697621

16. Phillipson C. Aging and Globalization: Issues for Critical Gerontology and Political Economy // Aging, Globalization and Inequality: The New Critical Gerontology. Routledge (New York), 2006. P. 43-58. DOI: 10.4324/9781315225111

17. Giles J. T., Lei X., Wang G., Wang Y., Zhao Y. One Country, Two Systems: Evidence on Retirement Patterns in China // Policy Research Working Paper. No. 9650. Washington, DC: World Bank, 2021.

18. World Bank. Searching for a New Silver Age in Russia: The Drivers and Impacts of Population Aging. Washington, DC: World Bank, 2015.

19. Estes C., Biggs S., Phillipson C. Social Theory, Social Policy and Ageing: A Critical Introduction. Maidenhead: Open University Press, 2003. 240 p. ISBN 9780335218257

20. Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M. et al. Measuring Active and Healthy Ageing in Europe // Journal of European Social Policy. 2017. Vol. 27. No. 2. P. 138-157.

21. Холостова Е. И. Социальная работа с пожилыми людьми: учебник для бакалавров. Москва: Дашков и К., 2019. 338 с. ISBN 978-5-394-03336-0.

22. Beard J., Officer A., de Carvalho I. et al. The World report on ageing and health: a policy framework for healthy ageing // The Lancet. 2016. Vol. 387. No. 10033. P. 2145–2154. DOI: 10.1016/S0140-6736(15)00516-4

23. Inoue K., Haseda M., Shiba K. et al. Social Isolation and Depressive Symptoms Among Older Adults: A Multiple Bias Analysis Using a Longitudinal Study in Japan // Annals of Epidemiology. 2023. Vol. 77. P. 110-118. DOI: 10.1016/j.annepidem.2022.11.001.

24. Темаемаев Т. В., Сынкина О. П., Хачатурян А. К. Социальное обслуживание пожилых граждан: взгляд получателей услуг // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 2. С. 160–165. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165

25. Айгубов С. З. Опыт реализации социальной политики с пожилыми гражданами в регионе // Региональные проблемы преобразования экономики. 2022. № 12 (146). С. 184–189. DOI: 10.26726/1812-7096-2022-12-184-189

26. Зуева Н. Л. Современное состояние социального обслуживания населения в условиях модернизации государственного управления // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 3 (22). С. 148–154.

27. Дудченко О. Н., Мытиль А. В. Специфика группы пожилых как объекта социальной политики // Социологическая наука и социальная практика, 2018. Т. 6. № 1. С. 84–100. DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5739

References

1. Ageing. OECD. Organization for Economic Co-operation and Development. Website. Available at: https://www.oecd.org/en/topics/ageing.html (accessed: 29.11.2025).

2. Lloyd-Sherlock P. Population ageing and international development: From generalization to evidence. Bristol: Policy Press; 2010. 304 p. DOI: 10.1332/policypress/9781847421920.001.0001

3. Bloom D, Canning D, Fink G. Implications of population ageing for economic growth. Oxford Rev Econ Policy. 2010;26(4):583-612. DOI: 10.1093/oxrep/grq038

4. Aging and health in Chin. World Health Organization. Geneva: WHO. Website. Available at: https://www.who.int/china/health-topics/ageing (accessed: 29.11.2025).

5. Social demography: a conceptual and terminological dictionary. Makhachkala: DSU Publishing House; 2004. 156 p. (in Russian)

6. Eldarov EM. On and around demographic policy. Regional aspects of social policy. 2001;(3):106-113 (in Russian).

7. Pensions at a Glance 2025: OECD and G20 Indicators. Paris: OECD Publishing; 2025 Nov 27. 248 p. DOI: 10.1787/e40274c1-en

8. Kozlova OA. Active Longevity as a Direction of State Social Policy. Bulletin of Social Work. 2021;(2):17-24. (in Russian).

9. International Monetary Fund. People's Republic of China: 2024 Article IV Consultation [Internet]. Washington, DC: IMF; 2024. (IMF Country Report No. 24/258). DOI: 10.5089/9798400284281.002

10. The State Council of the People's Republic of China. China improves regulation of long-term care insurance schemes. 2024. Website. Available at: http://www.gov.cn (accessed: 29.11.2025).

11. Federal Law of the Russian Federation of December 28, 2013 No. 442-FZ "On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation". EPS "System GARANT". Website (in Russian). Available at: https://base.garant.ru/70552648/ (accessed: 29.11.2025)

12. On approval of the state program of the Russian Federation "Social Support for Citizens": RF Government Resolution of April 15, 2014. No. 296. EPS "System GARANT". Website (in Russian). Available at: https://base.garant.ru/70644062/ (accessed: 20.09.2025).

13. Russia. Decree of the President of the Russian Federation of October 9, 2007 No. 1351 "On approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period through 2025". EPS "System GARANT". Website (in Russian). Available at: https://base.garant.ru/191961/ (accessed: 20.09.2025).

14. Smirnov VM. Features of the market for the provision of social services and problems of assessing their quality. Socio-political sciences. 2023;13(6):130-139. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-6-130-139 (in Russian).

15. Walker A. Active ageing in employment: Its meaning and potential. Asia-Pac Rev. 2006;13(1):78-93. DOI: 10.1080/13439000600697621

16. Phillipson C. Aging and Globalization: Issues for Critical Gerontology and Political Economy. In: Aging, Globalization and Inequality: The New Critical Gerontology. NY: Routledge; 2006; p. 43-58. DOI: 10.4324/9781315225111

17. Giles JT, Lei X, Wang G, Wang Y, Zhao Y. One Country, Two Systems: Evidence on Retirement Patterns in China. Policy Research Working Paper No. 9650. Washington, DC: World Bank; 2021.

18. World Bank. Searching for a New Silver Age in Russia: The Drivers and Impacts of Population Aging. Washington, DC: World Bank; 2015.

19. Estes C, Biggs S, Phillipson C. Social Theory, Social Policy and Ageing: A Critical Introduction. Maidenhead: Open University Press; 2003. 240 p.

20. Zaidi A, Gasior K, Hofmarcher M, et al. Measuring Active and Healthy Aging in Europe. Journal Eur Soc Policy. 2017;27(2):138-157.

21. Kholostova EI. Social work with older people: a textbook for bachelors. Moscow: Dashkov i K; 2019. 338 p. (in Russian)

22. Beard J, Officer A, de Carvalho I, et al. The World report on aging and health: a policy framework for healthy aging. Lancet. 2016;387(10033):2145-2154. DOI: 10.1016/S0140-6736(15)00516-4

23. Inoue K, Haseda M, Shiba K, et al. Social Isolation and Depressive Symptoms Among Older Adults: A Multiple Bias Analysis Using a Longitudinal Study in Japan. Annals of Epidemiology 2023;77:110-118. DOI: 10.1016/j.annepidem.2022.11.001

24. Temaemaev TV, Synkina OP, Khachaturyan AK. Social Services for Elderly Citizens: The View of Service Recipients. Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. Journal. 2022;22(2):160-165 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-2-160-165

25. Aigubov SZ. Experience of implementing social policy with elderly citizens in the region. Regional problems of transforming the economy. 2022;(12):184-189 (in Russian). DOI: 10.26726/1812-7096-2022-12-184-189

26. Zueva NL. Current state of social services to the population in the context of public administration modernization. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2015;(3):148-154 (in Russian).

27. Dudченко ON, Mytil AV. Specifics of the Elderly Group as an Object of Social Policy. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. 2018;6(1):84-100 (in Russian). DOI: 10.19181/snsp.2018.6.1.5739

Статья поступила в редакцию 01.12.2025
The article is submitted 01.12.2025

УДК 791.43;470.67
DOI:

©2025 **Сулейманов М. М.**
Дагестанское отделение Союза кинематографистов
Российской Федерации, Махачкала, Россия

История и перспективы развития кинематографа в Дагестане

Аннотация. Анализируется история становления и основные этапы развития дагестанского кинематографа в контексте формирования российского киноискусства. Рассмотрены предпосылки возникновения кино в Дагестане, особенности развития регионального кинопроизводства в советский и постсоветский периоды, а также вклад дагестанских деятелей культуры в развитие отечественного кинематографа. Подчеркивается значение природного, историко-культурного и этнического потенциала Дагестана как основы для дальнейшего развития киноиндустрии и кинематографического туризма. Определены современные проблемы отрасли, связанные с сокращением сети кинотеатров, недостатком государственной поддержки и необходимостью возрождения региональной киностудии. Делается вывод о значительном потенциале развития дагестанского кинематографа как важного элемента культурного и общественного развития республики.

Ключевые слова: дагестанский кинематограф, российское кино, киноиндустрия, культурное наследие, кинематографический туризм.

©2025 **Suleimanov M. M.**
Dagestan Branch of the Union of Cinematographers
of the Russian Federation, Makhachkala, Russia

History and Prospects for the Development of Cinema in Dagestan

Abstract. This article examines the history and major stages of the development of cinema in Dagestan within the broader context of Russian cinematography. It analyzes the factors that contributed to the emergence of cinema in the republic, the evolution of regional film production during the Soviet and post-Soviet periods, and the contribution of Dagestani filmmakers and cultural figures to the development of Russian cinema. Particular emphasis is placed on Dagestan's natural, historical, cultural, and ethnic diversity as a valuable resource for the further development of the film industry and film-induced tourism. The study also explores current challenges facing the sector, including the decline of the film exhibition network, insufficient state support, and the need to revitalize regional film studios. It concludes that cinema in Dagestan possesses considerable potential for growth and can serve as an important driver of the republic's cultural and social development.

Keywords: Dagestani cinema, Russian cinema, film production, cultural heritage, film-induced tourism.

Введение

Кино сегодня является востребованным и доступным видом искусства. Если сравнивать его историю с историей музыки, или живописи, или театрального искусства, то кино гораздо «младше». Люди посещают кинотеатры, смотрят фильмы в домашней обстановке на экранах телевизоров или в любом удобном месте – с различных мобильных цифровых устройств. Кино является развлечением и хобби, кино учит и пропагандирует, оно заглядывает в будущее, хранит прошлое и бережет настоящее. Как заметил один из основоположников социологии кино и массовой культуры Зигфрид Кракауэр, кинематограф объединяет в себе практически все сферы жизнедеятельности человека, красочно отображая их и с огромной силой влияя на сознание общества или отдельных личностей. Кино интересует очень многих: тех, кто занят проблемами в обществе и динамикой изменения поведения масс; тех, кто исследует грани художественного творчества и его восприятия, и тех, кто изучает перемены культурного составляющего отдельных народов и человечества в целом. Социологи и историки, искусствоведы и критики, теоретики культуры и эстетики внимательно следят за развитием киноискусства, так или иначе принимая в нем участие [1].

Важно отметить, что кино становится эффективным инструментом продвижения в современном медиапространстве регионов и стран, поскольку фильмы формируют у зрителей эмоциональную связь с определёнными локациями. Успешные кинопроекты способны увеличивать туристический поток и таким образом способствовать развитию местной экономики, гостиничного бизнеса и сферы услуг [2; 3].

Дагестанский кинематограф, на наш взгляд, имеет широкие перспективы развития, поскольку богатое этнокультурное наследие и природное разнообразие этой самой южной республики России формируют здесь уникальную визуальную и содержательную основу для создания фильмов. Начиная с советского периода в Дагестане создано немало художественных и документальных фильмов с акцентом на региональных культурных традициях и драматических сюжетах. Это сделало республику важной частью общенационального кинонаследия страны. Классикой стали «Адам и Хева», «Горянка», а также сцены из «Белого солнца пустыни». После распада СССР кинопроизводство на постсоветском пространстве значительно сократилось, многие региональные студии, в том числе на Северном Кавказе, закрылись. Вместе с тем Дагестан остается востребованным

для отечественного кинематографа регионом благодаря своим уникальным ландшафтам (горные села, глубокие ущелья и каньоны, вершины Главного Кавказского хребта, Каспийское море, дюнные массивы приморской зоны) и героическим личностям (Имам Шамиль, Хаджи-Мурат, Магомет Гаджиев, Амет-Хан Султан, Муса Манаров, Евгений Гвоздев и др.).

Основные предпосылки рождения дагестанского и российского кинематографа

Отчет истории мирового кинематографа начинается с 28 декабря 1895 г., когда братья Люмьер провели первый коммерческий киносеанс в парижском «Гранд-кафе». Вскоре по всему миру начали создаваться кинокомпании и киностудии. В первые 10 лет истории кинематографа кино превратилось в устоявшуюся индустрию массовых развлечений. Самые ранние фильмы были черно-белыми, длительностью менее минуты и без записи звука.

Официальной датой рождения российского кинематографа считается 15 октября 1908 г., когда на экраны вышел 8-минутный фильм режиссёра Владимира Ромашкова «Понизовая вольница» по мотивам русской народной песни о Стеньке Разине [4].

В 1918 году Владимир Ильич Ленин, создатель советского государства, подчеркнул, что «из всех искусств для нас важнейшим является кино». Спустя год 27 августа Совет народных комиссаров РСФСР принял декрет о национализации кинематографа. С тех пор вся фотографическая и кинематографическая торговля, промышленность и кинотеатры перешли в прямое ведение Народного комиссариата просвещения.

За прошедшие годы отечественный кинематограф претерпел много изменений, начиная от документального, наблюдательного («Кино-глаз» Вертова) вида до формата скриплайф и компьютерной графики («Ночной дозор», «Поиск», «Убрать из друзей» Бекмамбетова). Рассвет советского кино пришёлся на период с 50-го по 90-е годы прошлого столетия, когда создавались самые гуманные фильмы в мировом кинематографе, герои которых учили народы многонациональной страны доброте, справедливости, любви к родине.

Придавая огромное значение развитию кинематографа, правительство советской страны не скупилось на материальную поддержку. В каждой союзной республике имелись свои национальные киностудии, во многих регионах были открыты документальные студии, которые работали на автономные

республики. Только одна «Северо-Кавказской студия кинохроники» обслуживала семь республик этого региона. Киностудия «Мосфильм» ежегодно снимала до 250 художественных фильмов, киностудии союзных республик – по 4 плановых фильма и десятки документальных и научно-популярных. Около 18 художественных фильмов было снято по дагестанской тематике [5].

С распадом СССР закончилась эра советского гуманного кино. Многие киностудии, в том числе Северо-Кавказская, были закрыты, кинотеатры распроданы. С каждым годом в России снимается всё меньше фильмов, «Мосфильм», например, производит 50–70 фильмов, а Свердловская киностудия и «Ленфильм», можно сказать, на грани развала.

Этапы развития кинематографа в республике

В XX веке на территории Дагестана было создано 20 художественных фильмов, составивших наследие республиканского киноискусства.

В 1907 г. в посёлке Ахты родилась Сафият Аскарова – будущая звезда немого кино. Девочка с детства увлекалась музыкой, театром и развивающимся кинематографом. Её отец Нухбек Аскаров был участником Ахтынского кружка театралов и способствовал образованию Лезгинского государственного театра. Увлечение искусством было свойственно другим близким родственникам Сафият. Ее брат Хасбулат Аскар-Сарыджа был скульптором, основателем дагестанского скульптурного искусства, другой брат – Бейбулат стал директором студии кинохроники, третий, Асланбей, – кинооператором «Мосфильма», а сестра Саррет – тоже актрисой.

В 1925 г. на Сафият обратил внимание Владимир Касьянов, снимавший в Дагестане фильм «Под властью адата». Благодаря роли в этой картине актриса получила приглашение в фильм «Крылья холопа». В картине, посвященной мастеру при дворе Ивана Грозного, Сафият исполнила роль жены царя Марии Темрюковны. Далее, в 1927 году С. Аскарова сыграла в фильме «Чадра», после премьеры которого огромное количество узбекских женщин отказались от чадры. Серьёзная болезнь актрисы помешала ей продолжить работу в кино, однако она вскоре вышла на сцену театра имени Е. Вахтангова в Москве. Сафият Аскарова была замужем, но детей не имела. Скончалась актриса в 1955 году, похоронена на Ваганьковском кладбище [6].

«Тучи покидают небо» – созданный в 1959 году кинофильм, который с полной уверенностью можно назвать дагестанским:

сценарий написал Ахмедхан Абу-Бакар, все роли исполнили дагестанские актёры. Фильм рассказывает о судьбах жителей горного аула в 30-50 годах XX века, о противостоянии старых предрассудков и здравого смысла. При рождении Джафара и Зейнаб поменяли местами, что предрешило их судьбу. Когда Зейнаб похитили, влюблённым пришлось бороться с общественным мнением, чтобы быть счастливыми [7].

Съёмки знаменитой киноленты «Белое солнце пустыни» связаны с Дагестаном: они проходили в окрестностях Махачкалы и запомнились несколькими интересными эпизодами. Спартак Мишулин вынужден был при 40-градусной жаре сидеть в закопанном в песок ящике. Когда из-за бракованной плёнки пришлось делать добавочные дубли, актёр чуть не затеял драку с оператором. По легенде, махачкалинские воришки обобрали съёмочную группу подчистую, украли даже часы Сухова. Режиссёру Владимиру Мотылю пришлось обратиться к местному криминальному авторитету по имени Али, при содействии которого всё украденное вернули, а сам Али даже сыграл эпизодическую роль в этом фильме.

Следует отметить большое влияние кинематографа на процесс сближения народов кавказских республик, их истории и культуры. К сожалению, за последние 30 лет это влияние полностью утратилось.

Мультимедийная культура сегодня является мощным средством регулирования человеческого бытия, а кинематограф, как часть этой культуры, выполняет очень важную роль в деле культурного воспитания масс. Даже развлекая, кинематограф воздействует на мировоззрение и гуманитарное сознание человека [8].

Предпосылки для дальнейшего роста дагестанского кинематографа

Можно утверждать, что в Дагестане собственный кинематограф появился в 1958 году. Именно тогда республиканское правительство решило организовать киностудию в Каспийске. Завод «Дагдизель», «Завод точной механики», «Завод им. Магомеда Гаджиева», «Дагнефть» и «Дагрыба» приобрели для этой студии профессиональную аппаратуру. За время своего существования киностудия «Дагестан» выпустила более 200 документальных фильмов и киножурналов. Её картины стали лауреатами республиканских, российских и всесоюзных кинофестивалей. О фильмах киностудии писали в газетах «Правда», «Советская Россия», «Советская культура», «Известия», «Дагестанская правда» и др. [9; 10].

С распадом Советского Союза в стране не стало киноплёнки, химикатов. В 2002 году по предложению известного деятеля российского кино Никиты Михалкова автором данной статьи в Махачкале был открыт филиал, а в 2012 году – отделение Союза кинематографистов РФ. Сегодня в Дагестанском отделении Союза кинематографистов есть профессионалы, которые снимают свои независимые фильмы. Это Александр Евтушенко, Курбан Ибряев, Эльдар Ферзиев, Магомед-Гаджи Гасанов, Мурад Абдуллаев, Арслан Мирзабеков, Камиль Алиев, Магомед Казиев, Ислам Казиев, Ислам Ханипаев, Магомед Сулейманов. Многие из них отмечены государственными наградами Дагестана и России.

Общественность Северного Кавказа стремится возродить республиканскую киностудию. В этой связи кинематографисты региона обратились к президенту страны В. В. Путину с просьбой реанимировать Северо-Кавказскую киностудию. Инициатива была поддержана президентом, и был издан указ об открытии киностудии с передачей пакета акций в собственность Северной Осетии – Алании. Теперь ожидается решение правительств обеих республик [11].

Хочется еще раз подчеркнуть, что Дагестан обладает богатыми ресурсами для кинематографа. Природа республики может служить живой декорацией для фильмов, а историко-культурное, спортивное и производственно-бытовое наследие Страны гор – неисчерпаемым источником вдохновения для сценаристов [12; 13].

Заключение

В настоящее время в республике особенно остро стоит вопрос возрождения культуры кинопоказа и поддержки регионального кино. В советское время в Дагестане действовала широкая сеть кинотеатров и клубов, обеспечивавших массовый доступ населения к отечественному кинематографу: функционировало 1700 клубов и кинотеатров, существовал самый большой на Северном Кавказе кинопрокат с 17 000 кинокопий. Сегодня же в республике действуют лишь 4–5 частных кинотеатров.

Вместе с тем в регионах России всё более укрепляется понимание роли киноклубного движения [14]. Однако эта важная для развития кинематографа инициатива сталкивается с рядом трудностей, преодоление которых без государственного участия невозможно. Речь идёт о финансировании проводимых мероприятий, выделении помещений и т. д. То есть требуется серьезное внимание к проблемам развития кинематографии со стороны правительства, общественности [11]. Важно понимать,

что кинематограф – это не только развлечение, но и школа культуры, образования, воспитания и нравственности. Хочется надеяться, что дагестанцы и впредь будут активно снимать новые фильмы и прославлять таким образом родную республику. Дагестанские любители кино, молодые актеры, сценаристы и режиссеры должны иметь необходимые условия и возможности для реализации своего творческого таланта. Развитие отрасли кино в республике создаст прекрасные условия для культурного самоопределения ее жителей, не противоречащего их этнической идентичности [15]. Кинематограф покажет и приумножит положительный образ народов Страны гор, раскроет их самобытность и общность в масштабе многонациональной страны. И главное, Дагестану есть, что рассказать и что показать благодаря его уникальному этнокультурному потенциалу и природному великолепию.

Литература

1. Кракауэр З. У кино две функции: отображать окружающую реальность и создавать новую // Дагестанское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Союз кинематографистов Российской Федерации». Сайт. URL: https://xn----gtbtoji.xn--p1ai/ (дата обращения: 15.04.2025).

2. Суржикова В. И. Кино как драйвер туризма // Экономика и управление в индустрии гостеприимства: Сб. статей междунар. науч.-практ. конфер. (Москва, 10 апреля 2024 г.). Москва: МГИК, 2024. С. 69–72.

3. Эльдаров Э. М., Трифонова З. А. Социјално-културни потенцијал града према оценама његових житеља (на примеру града Махачкале) // Демографија. 2013. Књ.10. С. 47–58.

4. История российского кино // Культура.РФ. Сайт. URL: https://www.culture.ru/live/movies/3104/stenka-razin-ponizovaya-volnica-vladimir-romashkov-1908 (дата обращения: 15.04.2025).

5. Северо-Кавказская студия кинохроники // Союз кинематографистов Российской Федерации. Сайт. URL: https://unikino.ru/tag/северный-кавказ/ (дата обращения: 15.04.2025).

6. Сафият Аскарова // Кино-Театр.Ру. Сайт. URL: https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/sov/30469/works/?utm_source=chatgpt. com (дата обращения: 15.04.2025).

7. Фильм «Тучи покидают небо» // Кино-Театр.Ру. Сайт. URL: https://www.kino-teatr.ru/search/193160878/472180/ (дата обращения: 15.04.2025).

8. Шихкеримова Г. Есть ли кино в Дагестане? // Газета «Махачкалинские известия». 28 августа 2020. Сайт. URL: https://midag.ru/ est_li_kino_v_dagestane_/ (дата обращения: 15.04.2025).

9. Киностудия «Дагестан» // Союз кинематографистов России. Сайт. URL: https://unikino.ru/tag/дагестан/ (дата обращения: 15.04.2025).

10. История кинопроката в СССР и регионах России // Госфильмофонд России. Сайт. URL: https://gosfilmofond.ru/ (дата обращения: 15.04.2025).

11. Сулейманов М. Дагестан – кладезь для кинематографа // Газета «Дагестанская правда». 26 августа 2022. № 224-225. Сайт. URL: https://dagpravda.ru/kultura/dagestan-kladez-dlya-kinematografa/ (дата обращения: 15.04.2025).

12. Туризм в Дагестане будут продвигать с помощью кинематографа // РИА «Дагестан». Новости. 31.05.2017. Сайт. URL: https://riadagestan.ru/news/tourism_events/turizm_v_dagestane_budut_prodvigat_s_pomoshchyu_kinematografa?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 15.04.2025).

13. Романишина Т. С., Гусейнова М. Т. Киноиндустрия как инструмент продвижения культурного туризма в Республике Дагестан // Сервис plus. 2025. Т. 19. № 1. С. 81–89. DOI: 10.5281/zenodo.15170051

14. Кино-клубное движение в России: история и современность: Коллективная монография / отв. редактор Н. А. Кочеляева. Москва: Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова, 2022. 250 с. ISBN 978-5-87149-292-5

15. Кинематографисты Дагестана // Дагестанское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Союз кинематографистов Российской Федерации» URL: https://xn----gtbtoji.xn--p1ai/ (дата обращения: 15.04.2025).

References

1. Krakauer Z. Cinema has two functions: to reflect the surrounding reality and to create a new one. Dagestan Republican branch of the Union of Cinematographers of the Russian Federation. Website (in Russian). Available at: https://xn----gtbtoji.xn--p1ai/ (accessed: 15.04.2025).

2. Surzhikova VI. Cinema as a driver of tourism. In: Economics and management in the hospitality industry: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference; Moscow 2024 April 10. Moscow: Moscow State Institute of Culture Publishing House; 2024; p. 69-72 (in Russian).

3. Eldarov EM, Trifonova ZA. Social and cultural potential of the city by estimation of its residents (for example, the city of Makhachkala). Demography. 2013;10:47-58.

4. History of Russian Cinema. Kultura.RF. Website (in Russian). Available at: https://www.culture.ru/live/movies/3104/stenka-razin-ponizovaya-volnica-vladimir-romashkov-1908 (accessed: 15.04.2025).

5. North Caucasus Film Chronicle Studio. Moscow: Union of Cinematographers of the Russian Federation. Website (in Russian). Available at: https://unikino.ru/tag/severnyy-kavakaz/ (accessed: 15.04.2025).

6. Safiat Askarova. Kino-Teatr.ru. Website (in Russian). Available at: https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/sov/30469/works/ (accessed: 15.04.2025).

7. The film "Clouds Leave the Sky". Kino-Teatr.ru. Website (in Russian). Available at: https://www.kino-teatr.ru/search/193160878/472180/ (accessed: 15.04.2025).

8. Shikhkerimova G. Is there cinema in Dagestan? Makhachkalinskie izvestiya. Newspaper. 2020 August 28. Website (in Russian). Available at: https://midag.ru/est_li_kino_v_dagestane_/ (accessed: 15.04.2025).

9. Dagestan Film Studio. Moscow: Union of Cinematographers of Russia. Website (in Russian). Available at: https://unikino.ru/tag/дагестан/ (accessed: 15.04.2025).

10. History of Film Distribution in the USSR and Regions of Russia. Gosfilmofond of Russia. Website (in Russian). Available at: https://gosfilmofond.ru/ (accessed: 15.04.2025).

11. Suleimanov M. Dagestan – a Treasure Trove for Cinematography. Dagestanskaia Pravda. Newspaper. 2022 Aug 26;(224-225). Website (in Russian). Available at: https://dagpravda.ru/kultura/dagestan-kladez-dlya-kinematografa/ (accessed: 15.04.2025).

12. Tourism in Dagestan will be promoted with the help of cinema. RIA "Dagestan". News. 2017 May 31. Website (in Russian). Available at: https://riadagestan.ru/news/tourism_events/turizm_v_dagestane_budut_prodvigat_s_pomoshchyu_kinematografa (accessed: 15.04.2025).

13. Romanishina TS, Guseynova MT. Film industry as a tool for promoting cultural tourism in the Republic of Dagestan. Service Plus. 2025;19(1):81-89. DOI: 10.5281/zenodo.15170051

14. Kochelyaeva NA ed. The film club movement in Russia: history and Modernity: A Collective monograph. Moscow: S. A. Gerasimov All-Russian State Institute of Cinematography, 2022. 250 p.

15. Filmmakers of Dagestan. Dagestan Republican branch of the Union of Cinematographers of the Russian Federation. Website (in Russian). Available at: https://xn----gtbtoji.xn--p1ai/ (accessed: 15.04.2025).

Статья поступила в редакцию 15.07.2025.
The article is submitted 15.07.2025.

УДК 911.3:338.48(48)
DOI:

© 2025 **Шмерлинг Г. В.**
Московский парусно-туристический клуб,
Москва, Россия

Фрагменты культурного ландшафта Северной Европы: взгляд путешественника

Аннотация. В статье, основанной на материалах путешествий автора по Северной Европе, преимущественно по Финляндии в период с 2001 по 2023 год, обсуждаются различия в отношениях разных народов к окружающей их среде. Акцент сделан на инфраструктурных аспектах таких отношений, как то: дороги (устройство, эстетичность, безопасность), водные маршруты и условия стоянок судов, санитарное оснащение и культура пользования общедоступными объектами. Рассматриваются некоторые причины, обусловливающие различия в культурном восприятии пространства и взаимодействии людей с природой. Автор утверждает, что не существует статистики, позволяющей численно измерить уровень гуманизма в отношении народа к родной земле. Однако, по его мнению, на качественном уровне сравнительных оценок вполне приемлем анализ статистических данных по уровню преступности на сопоставляемых территориях.

Ключевые слова: культурный ландшафт, Северная Европа, Финляндия, туризм, инфраструктура, общественное пространство, восприятие окружающей среды.

© 2025 **Shmerling G. V.**
Moscow Sail-Tourist Club, Moscow, Russia

Fragments of the Northern European Cultural Landscape: A Traveler's Perspective

Abstract. Drawing on the author’s travels across Northern Europe, particularly Finland, between 2001 and 2023, this article explores differences in the ways various societies perceive and interact with their surrounding environment. Special attention is given to the infrastructural dimensions of these attitudes, including road design, aesthetics and safety, waterways and mooring facilities, sanitary infrastructure, and the culture of using public spaces and amenities. The study examines several factors that may contribute to differences in cultural perceptions of space and patterns of human interaction with the natural environment. The author argues that no universally accepted statistical indicators exist for quantitatively measuring the degree of humanistic attitudes toward one’s homeland and local environment. However, it is suggested that comparative analysis of crime statistics across different territories may serve as a useful qualitative indicator for assessing broader social and cultural attitudes.

Keywords: cultural landscape, Northern Europe, Finland, tourism, infrastructure, public space, environmental perception.

Введение

В основу статьи легли материалы наблюдений, полученные автором во время путешествий по Финляндии и скандинавским странам на парусных лодках, автомобиле и велосипеде в период с 2001 по 2023 год. Эти материалы, даже скорее впечатления туриста, не претендуя на системность, рассматриваются в рамках предмета гуманитарной географии, который был понятно для неспециалиста сформулирован М. Ю. Немцевым: изучение повседневного взаимодействия людей с населенной ими земной поверхностью [1].

Говоря о разных странах, мы имеем в виду три основные сферы, вместе создающие общее впечатление: 1) земля – географическое положение, природный ландшафт и климат; 2) люди и власть – менталитет, характерное поведение и традиции, политический режим и государство; 3) хозяйство – совокупность имущества, дел и средств, которыми кто-то распоряжается. Изменения в одной части этой образной системы неизбежно повлияют на остальные: природные условия определяют особенности расселения и хозяйственной деятельности; хозяйственная деятельность приводит к изменению природной среды; состояние природы влияет на качество жизни населения и возможности экономики. Поэтому эту троичную систему рассматривают как основу изучения взаимодействия общества и окружающей среды в географии [2].

Менталитет людей и общественная жизнь для поверхностного взгляда туриста доступны лишь в отдельных проявлениях. Зато как обустроена и в каком состоянии находится земля, на которой живет народ, – очевидно, и эта картина может дать материал для своего рода реинжиниринга аспектов человеческих и общественных отношений.

Отметим, что вопросы взаимодействия географических условий и жизни населения, в том числе изучаемые с точки зрения интересов развития туризма, всегда обсуждались учеными, при этом сломано немало копий [3–5]. Так, Л. Н. Гумилев считал, что влияние человека на ландшафт определяется не социальными факторами – классовой структурой и способом производства, а этническими, которые народ приобрел за свою историю, и теперь психология и поведение его представителей так же объективны, как механические свойства для того или иного материала [6]. Примерно то же самое утверждает и современный российский географ В. Л. Каганский,

рассматривая проблемы территориальной организации российского общества в гуманитарно-географическом контексте [7].

Несмотря на разницу картин природы и сельской жизни в северных странах, проявления присутствия человека, за редким исключением сугубо промышленных пейзажей, всегда гармоничны, уважительны, бережны. После пересечения границы России при въезде в Финляндию облик земли, полей сразу меняется. Заброшенные поля, заросшие кустами и бурьяном, разваливающиеся домишки брошенных деревень, мусорные терриконы вокруг переполненных баков сменяются ухоженными полями и покосами, аккуратными домами и сараями, палисадниками с цветами.

Задача исследования – показать несколько сторон скандинавского землеобустройства, с которыми сталкивается каждый турист.

Дороги

Автострады везде одинаковы: все ради быстрого движения, и черты, которые можно связать с человеческим фактором, незаметны. Но стоит перейти на обычное шоссе, а особенно на местную дорогу, – и картина сразу меняется. Первое – в скандинавских странах нет обочин, за кромкой асфальта сразу зеленеет трава, а далее уже кювет. Довольно часто (в зависимости от рельефа местности) встречаются карманы для коротких остановок. Но в случае остановки из-за неисправности в другом месте невольно займешь половину полосы, и тогда другим машинам придется объезжать препятствие. В России же обочины часто представляет собой полосы движения, чем и пользуются нетерпеливые «обочечники». Причем полосы эти не асфальтовые, а щебеночно-песчано-грязе-пылевые, где остановка не запрещена, на обочине часто стоит легковушка, а то и фура.

Оба варианта имеют свои плюсы и минусы: по-видимому, при большом трафике без «запасной полосы» обойтись трудно. Но без широких пыльных обочин дорога красивее и чище, ехать по ней гораздо приятнее, да и земли местная двухполосная дорога занимает почти вдвое меньше, чем у нас.

Площадки для отдыха – это обычно подстриженная трава, несколько мощных деревянных столов с лавками, чистота, обязательно баки для мусора, часто туалет, навес, иногда качели и горка для детей. Если нет явного запрета «No camping», встречающегося в гористых районах Швеции и Норвегии, можно и переночевать в палатке, что часто делают велосипедисты и мотоциклисты.

Еще один аспект дорожной инфраструктуры – дорога и населенные пункты. Нигде, если это не городская улица, дома не стоят вплотную к трассе, как на нашей М10, где так осталось, видимо, со времен путешествия Радищева. Невозможно жить в домах вплотную к непрерывно грохочущей трассе, да мало кто уже и живет: в небольших деревнях остались лишь придорожные кафе и магазинчики. У финнов от шоссе отходит небольшая дорожка, стоит указатель и стойка почтовых ящиков, а домики где-то дальше, в лесу.

Велодорожки

Электросамокатов и прочих подобных устройств, как и обычных велосипедов, в Хельсинки и других крупных городах множество, но проблем в связи этим незаметно. Видимо, еще в доэлектрические времена была проложена целая сеть велодорожек.

Велодорожки сопровождают автомобильные дороги практически везде в сколько-нибудь населенной местности, это неотъемлемая часть пейзажа. В городах велодорожки образуют собственную удобную и безопасную среду передвижения.

За городом велодорожка идет в нескольких метрах или десятках метров в стороне от трассы – так и приятнее, и безопаснее. В городе велодорожки могут быть проложены отдельно или выделены рельефом покрытия либо разметкой на тротуаре. Интересное и в равной степени уважительное ко всем участникам движения решение для стесненных городских условий пришлось увидеть и протестировать в Копенгагене: здесь есть трехуровневые улицы. Основная дорога – для автомашин, по краям небольшая, на несколько сантиметров ступенька и – велодорожка, еще такой же бордюрчик – и тротуар для пешеходов.

Водные пути

Лодок у финнов и скандинавов не меньше, чем автомашин, причем всех видов: от каяков до роскошных моторных и парусных яхт. Фарватеры хорошо обставлены знаками – это условие безопасности для плавания в шхерах с множеством скал. Но для водного туриста прежде всего интересны гостевые стоянки, которые есть на всех побережьях. Их множество. К сожалению, формат статьи не позволяет воспроизвести здесь фрагменты карт (равно как и обширный иллюстративный материал), поэтому ограничимся описанием.

Гостевые стоянки делятся на две основные категории: марины и природные гавани, «зеленые стоянки» (naturharbors). Марина может быть самостоятельным предприятием или совмещаться с

кемпингом, прибрежным отелем или рестораном. В марине будут как минимум туалет, душ, баки для мусора, электричество, небольшое кафе или киоск. Максимум не ограничен: сауна, стиральные машины, ремонтные мастерские, детская площадка, зона отдыха и т. д. Гостевые места может предоставлять яхт-клуб, несколько мест для заходящих лодок обычно найдется в любой местной гавани. Диапазон цен в маринах примерно от 15 до 30 евро за сутки. Обычно на какое-то время можно зайти бесплатно, например, в магазины или на заправку, а в рыбацкой гавани и постоять день-два, тут порядки везде свои. Когда заправка и прочие услуги не нужны, для плавающего народа интереснее зеленые стоянки. Услуг там никаких может не быть, хотя такие точки встречаются редко. В этом случае смысл обозначенной на карте стоянки в том, что вы знаете, что сюда можно подойти и остановиться в более или менее защищенном месте, никого не беспокоя. Дачных домиков в шхерах великое множество, а стоять даже на якоре в пределах примерно 100 м от домика не полагается. Изредка случалось остановиться и таким образом, и дважды за все годы через некоторое время кто-то появлялся, интересовался, не нужна ли помощь, и, когда я отвечал, что все в порядке, просили отойти от их приватного места в сторонку, что, конечно, было не очень приятно.

Типичная зеленая стоянка имеет причал или хотя бы кольца на скалах, иногда буйки-муринги. На берегу туалет, баки для мусора, стол с лавочками и место для костра или гриль, рядом с которым навес с дровами, пилой и топором. Самим рубить на дрова сухостой и даже собирать хворост нельзя. Вместо кострища и лавочек может быть и целый «банкетный зал» под навесом. Обычно есть стенд со схемой местности; если это один из многочисленных заказников, на стенде будут изображены охраняемые птицы, прочая живность и растения, а также приведены правила для посетителей. Встретились краткие, но исчерпывающие формулировки: не забирайте ничего кроме фотографий; никого не убивайте, только время; ничего не оставляйте, только следы ваших ног.

В популярных местах в выходные может быть многолюдно, вернее многолодочно. Но при этом, удивительное дело, никто друг другу не мешает. В отдаленных местах, где не обозначено никаких стоянок, на островах встречались и домики-убежища с печкой, кроватями с матрацами, парой мисок, парой банок с крупами. Как избушки на нашем Севере, только не бревенчатые, а бытовки. Высший

уровень сервиса для бесплатной зеленой стоянки – сауна, со всем оборудованием, сложенными рядом дровами – максимум, надо их поколоть и принести или накачать воду. То есть не только не хуже, чем в лучшей марине, но и приятнее, ведь вокруг только лес и скалы.

Кто же все это обустраивает, содержит, наводит порядок? В большинстве случаев – местные власти муниципалитетов и коммун. Кроме того, есть общественные организации, занимающиеся охраной природы и благоустройством архипелагов, в том числе и стоянками. В Финляндии Roope-Palvelut Sälle-Service, в Швеции Skärgådsstiftelsen. Рабочий катер объезжает стоянки и забирает мусор и прочие отходы. В 2022-2023 годах эта служба, видимо, испытывала трудности: кое-где баки убрали и появились надписи «просим забирать отходы с собой». Пришлось дольше возить с собой пакеты, но брошенного мусора на стоянках не появилось.

Запретная тема

В приличном обществе обсуждать эту тему не принято, но ведь наш интерес к ней научный, поэтому будем изучать объективную реальность во всех ее проявлениях. К примеру, наряду с многочисленными показателями экономического развития, которые подсчитывают центробанки и эксперты, есть один попроще: индекс бигмака. Стандартный бутерброд позволяет сравнить покупательную способность денег разных стран по продовольствию.

Для отражения степени здоровья общества был бы очень полезен туалетный индекс, так как доступность и состояние санитарных удобств отражает работу местных властей, заботу и о природе, и о человеческом достоинстве, а также уважение людей друг к другу.

Посты откачки септик-танков (танки установлены на всех судах, кроме малых открытых лодок) имеются во многих маринах. Но, кроме того, в шхерах встречаются плавучие «золотарные пристани» – причалы с баком для откачки. Причалили, подключили шланг, покачали ручку, перекачали свои отходы и поехали дальше. Все чисто и аккуратно, в воду ничего не попадает.

Теперь о береговых удобствах, причем не в маринах и кемпингах, а просто по берегам в местах зеленых стоянок. В чистой деревянной будке все предусмотрено: удобное сиденье, запас туалетной бумаги, торфяная крошка и совок. На стенах пришпилены детские рисунки или картинки из журналов, попадается и руководство пользователя: «Засыпьте отходы торфом, чтобы не

разводить мух». На полке может лежать стопка информационных материалов. А на стоянке у маяка Иттергрунд с туалетом совмещается уникальный музей: силами посетителей заведения все стены уставлены красивыми бутылками от разных напитков.

Сделав над собой некоторое усилие, житель России еще может представить себе деревянную будку, поставленную не на турбазе, а просто на берегу реки или озера ради сохранения чистоты окружающих кустов. Но такое же по назначению сооружение из пиленых каменных блоков по сотне килограммов не встретишь, как, например, в Норвегии, где скал на берегах больше, чем леса.

Сравнение «туалетного индекса» удручает еще сильнее, чем организация уборки мусора. Вот что было написано больше века назад путешественником Александром Энгельмейером после плавания на пароходе «Соловецкий»: «... О самих клозетах и говорить нечего. Туда без ужаса и омерзения невозможно даже и заглянуть...» [8]. Автор писал об этом в 1898 году, но точно в таком же аварийно-омерзительном состоянии еще в начале 2000-х был туалет не где-нибудь на стоянке для туристов на Волге (где не было и нет ни стоянок, ни туалетов), а на железнодорожной станции при немалом поселке городского типа, где живем летом. Потом появилась синяя кабинка с замочком – для доступа следовало обратиться к работнику вокзала, предъявив билет, потом – наконец в здании вокзала открыли удобный и чистый туалет, конечно, вход за турникетами, по билету.

Вместо выводов

Еще одна цитата из книги Энгельмейера – слова, сказанные им о Норвегии: «... Вот так второстепенное государство! Вот так бесплодный север! Откуда же вся эта энергия, все это разрастание? Уж не уклонение ли от международной политики дает возможность народам так укрепиться во внутренней жизни, так устраивать свое благосостояние? ...Слава Богу, что хоть Скандинавия пережила, и, быть может, даже безвозвратно, свой героический период. Поскорее бы и нам с ним покончить» [8].

И это было написано в годы, которые сейчас кажутся едва ли не самыми спокойными в российской истории. Пройдя отчасти теми же путями больше века спустя, испытываешь то же восхищение от увиденного и нередко горечь от сравнения с нашими реалиями. Такие же чувства вызывает, например, очерк А. И. Куприна «Немножко Финляндии» (1908 г.) [9, с. 169], а также заметки современных путешественников.

Несмотря на фантастическое развитие техники и социальные катаклизмы, люди изменились мало. Когда местные власти не заботятся о туалетах, а отдыхающие по берегам бросают мусор и бьют бутылки, это проявления одной беды – неуважения к окружающим. Видимо, Лев Гумилев был прав, считая, что влияние людей на ландшафт зависит от поведенческих факторов, присущих конкретным народам. Пусть не наследуемых, что наука отвергает, но впитываемых с воспитанием и всей культурой.

Далее рассмотрим сводку того, что написал о чертах национального характера русских и финнов ИИ. Россиянам, по его мнению, присущ коллективизм, искренность и теплота общения в своем кругу, для финнов – индивидуализм, сдержанность, ориентацию на равенство и честность. Утверждается, что любовь к природе свойственна и тем, и другим – да ведь так и есть...

Отмечу только один важный по собственным наблюдениям момент: у финнов и скандинавов отношения между людьми уважительные и доверительные по умолчанию, в России же очень важен именно свой круг: кто из нашего двора, а кто из соседнего, кто за какую команду болеет, кто какую музыку слушает, даже кто на каких лодках ходит. Словно хочется отделить заслуживающих уважения и доверия своих от всех прочих, а виновными в неприятностях назначить чужих.

По-видимому, причины поведенческих различий скрыты в истории, возможно, и в отличиях религиозной этики. Но это уже скорее историческая, чем гуманитарная география. Есть, однако, в прямом смысле слова убийственная криминальная статистика, обнажающая разницу в отношениях между людьми. Портал statbase.ru приводит следующие данные за 2022 год: число умышленных убийств на 100 тысяч населения составляет в Норвегии и Швеции 1,10, Финляндии 1,28, России 6,80. Число заключенных на 100 тысяч населения (округленно) в Норвегии 68, Финляндии 51, Швеции 80, России 287 [10].

Нет статистики, позволяющей численно измерить отношение людей к своей земле. Но вполне вероятно, что на качественном уровне разница в этом отношении обратна уровню преступности.

Литература

1. Немцев М. Ю. Семь фрагментов о гуманитарной географии, путешествиях и краеведении // Labyrinth: теории и практики культуры. 2021. № 1. С. 89–97.

2. Максаковский В. П. Географическая картина мира. Кн. 1: Общая характеристика мира. Москва: Дрофа, 2008. 495 с.

3. Родоман Б. Б. Уровни использования окружающей среды и общение людей в сфере досуга // Рекреация и охрана природы. Научные труды по охране природы. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 495. Тарту: Тартуский государственный университет, 1981. С. 15–21.

4. Мироненко Н. С., Эльдаров Э. М. Гуманитарные аспекты исследования рекреационных систем // Вестник МГУ. Серия 5. География. № 1. 1998. С. 22–27.

5. Евстропьева О. В. Трансформация природных комплексов в зонах рекреации // География и природные ресурсы. 1999. № 1. С. 130–133.

6. Гумилев Л. Н. Этнос и ландшафт // Доклады Географического общества СССР. 1968. Вып. 3. С. 193–202.

7. Каганский В. Л. Постмодерн. Ландшафт. Россия // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1–2. С. 40–48.

8. Энгельмейер А. К. По русскому и скандинавскому северу. Путевые воспоминания. Москва: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1902. 210 с.

9. Куприн А. И. Полное собрание сочинений: т. 1–9. Т. 7. Санкт-Петербург: Изд. А. Ф. Марксъ, 1912. 440 с.

10. StatBase: каталог статистики и мировых данных. Сайт. URL: https://statbase.ru (дата обращения: 18.10.2025).

References

1. Nemtsev MYu. Seven Fragments on Humanitarian Geography, Travel, and Local History. Labyrinth: Theories and Practice of Culture. 2021;(1):89-97 (in Russian).

2. Maksakovsky VP. Geographical Picture of the World. Book 1: General Characteristics of the World. Moscow: Drofa; 2008. 495 p. (in Russian)

3. Rodoman BB. Levels of Environmental Use and Human Communication in Leisure Activities. In: Recreation and Nature Conservation. Scientific Works on Nature Conservation (Scientific Notes of Tartu State University. Issue 495). Tartu: Tartu State University; 1981; p. 15-21 (in Russian).

4. Mironenko NS, Eldarov EM. Humanitarian Aspects of the Study of Recreational Systems. Moscow University bulletin. Series 5, Geography. 1998;(1):22-27 (in Russian).

5. Evstrofieva OV. Transformation of Complexes in the Recreation Zone. Geography and Natural Resources. 1999;(1):130-133 (in Russian).

6. Gumilyov LN. Ethnos and Landscape. Reports of the Geographical Society of the USSR. 1968;(3):193-202 (in Russian).

7. Kagansky VL. Postmodern. Landscape. Russia. Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Research. 2016;(1-2):40-48. (in Russian).

8. Engelmeyer AK. In English and to the Scandinavian North. Travel Memories. Moscow: Printing House of G. Lissner and A. Geschel; 1902. 210 p. (in Russian)

9. Kuprin AI. Complete works: vol. 1-9. Vol. 7. St. Petersburg: A. F. Marx Publishing House; 1912. 434 p. (in Russian)

10. StatBase: statistical portal. Website (in Russian). Available at: https://statbase.ru (accessed: 18.10.2025).

Статья поступила в редакцию 30.10.2025.
The article is submitted 30.10.2025.

УДК 327.2
DOI:

© 2025 **Родоман Б. Б**
Независимый исследователь,
Москва, Россия

Цивилизации и ландшафт Северной Евразии[1]

Аннотация. На территории Северной Евразии более полутысячелетия на огромной территории существует государство, название которого периодически меняется. Само государство временами, кажется, что распадается, исчезает, но затем восстанавливается, возрождается, подобно фениксу из пепла. Цели данной статьи – проверить обоснованность некоторых метафор, описывающих подобные процессы; рассмотреть механизмы формирования гигантской государственной территории, особенности российского культурного ландшафта и всего постсоветского пространства; высказаться о причинах распада СССР и затронуть некоторые евразийские проекты.

Ключевые слова: Северная Евразия, культурный ландшафт, постсоветское пространство, государственное строительство, территориальное развитие, евразийство, Советский Союз.

© 2025 **Rodoman B.B.**
Independent researcher,
Moscow, Russia

Civilizations and the Landscape of Northern Eurasia

Abstract. On the territory of Northern Eurasia, for more than half a millennium, there has been a state of enormous area, the name of which changes every now and then. The state itself periodically seems to disintegrate, disappear, but is restored again, reborn, like a Phoenix from the ashes. The objectives of this article are to check the legitimacy of some of the metaphors that describe such processes; consider some mechanisms for the formation of a gigantic state territory, features of the Russian cultural landscape and the entire post-Soviet space; speak out about the reasons for the collapse of the USSR and touch on some Eurasian projects.

Keywords: Northern Eurasia, cultural landscape, post-Soviet space, state formation, territorial development, Eurasianism, Soviet Union.

[1] Тема докладывалась на круглом столе «Культурное пространство евразийства» в Российском НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва 16 ноября 2012 г.

Введение

По степени вытянутости Россия уступает только Чили и Норвегии. Эти страны вытянулись между берегом и горным хребтом, а Россия – вдоль двух *странообразующих природных зон*. Лесостепь стала осью основного массива расселения, по форме и положению похожего на ареалы распространения дуба, клёна и липы [1]. Под сенью этих широколиственных деревьев, прежде имевших большое хозяйственное значение, а в наши дни редких и почти забытых, прошла молодость русского этноса, ныне живущего среди берёз и осин, елей, сосен и лиственниц. Зона тайги в целом представляет собой более колониальное пространство, с *присвоением*, надолго и безнадёжно опередившим *освоение*.

Россия вытянулась с запада на восток в погоне за соболем. Представители коренных народов Европейского Севера, карелы из Великого Новгорода и коми-зыряне из Великого Устюга, продвигаясь вдоль своей родной зоны тайги, присоединили к будущей империи Северо-Восточную Европу и Северную Азию [2], так что именно эти народы могут считаться «государствообразующими» в некотором роде. Нередко, а то и как правило, основателями этнонимных государств оказывались представители отнюдь не титульного этноса, а его чужеродные завоеватели. К какому этносу принадлежали первые князья Новгородско-Киевской Руси? Какие «национальности» преобладали в революционной команде В. И. Ульянова?

Титульному этносу Российской Федерации, государство-поддерживающему, для удержания огромной территории народу, по сравнению с ней очень малочисленному, надо искать союзников среди других этносов. Но их надо любить, как любил Л. Н. Гумилёв тюрков и монголов, а не только «толеранить». Толерантность – вынужденная терпимость к тем, кого не любишь, а евразийскому пространству нужна дружба народов, но это понятие в постсоветской России вышло из употребления.

Однако вернёмся к России царской. По мере того как правительство узнавало, какой территорией оно владеет, и пыталось распространить на неё свой порядок вопреки гигантским расстояниям, экономические стимулы имперской экспансии сменялись военно-политическими. Железная дорога от Миасса до Владивостока построена не для «подъёма производительных сил Сибири», а для завоевания Китая и Японии. Даже при

проектировании Транссиба в конце XIX в. отдельные инженеры всё ещё предлагали использовать для перевозки грузов более выгодную, по их расчётам, конную тягу [3], но власть в Петербурге мыслила стратегически: паровозы необходимы для переброски войск.

Анизотропный ландшафт и территориальные иерархии

С вытянутостью России вдоль географических параллелей связана ортогональная анизотропия занимаемого ею пространства – неравнозначность северо-южных и западно-восточных векторов имперского «силового поля». В западно-восточном направлении Россию скрепляют военно-политические узы, а в северо-южном её раздирают перспективные, многообещающие экономические связи. В геополитическом смысле Азиатская Россия пристёгнута к Москве, а в геоэкономическом её части призваны быть ресурсным дополнением и объектом колонизации соседних южных стран. Так, дальний Восток более всего тяготеет к Японии и Китаю, восточная Сибирь – к Китаю, западная – к Средней Азии. В идеальной, чисто экономической географии, без учёта государств и этносов, это были бы экономические макрорайоны в виде меридиональных сегментов. Удобные рамки для деления России созданы в 2000 году в виде федеральных округов.

Другая, более важная и повсеместная, всемасштабная анизотропия пространства в России – радиальная. Тысячелетие военно-колониального деспотизма превратило российское пространство в тоталитарный ландшафт [4], в котором радиальные связи (центров с периферией) гипертрофированы, а тангенциальные (периферийных пунктов между собой) редуцированы. Радиальное направление – это проекция на земную поверхность так называемой «властной вертикали», а тангенциальное направление обнаруживает недостаток или отсутствие связей между соподчинёнными центру элементами. Российский культурный ландшафт есть результат взаимодействия с природным ландшафтом не общества, а государства [5].

Воплощением тоталитарного ландшафта в России является административно-территориальное деление (АТД). Нигде в мире оно не имеет такого огромного значения, как в нашей стране. У нас единицы АТД – универсальные ячейки жизни общества, подобные домам и квартирам. Существует множество сеток ведомственного районирования [6], но все они конгруэнтны общегосударственному АТД. Культурный ландшафт – отражение отношений между людьми. В нашей стране материальная инфраструктура, пути

сообщения, миграции, межличностные связи отражают прежде всего бюрократическую иерархию. На границах административных районов всех уровней обрываются транспортные связи, возникают зоны депопуляции и экономического упадка, разрастается внутренняя периферия [7], а полосы вдоль границ сохраняются как убежища (рефугиумы) дикой флоры и фауны, возможные основы для природных парков и заповедников. Открытие тоталитарного ландшафта и внутренней периферии – главные достижения отечественной социально-экономической и теоретической географии.

Централизованный анизотропный ландшафт существует на всех уровнях территориальной иерархии – в регионах («субъектах РФ»), в городах, в сельской местности. Кроме того, разные регионы обладают различными исторически сложившимися ритмами ландшафта. Так, в Западной Европе он более дробный (высокочастотный), а в Сибири менее дробный (низкочастотный). При эволюционном саморазвитии культурного ландшафта его антропогенная надстройка стремится к гармонии с природным базисом, а при вмешательстве извне сложившийся резонанс нарушается. При столкновении с традиционным ландшафтом сломались три главные российские реформы – Александра Второго, П. А. Столыпина и Е. Т. Гайдара (не доведены до конца, извращены, привели к обратным результатам).

Так, в сельской местности не удалось разрушить крестьянско-помещичий ландшафт латифундий и парцелл. Сегодняшние парцеллы – это приусадебные и садовые участки, застраиваемые коттеджами, а вместо латифундий – окружающие их пустыри, ждущие отвода под застройку или новой распашки. Земельные реформы оборачивались для сельских жителей катастрофами и неизменно проваливались, потому что нельзя было быстро передвинуть поля, огороды, жилища. Страна всякий раз возвращалась к дореформенному состоянию, иногда даже усугубляя его пороки.

Советская коллективизация на селе оказалась третьей волной закрепощения, а постсоветская приватизация – четвёртой (первая волна закончилась в середине XVII в., а вторая началась и достигла апогея в XVIII в.). Сегодня рядовые жители малых городов средней полосы России, обитатели моногородов, рабочих посёлков и сельских поселений в экономическом отношении менее свободны,

чем помещичьи оброчные крестьяне, и уж тем более чем государственные крестьяне до 1861 года.

В общем соглашусь с представлением, что современная Россия является территориальной иерархией поместий [6]. Главы этнических республик, губернаторы, мэры и прочие начальники являются настоящими помещиками, без патронажа которых невозможен средний и малый «бизнес». Постсоветская рыночная или квазирыночная экономика пришла к нам не с запада, а из советских подпольных цехов и среднеазиатских барахолок, она регулируется не правом, а воровскими обычаями, вписалась и влилась в иерархический тоталитарный ландшафт и в общем не стала конкурентной, а была разделена между криминальными сферами влияния, в том числе территориальными.

Внутренний колониализм, провинциальность и территориальные сословия

Многих исследователей и публицистов волнует вопрос, где в нашей постсоветской империи находится метрополия, а где колонии. Традиционный дискретный подход, при котором метрополией считается какая-то совокупность регионов в европейской части страны, не продуктивен; ни одна граница этого гипотетического ареала не является резкой и не выдерживает критики. Не лучше ли говорить о внутреннем колониализме [8] в континуально-относительном смысле и считать, что черты метрополии и колонии убывают-возрастают постепенно? Но в каком направлении? Просто ли с запада на восток или от Москвы во всех направлениях? Нет, не так. Метрополиями в том или ином смысле являются все административные центры районов любого ранга, а колониями – их периферийные зоны. Об этом свидетельствуют фактически применяющиеся способы землеприродопользования.

И, наконец, возвращаясь к стране в целом, предлагаю модель, простую и дискретную: метрополией является только Москва, и даже не вся, а лишь внутри МКАД; всё остальное – явные колонии – и ближнее Подмосковье, и новые территории Москвы (с 2012 г.). Захват земель, способы приобретения их у местной администрации, вытеснение и огораживание аборигенов, закрытие доступа к ранее использовавшимся ими земельным угодьям, ликвидация публичного пространства, разрушение прежнего культурного ландшафта – не суть ли это примеры самого яростного колониализма?

Из-за беспрецедентной гегемонии одной столицы в России все, кто не родился и/или не проживают в Москве, считаются (и часто

считают себя сами) гражданами второго сорта. (Об ущемлении и попытках реванша Петербурга умолчим, чтобы не уклониться от темы). Сообразно этой ситуации предлагаю выделять в России три территориальных сословия: 1) москвичи, 2) жители Московской области и Петербурга, 3) все остальные. Главы всех регионов, другие крупные чиновники и олигархи принадлежат к первому сословию, так как имеют квартиры и прочие резиденции в Москве.

Для России характерно отсутствие исторических провинций (таких, как Нормандия и Прованс во Франции), наше население идентифицирует себя по административным единицам (областям, краям, республикам). На территории нынешней России была только одна такая провинция – Ингерманландия, её следы слабо читаются в ландшафте (продолговатые кирпично-гранитные здания) и в топонимии (термин «мыза» и некоторые чисто финские названия). Для инвентаризации и классификации российского культурного ландшафта, в том числе с целью сохранения культурного наследия, учёными должны быть выделены культурно-исторические провинции [9].

Многократные распады империи

Как известно, при очередной смуте наша держава распадается, а после усмирения снова склеивается. В какой мере цикличен этот процесс, а в какой необратим? Так ли уж удобна метафора распада, если части не расходятся, а остаются на месте? И, наконец, что у нас распадается? С формальной точки зрения Российская империя распалась вследствие отречения Николая Второго от титулов не только самодержца всероссийского, но и царя польского, великого князя финляндского, царя казанского и астраханского. СССР распался в результате сговора правителей трёх главных республик. Россия при этом не распадалась: РСФСР вышла из СССР, не потеряв «ни пяди» (ни одного квадратного дециметра) своей территории.

Если обратиться к сути дела, то напрашивается цивилизационно-географическая гипотеза распада, опирающаяся на метафору заглатывания инородного тела. Российская империя и СССР распались якобы от того, что заглотали, не успели переварить цивилизационно чуждые им земли. Русификация и советизация оказались поверхностными и улетучились после того, как царская Россия надорвалась в Первой мировой войне, а СССР проиграл холодную войну с евроатлантическим Западом. Бывшие советские республики вернулись туда, где пребывали до российской и советской колонизации: Балтия в демократическую Европу,

Туркмения – в феодальную Азию. Эта концепция заманчиво проста и красива с первого взгляда, но сомнительна по существу.

Здравый смысл отказывается признавать цивилизационную пропасть между собственно Россией (уместившейся внутри Российской Федерации) и народами Казахстана, Киргизии, Южного Кавказа, долго варившимися в российском и советском котле. Подобие цивилизационной гипотезы в какой-то мере работает на западных окраинах нашей империи, соединённое с общей теорией колонизации и деколонизации. С этой глобальной точки зрения Россия была авангардом европейской колонизации, передовым отрядом великого Drang nach Osten, начавшегося ещё от рейнских и дунайских границ Римской империи. Но царская Россия и СССР изменили своей колонизаторско-цивилизаторской миссии и устремились на Запад покорять страны и народы, более цивилизованные, чем Россия. Вместо того чтобы продолжать европеизировать Азию, наша страна бросилась азиатизировать Европу. Германский фашизм был сокрушён, но победа СССР в борьбе за передел Восточной Европы в итоге была упущена.

Кажется, ближе к истине утверждение, что распад СССР был инициирован национально-освободительной борьбой и достижением независимости в странах Балтии. С их точки зрения это был не выход республик из Союза, предусматривавшийся некоторыми советскими конституциями, а ликвидация «советского строя». Но после того как к выходу из СССР стала рваться сама РСФСР [10] (выступление Б. Н. Ельцина против М. С. Горбачёва), правителям остальных республик ничего не оставалось, как окончательно прибрать возглавляемые ими земли к своим рукам, хотя до того они о выходе не помышляли и до последнего момента цеплялись за Советский Союз. Иными словами, распад СССР вне Балтии был не чем иным, как важнейшим актом или ярким подобием всеобщей «прихватизации».

В евразийских движениях, прежних и нынешних, трудно увидеть что-либо иное, чем ностальгическое стремление восстановить великую державу. Логике неоевразийцев отвечает территория СССР в границах 1939 года плюс Монголия (в то время фактически советская республика, или «красная колония», *Red colony* на иностранных картах). Та же логика требует включить в евразийскую империю Уйгуристан и Внутреннюю Монголию, но Китай их не отдаст.

Крах СССР иногда рассматривается как распад одной из последних колониальных империй, вслед за британской, французской, испанской и другими. Но если это неумолимая историческая закономерность является действительной и для монолитных континентальных территорий, то следующим в очереди к развалу стоит КНР. Однако военная и демографическая мощь последней не позволяет на это надеяться. Вопросы о том, существует ли единая и глобальная закономерность деколонизации и являются ли (были ли) Россия и Китай колониальными державами, остаётся открытым в свете чрезвычайной многозначности терминов «колония» и «колониализм» [11].

Заключение

Сегодня евразийская интеграция бывших советских республик во многом отвечает чаяниям их элит, да и прочего населения, прислониться к более богатой и сильной России, войти в круг живущих за счёт нефтегазовой трубы, избавиться от плохо проницаемых границ, искусственно и неожиданно разделивших семьи и культуры, спастись от угрозы исламизации и китаизации. Для правителей России это приятная перспектива расширить свою власть и подведомственную территорию. Препятствием неоевразийству служит узкий русский национализм («Россия для русских»). Широкий же русский национализм и империализм, отводящий русскому этносу роль гегемона, старшего брата, друга и защитника прочих народов, – это и есть евразийство.

Литература

1. Алёхин В. В. География растений. Москва: Учпедгиз, 1950. 420 с.

2. Историко-культурный атлас Республики Коми. Москва: Дрофа, ДиК, 1997. 364 с.

3. Гумилевский Л. И. Железная дорога. Москва: Трансжелдориздат, 1946. 459 с.

4. Родоман Б. Б. Морфология и динамика Российского пространства // Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 313–318.

5. Каганский В. Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. Москва – Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.

6. Кордонский С. Г. Россия. Поместная федерация. Москва: Изд-во «Европа», 2010. 312 с.

7. Каганский В. Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН (Акад. Наук СССР). Серия «Географическая», 2012. № 6. С. 23–34.

8. Родоман Б. Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идёт Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Москва: Аспект Пресс, 1996. С. 94–102.

9. Родоман Б. Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры. 2011. № 4 (5). С. 47–53.

10. Родоман Б. Б. Выйдет ли РСФСР из СССР? // Согласие: издание Литовского движения за перестройку (Саюдис). 1990. № 7 (29). 12–18 февр. С. 14.

11. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. Москва: НЛО, 2012. 960 с.

References

1. Alekhine VV. Geography of Plants. Moscow: Uchpedgiz; 1950. 420 p. (in Russian)

2. Historical and Cultural Atlas of the Komi Republic. Moscow: Drofa, DiK; 1997. 364 p. (in Russian)

3. Gumilevsky LI. Railroad. Moscow: Transzheldorizdat; 1946. 459 p. (in Russian)

4. Rodoman BB. Morphology and Dynamics of Russian Space. In: Rodoman BB. Polarized Biosphere: A Collection of Articles. Smolensk: Oikumena; 2002; p. 313-318 (in Russian).

5. Kagansky VL. Natural and State Landscape of Northern Eurasia: Theoretical Geography. In: Socio-Economic Geography: Traditions and Modernity. Moscow-Smolensk: Oikumena; 2009; p. 78-100 (in Russian).

6. Kordonsky SG. Russia. The Local Federation. Moscow: “Europa” Publishing House; 2010. 312 p.

7. Kagansky VL. The Inner Periphery: A New Growing Zone of Russia’s Cultural Landscape. Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya. 2012; (6):23-34 (in Russian).

8. Rodoman BB. Internal Colonialism in Contemporary Russia. In: Where is Russia Heading? Social Transformation of the Post-Soviet Space. Moscow: Aspect Press; 1996; p. 94-102 (in Russian).

9. Rodoman BB. Traditional Cultural Landscape: Key Issues of Typology, Zoning, and Imagination. International Journal of Cultural Research. 2011;5(4):47-53 (in Russian).

10. Rodoman BB. Will the Russian Soviet Federative Socialist Republic leave the USSR? Soglasie: publication of the Lithuanian Reform Movement Sąjūdis. 1990;7(29):14. (in Russian).

11. Etkind A, Uffelmann D, Kukulin, ed. Inside There. Practices of Internal Colonization in the Cultural History of Russia. Moscow: NLO; 2012. 960 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 15.02.2025.
The article is submitted 15.02.2025.

УДК 502.3:297:338.24
DOI:

© 2025 **Гамидуллаев Б. Н., Эльдаров Э. М.**
Дагестанский государственный университет,
Махачкала, Россия

Исламский экологизм и вопросы его интеграции со светской экологией

Аннотация. Анализируются религиозно-философские основы исламской экотеологии, сформированные на базе аятов Корана, хадисов и трудов современных мусульманских мыслителей. Показано, что исламский экологизм не противоречит современному экологическому знанию, а напротив, способствует формированию ценностных оснований экологической культуры и устойчивого развития. Обсуждается международный опыт реализации исламских экологических инициатив. На примере ситуации вокруг установки монумента «Живая Земля» в Махачкале раскрываются сложности реализации светских экологических проектов в религиозно-культурной среде современного Дагестана. Делается вывод о необходимости активизации диалога между религиозными и светскими институтами в целях формирования экологически ответственного общества.

Ключевые слова: исламский экологизм, экотеология, экологическая этика, устойчивое развитие, экологическая культура.

© 2025 **Gamidullaev B. N., Eldarov E. M.**
Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Islamic Environmentalism and Its Integration with Secular Ecology

Abstract. This article examines the religious and philosophical foundations of Islamic ecotheology, drawing on Quranic verses, hadith literature, and the works of contemporary Muslim scholars and thinkers. It demonstrates that Islamic environmentalism is compatible with modern environmental knowledge and can contribute to the development of value-based foundations for environmental culture and sustainable development. The study reviews international experience in the implementation of Islamic environmental initiatives and practices. Using the installation of the Living Earth monument in Makhachkala as a case study, the article explores the challenges associated with implementing secular environmental projects within the religious and cultural context of contemporary Dagestan. The findings underscore the importance of constructive dialogue between religious and secular institutions in promoting environmental responsibility and fostering a sustainable and environmentally conscious society.

Keywords: Islamic environmentalism, Islamic ecotheology, environmental ethics, sustainable development, environmental culture.

Введение

Исламская наука об охране окружающей среды основывается на общих со светской экологией исследовательских принципах, подходах и понятиях. Религия не отрицает общепризнанное понимание термина «экология», обозначающего жилище, дом (от др.-греч. οἶκος) и учение о нем (λόγος). Этот термин (нем. Ökologie), как известно, в 1866 году был введен в научный оборот немецким биологом Эрнстом Геккелем. В книге «Общая морфология организмов» он впервые применил эволюционную теорию Чарльза Дарвина для изучения морфологии и анатомии живых существ, определив экологию как науку о взаимоотношениях живой (флора, фауна и люди, то есть все организмы, способные дышать, питаться, расти, развиваться и размножаться) и неживой (воздух, вода, земля, техника и т. д., то есть все объекты, не способные питаться, расти, дышать и размножаться) природы [1].

Системным изучением масштабных (региональных) форм взаимодействия объектов живой и неживой природы традиционно занимаются философская и географическая дисциплины. Поэтому можно утверждать, что рождение науки об окружающей среде и ее охране является результатом творчества прежде всего ученых античного времени, заложивших основы натурфилософии (философии природы). Именно натурфилософские представления, наряду с дарвинской эволюционной теорией, легли в основу современного экосистемного подхода к исследованиям, теоретические контуры которого в середине XX столетия обозначил американский ученый Юджин Одум [2].

К отцам-основателям исламского экологизма (исламского экологического движения) и экотеологии (исламской науки об экологии) принято относить иранского философа Сейеда Насра, который в 1968 году опубликовал большой труд «Человек и природа: духовный кризис современного человека» [3]. В этой книге современный экологический кризис впервые интерпретируется с религиозно-философской, а не просто с научной точки зрения. По мнению Насра, современный экологический кризис имеет не только технологическое, но и духовно-нравственное измерение, выражающееся в деградации внутренней культуры человека [4]. Ученый утверждает, что экологический кризис не просто технологическая ошибка истории, а следствие отказа современного человека от священного взгляда на природу. Зарубежные исследователи отмечают, что идеи Насра во многом послужили

становлению экологической философии и экологической этики в мусульманском мире [5–7]

Осмыслением вопросов активного задействования духовно-нравственных ценностей ислама в решении проблем охраны окружающей среды с начала нового столетия активно занимаются зарубежные авторы [8; 9]. В этот же период о возрастающей роли исламского экологизма в формировании глобальной повестки устойчивого развития и экологической ответственности мусульманских сообществ начинают говорить и дагестанские исследователи [10–12].

Исламский подход к экологическим вопросам и природоохранной деятельности основывается на аятах Корана и хадисах Пророка Мухаммада (с.а.с)[2], в которых подробно объясняется ответственность человека за природу. Этика исламского экологизма начинается с тезиса об уважении Всевышнего ко всему сотворённому Им миру. В Коране есть предупреждение Аллаха: «Всем душам воздастся сполна за то, что они совершили. Ему лучше знать о том, что они сделали» («Аз-Зумар», 70)[3] [13]. Исламский экологизм предлагает системно-целостный подход к решению проблем окружающей среды. По мнению Сейеда Насра, основу экологической этики мусульман составляет системная модель смыслового взаимовлияния трех главных столпов ислама – таухида, халифа и мизана [14].

Приблизительно 750 аятов Священного Корана призывают размышлять над природными явлениями. В них дается наставление изучать отношения между живыми организмами и окружающей средой, рекомендуется использовать разум и память для поддержания баланса, существующего в природе [15]. В Коране сказано: «И не распространяйте порок [неверие и зло] на земле после того, как она была приведена в порядок…» («аль-А’раф», 56). Из этого священного аята следует, что Всевышний, сотворив Землю, устроил ее таким образом, чтоб обеспечить человека наилучшими условиями для жизни. Он создал на земле воду и горы, животных и растения, материальные и духовные блага. Человек же своим трудом обязан приумножать полученные блага, но ни в коем случае не

[2] (с.а.с.) салляллаху алейхи ва саллям (да благословит его Аллах и приветствует).

[3] Здесь и далее переводы всех Сур и Аятов Корана представлены профессиональными переводами на русский язык Каляма Шарифа [13].

наносить вред другим творениям Всевышнего, в чем бы это ни проявлялось. Предписано также никогда не нарушать сотворенную Всевышним в природе гармонию и равновесие.

Если мы руководствуемся ответственным религиозным подходом к охране природы и рассматриваем сущность каждой вещи как знамение Всевышнего, то тогда не можем пренебрегать даже малейшим Его творением. Каждое живое создание имеют свою неповторимую и уникальную роль в прославлении Создателя, в рассказе всем своим существованием о Творце, Его Мощи, Мудрости, Милости. Все люди и животные имеют право на использование природных ресурсов. В Исламе не допускается злоупотребление любыми природными благами – водой и почвой, растениями и животными. Человеку предписывается надлежаще и бережно относиться ко всем видам природных богатств, к каждому компоненту окружающей его среды [3, p. 95–96].

В Священном Коране указывается, что все беды и несчастья на Земле являются в конечном счете результатом неверных проступков людей. «Беспорядок проявляется на суше и на море из-за того, что люди делают своими руками. И [Аллах] дает им вкусить часть того [зла], что они натворили, чтобы они вернулись [на истинный путь]» («ар-Рум», 41). При этом Всевышний разъясняет, что страдания и потрясения мира тесно связаны не только с деяниями и поступками, но и с помыслами людей. Если сердца и умы нечестивы, то последствия их деяний окажутся пагубными. Как уже было отмечено в вышеприведенном аяте, последствия эти в первую очередь испытают на себе те, кто преступил заповеди Корана.

Тех, кто несет творениям Аллаха уничтожение и погибель, Ислам называет богомерзкими. О подобных так сказано в Коране: «А когда он [лицемер] уходит [от тебя, о Мухаммад], то начинает бродить по земле, уничтожая посевы и потомство. Но Аллах не любит нечестия» («аль-Бакара», 205). В толкованиях под «посевами» подразумевается растительный мир, а под «потомством» (насль) – животные и будущие поколения людей. Кто наносит вред посевам и потомству, приравнивается к покусившемуся на род человеческий.

Основы исламской экологической этики

Сохранение природы и всех творений Всевышнего, в частности флоры и фауны, земли в своем плодородии, воздуха и воды в своей чистоте, – одна из самых главных обязанностей мусульманина. Особенно важное место в исламской этике занимают

вопросы использования пресной воды, являющейся по сути основным источником жизни на земле. Поэтому из хадисов экологического содержания наибольшее число посвящено заповедям о необходимости экономного водопользования и защиты воды от загрязнения [3].

В хадисах отмечается, что Всевышний вездесущ и природа должна быть защищена только ради Него. Природа – это совокупность взаимно дополняющих друг друга элементов, и каждая ее отдельная часть играет свою роль в творении Всевышнего. В отличие от животных, человек имеет разум и может различать веру и неверие. Поэтому животные стоят ниже людей в исламском порядке творений. Есть немало хадисов, в которых призывается милостивое отношение к братьям нашим меньшим.

В экотеологии важная роль отводится растениям, служащим пищей для людей и животных. В Коране сказано (смысл): «Пусть посмотрит человек на свою еду! Мы проливаем обильные дожди. Затем рассекаем землю трещинами. И [Мы] взращиваем на ней семена. Виноград и люцерну. Оливы и пальмы. Густые сады. Фрукты и травы. [Все это] На пользу вам и вашему скоту» («Абаса», 24-32). Поэтому посадка деревьев считается похвальным деянием в исламе. Существуют также институты исламского права, гарантирующие сохранение природы в определенных районах. Речь идет о природных заповедниках и природных парках, где охраняются лесные и водные ресурсы, луга и пастбища, редкие виды животных и растений.

Помимо конкретных регламентов в использовании тех или иных компонентов окружающей среды, существуют еще и фундаментальные принципы, помогающие удерживать человеческое поведение в экологически терпимых границах. Это теоретические положения, являющиеся предметом постоянного обсуждения и совершенствования в рамках исламской теологии, философии и культуры:

1. Доктрина единобожия (таухид), признающего Бога как единственного Господа для всех сотворенных Им существ; это означает, что к каждому отдельному созданию следует относиться с уважением.

2. Доктрина наместничества (хилаф) придает человеку статус преемника или попечителя (по-арабски «халиф») на Земле; речь идет возложении Аллахом на людей ответственности за природу и Божье творение.

3. Доктрина равновесия (мизан), которая в исламской экологической этике соответствует теориям равновесного и оптимального развития территорий; арабский термин «мизан» означает равновесие или весы.

4. Учение о творении (фитра), которое говорит о первозданном состоянии творения или изначальной природе вещей; о том, что существование в созданной Творцом гармонии с природой является естественным состоянием человека.

5. Учение об ответственности (аман), тесно связанное с учением о «хилафе» и означающее выполнение возложенной на человека ответственности во всех сферах жизни.

6. Учение о служении Аллаху (убудиййа), рассматривающее человека в статусе раба Всевышнего (по-арабски «абдуЛлах»); такая роль ограничивает власть человека, делает его обязанным правильно обращаться с природными богатствами и надежно охранять окружающую среду.

Эти фундаментальные положения ислама не только формируют теоретические основания вероучения, но и влияют на практические аспекты взаимодействия мусульман с природной средой. Как отмечается в современных зарубежных исследованиях, именно из этих концептов складывается теоретическое ядро исламской экологической этики, а также исламские модели устойчивого развития и экологического образования [16; 17].

Согласно практическим и фундаментальным постулатам исламского экологизма, исследование и решение вопросов природопользования и охраны окружающей среды должны базироваться на идее возрождения исламской духовности и веры. Но это вовсе не означает игнорирование верующими основ светской науки, технологического прогресса и современного экологического знания. Напротив, их главная роль – объединение усилий со светскими академическими школами, научными и общественными движениями в борьбе с неразумным потребительством и преступным расточительством.

Конечно, для человека вопросы собственного благополучия, поддержания своего физического существования на достойном уровне, удовлетворения растущих материальных потребностей часто оказываются значительно более насущными, чем забота о природной среде и сохранении экологического равновесия. Но человек всегда должен помнить о том особом месте в мире, которое ему

предначертано Всевышним – охранять все Его творения и быть благодарным за Его заботу о людях [18, с. 136].

От чистой души к чистой среде

Под экологией души подразумевается научная рефлексия проявлений человеческой искренности в вопросах сохранения и облагораживания среды обитания людей. Искренность – одно из выражений честности, правдивости, отсутствия противоречий между реальными чувствами и намерениями в отношении другого человека (или группы людей) и тем, как эти чувства и намерения преподносятся ему на словах. Важнейшим признаком неискренности является несогласованность между словесными заявлениями и невербальными знаками (жестами, мимикой, интонацией), которые говорящий не всегда может контролировать.

Азербайджанский теолог Эльмир Кулиев рассматривает искренность (ихлас) как фундамент исламского мировоззрения и главное условие принятия любых деяний Богом. В контексте его исследований выделяются следующие 5 ключевых мыслей об искренности:

1) Критерий истинности веры – отсутствие «примесей» в намерении. Это значит, что человек совершает добрые дела или поклоняется не ради похвалы, статуса или выгоды, а делает это исключительно ради довольства Всевышнего.

2) От искренности (аль-Ихлас) к единобожию (таухиду). Искренность очищает представления о Боге от любых человеческих качеств и характеристик, а веру человека – от лицемерия и скрытого многобожия.

3) Искренность как защита от формализма. Без внутренней искренности религиозные обряды становятся «бездушными», тогда как подлинная вера приносит человеку радость и сладость.

4) Отсутствие искренности ведет к лицемерию. Лицемер может красиво говорить о реформах или вере, но его действия приносят только вред обществу и природе, поскольку в его сердце нет истинной привязанности к божественным ценностям.

5) Молитва без искренности – не молитва. Настоящая мольба (дуа) начинается только тогда, когда человек полностью признает свою нужду в Боге и обращается к Нему с «чистым сердцем». То есть вера – это прежде всего работа над сердцем, а не простое соблюдение внешних правил [19; 20].

Также необходимо учитывать, что искренность зачастую вступает в противоречие с вежливостью, которая ограничивает

человека в высказываниях «в глаза» негативных оценок окружающей действительности. Дело в том, что такие оценки могут быть обидными или даже оскорбительными с точки зрения собеседника, являющегося частью этой реальности. И определенно плохо, когда люди проявляют излишнюю вежливость в отношении к чиновникам, напрямую ответственным за неблагополучие окружающей среды. Ведь экологическое неблагополучие, создаваемое недобросовестными управленцами, в конечном счете негативно сказывается на здоровье людей, а в некоторых случаях обусловливает и их гибель.

Удивительно, но факт: современному много знающему и высокоинтеллектуальному человеку с каждым годом становится сложнее понимать, что такое искренность. Последняя все чаще преподносится им как «наивность» или даже банальная глупость. Молодые люди зачастую воспринимают социально-политическую, в том числе экологическую, искренность как неумение приспосабливаться и выживать в современном мире. Более того, на некоторых популярных среди молодежи развлекательных телевизионных и интернет-площадках искренность посредством языка юмора преподносится как нечто нарицательное, то есть не являющееся положительным активом человека.

Между тем понятие искренность в Исламе является одним из важнейших качеств, которое приводится во многих сурах и аятах Корана. Пророк Мухаммад (с.а.с.) говорил об искренности следующее: «Религия (вера) есть проявление искренности (насыха) по отношению к Аллаху, Его Книге, Его посланнику, правителям мусульман и ко всем мусульманам вообще». И если подумать, то из этого хадиса следует, что именно в искренности заключается суть отношений ислама к экологии. Эта искренность должна находить свое выражение не только и не столько в красивых словах, сколько в реальных поступках [18; 21].

Становление исламского экологизма

В светском обществе «экологизм» (или «энвайронментализм») связывается с общественно-политическим и научным движениями, выступающими за сохранение, восстановление и улучшение природной среды. Исламский экологизм включает в себя различные подходы и способы решения экологических проблем, в том числе посредством регулируемого рынка, возрождения народных традиций, обычаев и празднований, организации детских и молодежных движений за сохранение окружающей среды и т. д.

Примерно с конца 1960-х годов происходит постепенная и незаметная для большинства мусульман экологизация их мышления, формирование основ исламской экологической теологии и этики. В большинстве случаев основу такого движения составляет изучение и освоение совместимых с исламом «зеленых принципов» современной социальной политики: устойчивость развития, охрана окружающей среды, биоразнообразие, экологический туризм, благополучие животных, волонтерские движения и т. д. [22–24]

Глобальные экологические проблемы современности не только заставили людей задуматься о своем влиянии на окружающую среду, но и способствовали разработке экологических стратегий развития территорий на уровне Организации Объединенных наций. Так возникли важные международные проекты «Мусульманский зеленый путеводитель по снижению влияния изменений климата», «Озеленение Рамадана», «Зеленый путеводитель по хаджу», «Кампания за чистую Медину» и др. Из названий этих инициатив и проектов следует, что основное внимание в них уделяется роли ислама в экологическом движении как на местах, так и в масштабе всей планеты. Термины «зеленый ислам» или «экоислам» стали девизами таких движений. При этом сторонники «зеленого ислама» используют данные термины с осознанием и уважением того, как заботливо относится светское общество к природе как Божьему творению, как активно им пропагандируются принципы устойчивого развития окружающей среды всей планеты. Согласно современным библиометрическим исследованиям число публикаций на темы «Green Islam» и исламского экологизма в мировой научной литературе характеризуется устойчивым ростом начиная с 1990-х годов [25]. Причем рост интереса к отмеченным научным темам во многом коррелирует с усилением общего внимания исследователей к вопросам глобальных климатических изменений, обеспечения устойчивого развития и экологической этики [26].

Британский альянс религий и охраны природы (ARC) вместе с Global One 2015 и EcoMuslim разработали «Зеленое руководство по хаджу» (опубликовано в 2011 г.), цель которого состояла в изменении экологического поведения мусульман, особенно во время хаджа. Руководство содержит советы и идеи, касающиеся использования только экологически чистых продуктов и услуг во время хаджа, сокращения потребления и отходов во время

паломничества, продолжения такой линии поведения после него и т. д. [27]

В связи со сказанным представляются полезными следующие примеры. Так, в 2008 г. компанией Life Makers UK (основана Амром Халедом) и бирмингемским Исламским фондом экологии и экологических наук (IFEES) была опубликована брошюра «Мусульманское зеленое руководство по снижению последствий изменения климата». В ней содержатся практические инструкции для мусульман по предупреждению негативных последствий изменения климата на планете, а также даются ежедневные советы по таким вопросам, как экономия энергии в домашнем хозяйстве, обеспечение санитарно-гигиенических условий приготовления пищи, стирка белья и переработка бытовых отходов, а также преимущественное использование общественного транспорта или велосипедов. Практически все эти советы и рекомендации сопровождаются цитатами из Корана. Автор брошюры весьма убедительно объясняет, почему мусульманин обязан исполнять такие предписания. При этом особо подчеркивается, что практически все аспекты охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов закреплены в исламе [28].

В последние годы на различных интернет-площадках часто появляются призывы к «зеленому Рамадану», а также к экологически чистому поведению верующих. Ведь не секрет, что после воздержания от приема пищи и питья между восходом и заходом солнца многие семьи совершают слишком обильную и нередко дорогостоящую вечернюю трапезу, большое количество несъеденной пищи просто выбрасывается в мусорные контейнеры.

В 2012 году по инициативе мусульманского эколога-активиста из Торонто Муаза Насира была проведена первая акция «Зеленая хутба» (Green Khutbah) по случаю Международного дня Матери-Земли (англ. International Mother Earth Day), который ежегодно празднуется 22 апреля. Этот праздник был учрежден на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 2009 году и регулярно отмечается с 2010. Соавторами соответствующей резолюции ООН выступили более 50 государств, в том числе Российская Федерация. Международный день является признанием того, что Земля и ее экосистемы служат нашим домом, обеспечивающим человечеству жизнь, а также подтверждением обязательств, принятых на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году. «Зеленая хутба» ныне

ежегодно проводится имамами сотен мечетей в США, Канады, Великобритании и других европейских стран. Эти дни посвящаются пятничным проповедям на темы «Экология и ответственность человека за сохранение природы», «Борьба с избыточным потреблением и расточительством», «Практические советы по защите окружающей среды в повседневной жизни» и др. [29]

В настоящее время в мире проводится большое количество международных мероприятий, подобных описанным выше. Распространение экологических идей посредством интернет-площадок и других медийных средств служит делу установления и укрепления контактов между мусульманскими и светскими активистами.

Несостоявшаяся «Зеленая хутба» в Дагестане

22 апреля 2025 г. в Международный день Матери-Земли в столице Дагестана городе Махачкале состоялось открытие первого в России монумента «Живая Земля». Мероприятие было организовано московским экологическим центром «Возрождение Земли» и поддержано Администрацией Главы и Правительства РД и Дагестанским отделением Русского географического общества. Монумент установили в аллее у мечети Пророка Мухаммада и Духовно-просветительского центра имени Пророка Исы. Организаторы мероприятия поблагодарили руководство Дагестана за поддержку проекта, который стал первым в своем роде не только в России, но и во всем мире.

Автором шарообразного памятника 1,5-метрового диаметра выступил художник-камнерез Александр Терзиев. Монумент общим весом около 5 тонн был выполнен из цельного камня, найденного в горном Хунзахском районе РД и привезенного на скульптурную обработку в Махачкалу. Автор смог на камне с точнейшей детализацией нанести все материки, острова и важнейшие течения. Основной идеей создания монумента было передать образ Земли как хрупкого дома, требующего любви и заботы.

В преддверии праздника (9 апреля) в актовом зале Национальной библиотеки им. Р. Гамзатова была проведена пресс-конференция «Духовность. Человек. Экология», приуроченная к открытию главного экологического монумента в нашей стране. В своем выступлении профессор Дипломатической академии МИД России Александр Зименков отметил, что установленный в Дагестане первый знак Земли-Матери должен послужить для всей России и мира в целом примером того, как на первый план могут

выдвигаться экологический и духовный смыслы нашей жизни. По словам руководителя АНО «Возрождение Земли», профессора московской Академии геополитических проблем Александра Усанина, монумент «Живая Земля» – это символ, который будет постоянно напоминать о том, что у нас есть Мать, которая долго кормила и заботилась о нас, и теперь она ждет ответной заботы. Духовное развитие человека альтернативно: либо мы становимся потребителями, либо помогаем расцвести всему, что нас окружает, – так прокомментировал намечающееся событие руководитель международного проекта «Живая Земля», член Ассоциации выпускников МГИМО Алексей Ракитин-Парадиз. Профессор факультета управления Дагестанского государственного университета Букар Гамидуллаев постарался убедить присутствующих в важности рассмотрения экологических проблем через призму теорий управления и самоуправления. Председатель Дагестанского отделения РГО, профессор ДГУ Эльдар Эльдаров подчеркнул важность намечаемого мероприятия в деле привлечения внимания детей и молодежи к вопросам экологии и ответственного отношения к природе [30].

Однако буквально через несколько дней после установления монумента «Живая Земля» муфтият республики принял решение о его сносе. Как стало известно, данное решение было согласовано со столичной администрацией и правительственными структурами республики. Было официально заявлено, что эта мера является вынужденной: дабы не спровоцировать вандализм по отношению к новому светскому памятнику со стороны групп населения, движимых радикальными исламскими настроениями.

По мнению экспертов, основными причинами принятия такого решения были две. Во-первых, часть дагестанских верующих не совсем правильно истолковало высказывание одного из приезжих организаторов данного мероприятия, который заявил, что возведенный монумент посвящается «Богине» по имени «Земля». Его духовные оппоненты в социальных сетях в весьма резкой форме отреагировали на это, заявив о принципиальной несовместимости языческих идей многобожия с незыблемой исламской доктриной единства Всевышнего. Во-вторых, в соцсетях стали слышны предостережения насчет того, что данный «языческий монумент» может спровоцировать террористические акты, подобные тем, что годом ранее были совершены исламскими экстремистами в православных храмах Махачкалы и Дербента [31].

Хранившиеся в гараже мечети разобранные части монумента «Живая Земля» через некоторое время были перевезены в складское помещение Администрации Главы и Правительства РД. Представители этого учреждения дали информацию о намечающейся установке монумента на одной из публичных площадок столицы Дагестана.

Данная история говорит о том, что в принципе общегражданские и совершенно безобидные для всех религиозных конфессий экологические проекты на пути своего осуществления могут неожиданно столкнуться с весьма сложными препятствиями. Примеры подобных противоречий между гражданскими экологическими инициативами и духовными святынями ислама отмечаются и за рубежом [32].

Монумент «Живая Земля», конструкции которого до сих пор покоятся в складском помещении АГиП РД, конечно же, не посвящается разным «земным богам», а служит общим для всех религий символом служения экологическим идеалам. Очевидно и то, что организация подобных гуманитарных акций в национальных регионах России должна подкрепляться достаточно обстоятельными исследованиями и заключениями специалистов именно из тех регионов, где эти акции намечается проводить. К сожалению, этого не было сделано в процессе подготовки и реализации данного проекта.

Заключение

Исламская экологическая мысль представляет собой важное направление современного гуманитарного знания, сочетающее религиозно-нравственные принципы с задачами охраны окружающей среды и рационального природопользования. Ислам рассматривает природу как божественное творение, а человека – как ответственного хранителя Земли, обязанного поддерживать гармонию и равновесие в мире. Экологические предписания Корана и хадисов формируют целостную систему экологической этики, основанную на идеях умеренности, справедливости, ответственности и духовной чистоты.

Проведенный анализ показывает, что исламская экотеология не противостоит светской экологической науке, а выступает ее ценностным и нравственным дополнением. Существующие экологические вызовы – изменение климата, загрязнение окружающей среды, рост потребительского отношения к природе – требуют объединения усилий научного сообщества,

государственных институтов, общественных движений и религиозных организаций. В этом контексте исламские экологические инициативы и международные проекты способствуют распространению культуры бережного отношения к природе и формированию экологической ответственности населения.

В современных условиях особую актуальность приобретает задача формирования экологической культуры, основанной не только на научных знаниях, но и на духовно-нравственных ценностях. Исламская экологическая этика выступает плодом мировоззрения, ориентированного на сохранение природы, ответственное потребление и устойчивое развитие общества.

Вместе с тем пример с установкой и последующим демонтажем монумента «Живая Земля» в Махачкале показал, что реализация экологических проектов в религиозно-культурном пространстве конкретного многонационального региона страны (Республики Дагестан) может сопровождаться мировоззренческими противоречиями и весьма острыми социально-политическими конфликтами. Это свидетельствует о необходимости более глубокого межконфессионального и общественного диалога, внимательного учета этнокультурных и социально-политических особенностей исламских регионов при реализации общефедеральных и международных экологических инициатив.

Литература

1. Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Allgemeine Grundzüge der organischen Formen-Wissenschaft, mechanisch begründet durch die von Charles Darwin reformirte Descendenztheorie. Bd. 1-2. G. Reimer, 1866. 652 s.

2. Odum E. Fundamentals of Ecology. Philadelphia: W. B. Saunders Company, 1953. 408 p.

3. Nasr S. H. The Encounter of Man and Nature: The Spiritual Crisis of Modern Man. London: George Allen & Unwin, 1968. 152 p. ISBN 004109011X

4. Nasr S. H. Religion and the Order of Nature. Oxford University Press, 1996. 320 p.

5. Saniotis A. Muslims and ecology: fostering Islamic environmental ethics // Contemporary Islam. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 155-171. DOI: 10.1007/s11562-011-0173-8

6. Eaves E. A religious nature: Philosopher Seyyed Hossein Nasr on Islam and the environment // Bulletin of the Atomic Scientists. 2015. Vol. 71. No. 5. P. 13-18. DOI: 10.1177/0096340215599785

7. Syihabuddin M., Kirwan. Reconception of Environmental Ethics in Islam: A Review of the Philosophy and Applications of Husein Nasr's Thought // Refleksi: Jurnal Filsafat dan Pemikiran Islam. 2023. Vol. 23. No. 2. P. 238-260. DOI: 10.14421/ref.v23i2.5228

8. Foltz R. C. Islam and Ecology: A Bestowed Trust. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 618 p.

9. Khalid F. Signs on the Earth: Islam, Modernity and the Climate Crisis. Leicester: Kube Publishing, 2019. 240 p.

10. Алипова К. М., Абдурахманов Г. М. Религия и экология. Махачкала, 2000. 102 с. ISBN 5-297-01053-7

11. Гусейнова Ж. О. Экологические проблемы в исламской теологии // Юг России: экология, развитие. 2009. № 4. С. 204–210.

12. Алиева Б. Ш., Авшалумова Л. Х., Алиева З. И. Концепция единства этнокультурных ценностей: светских и религиозных // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 355–356. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-353-356

13. Калям Ш. Перевод смыслов. Казань: Хузур − Спокойствие, 2020. 652 с. ISBN: 978-5-6044371-5-5

14. Anggara J., Muttaqin M. Toward a Sustainable Future Integrating Hossein Nasr's Environmental Ethics into Islamic Environmentalism // Proceedings of ICSGS 2024. Atlantis Press, 2025. DOI: 10.2991/978-94-6463-646-8_33

15. Хадисы посланника Аллаха Мухаммеда. В 2-х томах. Анкара: Упр. по делам религии Турции, 1979.

16. Izzi Dien M. Environmental Dimensions of Islam. Cambridge: Lutterworth Press, 2000. 240 p. ISBN 978-0718829605.

17. Kamali M. H. The Middle Path of Moderation in Islam: The Qur'anic Principle of Wasatiyyah. Oxford University Press, 2015. 304 p. ISBN 978-0190226831.

18. Экология и религия: сборник. В 2 ч. / Сост. Н. А. Трофимчук. Ч. 1. Москва: Луч, 1994. 206 с. ISBN: 5-7005-0144-8.

19. Кулиев Э. Р. Глобализация и Коран: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Бакинский государственный университет. Баку, 2006. 28 с.

20. Кулиев Э. Р. Заповеди Корана. Москва: Умма, 2022. 432 с. ISBN 978-5-6047742-6-7.

21. Абдулагатов З. М. Дагестанцы об истоках нравственности // Региональные аспекты социальной политики. 2008. № 10. С. 65–77.

22. Эльдаров Э. М. Горы, гидроэнергетика и социальная экология // Наш Дагестан. 1992. № 3 (161). С. 2–6.

23. Эльдаров Э. М. Теория и практика обеспечения устойчивого развития горного региона (на примере Дагестана) // Региональные аспекты социальной политики. 2018. № 20. С. 54–76.

24. Кузьмина В. Н. Дагестан против мусора: от пассивного к активному протесту // Региональные аспекты социальной политики. 2020. № 22. С. 133–139.

25. Judijanto L., Nurhaliza E. The Rise of Islamic Environmentalism: Bibliometric Mapping of Green Islam Research // West Science Islamic Studies. 2025. Vol. 3. № 4. DOI: 10.58812/wsiss.v3i04.2316

26. Setiawan M. N. K., Mutaqin E. Z. A Thematic Exegesis of The Qur'an on the Climate Crisis: An Analytical Study of Seyyed Hossein Nasr's Ecological Philosophy. Al-Bayan: Jurnal Studi Ilmu Al-Qur'an dan Tafsir. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 67-79.

27. The Green Guide for Hajj / A. Husna, O. Faruk. Alliance of Religions and Conservation (ARC), 2011. 36 p.

28. Збиди М. Исламский энвайронментализм или призыв к Эко-Джихаду // Исламский портал. 2014, 30 июня. URL: https://islam-portal.ru/novosti/105/5019/?ysclid=mp4ihzafj2579081230 (дата обращения: 05.05.2025).

29. Исламский экологизм: теология бережного отношения к природной среде // Исламосфера. 2020, 29 декабря. Сайт. URL: https://islamosfera.ru/islamskij-ekologizm-teologiya-berezhnogo-otnosheniya-k-prirodnoj-srede/ (дата обращения: 05.05.2025).

30. В Махачкале прошла пресс-конференция «Духовность. Человек. Экология» // Дагестанское отделение РГО. 2025, 11 апреля. Сайт. URL: https://www.rgo.ru/ru/article/v-mahachkale-proshla-press-konferenciya-duhovnost-chelovek-ekologiya (дата обращения: 05.05.2025).

31. В Дербенте и Махачкале напали на два православных храма, синагогу и пост ДПС // Информационное агентство ТАСС. 2024, 23 июня. Сайт. URL: https://tass.ru/proisshestviya/21175853 (дата обращения: 05.05.2025).

32. Taylor B. Dark Green Religion: Nature Spirituality and the Planetary Future. Berkeley: University of California Press, 2010. 360 p. ISBN 978-0520261006.

References

1. Haeckel E. Generale Morphologie der Organismen. Allgemeine Grundzüge der organischen Formen-Wissenschaft, mechanisch begründet durch die von Charles Darwin reformirte Descendenztheorie. Bd. 1-2. Berlin: G. Reimer; 1866. 652 p.

2. Odum E. Fundamentals of Ecology. Philadelphia: WB Saunders Company; 1953. 408 p.

3. Nasr SH. The Encounter of Man and Nature: The Spiritual Crisis of Modern Man. London: George Allen & Unwin; 1968. 152 p.

4. Nasr SH. Religion and the Order of Nature. Oxford: Oxford University Press; 1996. 320 p.

5. Saniotis A. Muslims and ecology: fostering Islamic environmental ethics. Contemporary Islam. 2012;6(2):155-171. DOI: 10.1007/s11562-011-0173-8

6. Eaves E. A religious nature: Philosopher Seyyed Hossein Nasr on Islam and the environment. Bulletin of the Atomic Scientists. 2015;71(5):13-18. DOI: 10.1177/0096340215599785

7. Syihabuddin M, Kirwan. Reconception of Environmental Ethics in Islam: A Review of the Philosophy and Applications of Husein Nasr's Thought. Refleksi: Jurnal Filsafat dan Pemikiran Islam. 2023;23(2):238-260. DOI: 10.14421/ref.v23i2.5228

8. Foltz RC. Islam and Ecology: A Bestowed Trust. Cambridge, MA: Harvard University Press; 2003. 618 p.

9. Khalid F. Signs on the Earth: Islam, Modernity, and the Climate Crisis. Leicester: Kube Publishing; 2019. 240 p.

10. Alipova KM, Abdurakhmanov GM. Religion and Ecology. Makhachkala; 2000. 102 p.

11. Guseynova ZO. Environmental Issues in Islamic Theology. South of Russia: Ecology, Development. 2009;(4):204-210.

12. Alieva BSh, Avshalumova LKh, Alieva ZI. The Concept of the Unity of Ethnocultural Values: Secular and Religious. The World of Science, Culture, Education. 2020;6(85):355-356. DOI: 10.24412/1991-5500-2020-685-353-356

13. Kalam Sh. Translation of Meanings. Kazan: Publishing House Khuzur - Tranquility; 2020. 652 p.

14. Anggara J, Muttaqin M. Toward a Sustainable Future Integrating Hossein Nasr's Environmental Ethics into Islamic Environmentalism. In: Proceedings of ICSGS 2024. Atlantis Press; 2025. DOI: 10.2991/978-94-6463-646-8_33

15. Hadith of the Messenger of Allah Muhammad. In 2 vol. Ankara: Directorate of Religious Affairs of Turkey; 1979.

16. Izzi Dien M. Environmental Dimensions of Islam. Cambridge: Lutterworth Press; 2000. 240 p.

17. Kamali MH. The Middle Path of Moderation in Islam: The Qur'anic Principle of Wasatiyyah. Oxford: Oxford University Press; 2015. 304 p.

18. Trofimchuk NA, compiler. Ecology and Religion: Collection. In 2 Parts. Part 1. Moscow: Luch; 1994. 206 p.

19. Kuliev ER. Globalization and the Quran [abstract of dissertation]. Baku: Baku State University; 2006. 28 p.

20. Kuliev ER. Commandments of the Quran. Moscow: Ummah; 2022. 432 p.

21. Abdulagatov ZM. Dagestanis on the origins of morality. Regional aspects of social policy. 2008;(10):65-77.

22. Eldarov EM. Mountains, Hydropower, and Social Ecology. Our Dagestan. 1992;3(161):2-6.

23. Eldarov EM. Theory and Practice of Ensuring Sustainable Development of a Mountainous Region (using Dagestan as an Example). Regional Aspects of Social Policy. 2018;(20):54-76.

24. Kuzmina VN. Dagestan Against Garbage: From Passive to Active Protest. Regional Aspects of Social Policy. 2020;(22):133-139.

25. Judijanto L, Nurhaliza E. The Rise of Islamic Environmentalism: Bibliometric Mapping of Green Islam Research. Western Science Islamic Studies. 2025;3(4). DOI: 10.58812/wsiss.v3i04.2316

26. Setiawan MNK, Mutaqin EZA. A Thematic Exegesis of The Quran on the Climate Crisis: An Analytical Study of Seyyed Hossein Nasr's Ecological Philosophy. Al-Bayan: Jurnal Studi Ilmu Al-Qur'an dan Tafsir. 2025;10(1):67-79.

27. Husna A, Faruk O. The Green Guide for Hajj. Alliance of Religions and Conservation (ARC); 2011. 36 p.

28. Zbidi M. Islamic Environmentalism or the Call to Eco-Jihad. Islamic Portal. 2014 June 30. Available at: https://islam-portal.ru/novosti/105/5019/?ysclid =mp4ihzafj2579081230 (accessed: 05.05.2025).

29. Islamic ecologism: theology of careful attitude towards the natural environment. Islamosfera. 2020 December 29. Website. Available at: https://islamosfera.ru/islamskij-ekologizm-teologiya-berezhnogo-otnosheniya-k-prirodnoj-srede/ (accessed: 05.05.2025).

30. A press conference "Spirituality. Man. Ecology" was held in Makhachkala. Website of the Dagestan branch of the Russian Geographical Society. 2025 April 11. Website. Available at: https://www.rgo.ru/ru/article/v-mahachkale-proshla-press-konferenciya-duhovnost-chelovek-ekologiya (accessed: 05.05.2025).

31. In Derbent and Makhachkala, two Orthodox churches, a synagogue, and a traffic police post were attacked. TASS Information Agency. 2024 June 23. Website. Available at: https://tass.ru/proisshestviya/21175853 (accessed: 05.05.2025).

32. Taylor B. Dark Green Religion: Nature Spirituality and the Planetary Future. Berkeley: University of California Press; 2010. 360 p.

Статья поступила в редакцию 03.10.2025
The article is submitted 03.10.2025

УДК 911.375:008
DOI:

© 2025 **Ибрагимов А. И.**
Бакинский государственный университет,
Баку, Азербайджан

Нефтяная история и культурный код Баку

Аннотация. Рассматриваются особенности исторического развития Баку как уникального урбанистического пространства, сформировавшегося на пересечении восточной и европейской цивилизационных традиций. Анализируется влияние нефтяного фактора на трансформацию городской среды, социально-экономической структуры и политико-географического значения столицы Азербайджана. Особое внимание уделяется сочетанию тенденций модернизации и сохранения историко-культурной идентичности Баку, роли мехелле как традиционной формы городской самоорганизации, а также современным процессам реконструкции и обновления городской среды. Обосновывается значение Баку как важного интеллектуального, культурного и геополитического центра тюркского мира и международной площадки для диалога о будущем городов.

***Ключевые слова**:* Баку, урбанистика, нефтяная промышленность, культурная идентичность, городское развитие, городское наследие, мехелле, тюркский мир.

© 2025 **Ibragimov A.I.**
Baku State University, Baku, Azerbaijan

Baku's Oil History and Cultural Code

Abstract. This article examines the historical development of Baku as a distinctive urban space shaped by the interaction of Eastern and European civilizational traditions. It analyzes the impact of the oil industry on the transformation of the city's urban environment, socio-economic structure, and geopolitical significance. Particular attention is given to the interplay between modernization processes and the preservation of Baku's historical and cultural identity, the role of the mehelle as a traditional form of neighborhood-based social organization, and contemporary efforts aimed at the reconstruction and renewal of the urban landscape. The study highlights Baku's significance as a major intellectual, cultural, and geopolitical center of the Turkic world, as well as an international platform for dialogue on urban development and the future of cities.

***Keywords**:* Baku, urban studies, oil industry, cultural identity, urban development, urban heritage, mehelle, Turkic world.

Введение

В условиях стремительного технологического и инфраструктурного развития особое значение приобретает вопрос о том, каким образом мегаполисы способны сочетать модернизацию с сохранением собственного культурного кода, исторической памяти и традиционных форм городской жизни [1; 2]. В этой связи Баку представляет особый исследовательский интерес как один из немногих городов евразийского пространства, где индустриальное развитие, восточная культурная традиция и европейская урбанистическая модель на протяжении длительного времени формировались параллельно и взаимосвязано [3–5].

Историческое развитие Баку во многом определялось нефтяным фактором, который уже во второй половине XIX века превратил город в один из крупнейших индустриальных центров Российской империи и всего Каспийского региона [6–8]. Нефтяной бум оказал масштабное влияние не только на экономику, но и на социальную структуру, архитектурный облик, демографические процессы и политико-географическое положение города [1; 9]. В Баку начала формироваться новая урбанистическая среда, сочетающая европейские градостроительные принципы с традиционной восточной организацией пространства [3; 10]. Одновременно происходила интернационализация населения, что способствовало возникновению сложной этнокультурной мозаики и особой городской атмосферы [11; 12].

В последние десятилетия Баку переживает масштабное обновление городской инфраструктуры, реконструкцию общественных пространств и активную модернизацию городской среды. При этом одной из наиболее актуальных задач остается сохранение исторической идентичности города, его архитектурного наследия и традиционных социальных форм, включая феномен мехелле как особой модели городской самоорганизации [13].

Целью статьи является анализ влияния нефтяного фактора на формирование городской среды, культурного кода и политико-географической роли Баку, а также исследование особенностей взаимодействия процессов модернизации и сохранения исторической идентичности города. Особое внимание уделяется трансформации социальной структуры столицы, этнокультурным особенностям городской среды, роли традиционных жилых пространств и современным тенденциям развития Баку как одного из ключевых интеллектуальных и культурных центров тюркского мира.

Баку как пример уникальной городской эволюции

То, что в 2026 г. в Баку состоится Всемирный форум городов и столица Азербайджана предстанет в качестве уникального мирового примера городской эволюции – это не случайно [14]. В Баку слишком ярко переплелись Восток и Европа, традиции и модернизация, исламская культура и индустриальное развитие.

История столицы Азербайджана свидетельствует, что Баку – это один из первых городов тюркско-исламского мира, который оказался под воздействием промышленной революции. Нефтяной фактор полностью изменил развитие этого города. Вокруг нефтедобычи в XIX веке начала формироваться совершенно новая городская среда, появились европейские архитектурные подходы, промышленная инфраструктура, новый тип экономики, новая социальная организация пространства.

Важно то, что Баку не превратился в копию европейского города. Здесь параллельно сохранялась восточная городская культура, и это сочетание создает совершенно особую атмосферу, это хорошо чувствуется в архитектуре. В районе от нынешней мэрии до Чемберекенда и в пространстве вокруг мечети Тезепир отчетливо видно переплетение восточных и европейских элементов [5]. При этом улица 28 Мая строилась фактически по европейским градостроительным стандартам. В то же время участок от Девичьей башни до площади Азнефть сохранил характер старого купеческого Баку без высотной застройки и с совершенно другой логикой пространства.

Город в целом развивался очень неоднородно. И это тоже часть его феномена. Баку одновременно оставался восточным городом и становился индустриальным центром мирового значения. Неслучайно здесь работали архитекторы самых разных школ. В Баку было много польских зодчих, причем некоторые из них родились уже здесь [3]. Это говорит о том, насколько интернациональной была городская среда. Однако при всей своей космополитичности город никогда не терял тюркскую и исламскую основу. Эта способность совмещать разные цивилизационные пласты, сохраняя при этом баланс между современным развитием и исторической памятью, делает Баку интересным для мирового урбанистического сообщества. Мы видим, как город меняется, модернизируется, становится более комфортным и технологичным. Но при этом он старается сохранить собственный архитектурный код и внутреннюю ауру, а это очень сложная задача.

Формирование геоэкономического и этнокультурного пространства Баку

Политическая география Баку исторически складывалась под влиянием нефти. Для Баку нефть – не просто экономика. Она фактически сформировала весь характер города, его социальную структуру, культурную среду и политическое значение. Когда во второй половине XIX века началась активная нефтедобыча, Баку очень быстро вышел за рамки обычного провинциального города Российской империи. В нем начали концентрироваться капиталы, промышленность, рабочая сила, иностранные специалисты, новые технологии. Город стал одним из крупнейших индустриальных центров огромного пространства: от Кавказа до Центральной Азии. Азербайджан того периода в целом еще оставался полуфеодальным обществом. И на этом фоне Баку выглядел совершенно иначе. Волны индустриализации в досоветский и советский периоды не распространялись равномерно по всей стране, а концентрировались вокруг города и близлежащих территорий, что отражалось на характере развития городской среды [15].

Таким образом, Баку с конца XIX века начинает превращаться в центр становления нефтяной промышленности всего Каспийского региона. Но это и один из первых мировых примеров масштабной индустриализации, основанной на добыче нефти [16–19]. Город привлек крупнейшие иностранные компании и предпринимателей, включая семьи Нобелей и Ротшильдов, а бакинский опыт организации нефтяной промышленности впоследствии использовался и в других нефтедобывающих районах Каспия [20]. Развитие бакинского нефтяного комплекса оказало значительное влияние на экономическую интеграцию Кавказа и Прикаспия, способствовало урбанизации этого региона и формированию новых геоэкономических связей между Европой и Азией [21–23].

Нефтяной бум обусловил сильнейшую интернационализацию города. В Баку приезжали русские, армяне, европейцы, представители других народов и разных конфессий. Формировались отдельные этнические ареалы, возникала сложная городская мозаика. Но одновременно нефть дала Баку и политический вес. Город постепенно превратился в один из важнейших геополитических узлов региона. Не случайно за него шла борьба в годы Второй мировой войны, в советское время здесь концентрировались стратегические предприятия, нефтяная инфраструктура, транспортные и военные объекты.

Развитие нефтегазовой отрасли привело не только к экономическому росту, но и к формированию особой городской среды, где сосуществовали разные культуры, модели поведения и даже разные типы городской жизни. Город стал еще больше делиться на определенные ареалы. Армянское население в основном концентрировалось внутри городской части. Русские поселения чаще формировались вокруг промышленных территорий. Были горско-еврейские пространства и тюркско-мусульманские кварталы. Даже кладбища отражали эту пространственную структуру города: отдельно существовали мусульманские, армянские, русские, еврейские и европейские участки. В условиях быстро растущего капитализма в XIX – начале XX века это было естественным процессом.

В советский период произошла определенная интернациональная унификация населения города. Советская система сглаживала часть этнических различий, хотя полностью они, конечно, не исчезали. Но после распада СССР и карабахского конфликта город снова начал меняться. Баку пережил серьезную демографическую трансформацию. Массовый приток вынужденных переселенцев, изменение структуры населения, отъезд армянского населения – все это заметно преобразило социальный облик столицы. Город стал гораздо более мононациональным, чем был прежде.

Сохранение культурного кода Баку в условиях современной модернизации

Феномен исторических жилых районов до сих пор остается важной частью городской идентичности. Для Баку мехелле не просто территория проживания, а особая форма социальной организации города, которая существовала независимо от официального административного деления. Мехелле не имели государственного статуса, как, например, в Турции, где есть система мухтаров и локального самоуправления. Но в Баку они существовали как живые социальные пространства. Советская, Кубинка, Завокзальный район – все это воспринималось именно как мехелле, со своей внутренней культурой, связями, привычками, памятью.

Вообще Баку всегда был сложным организмом. С одной стороны, индустриальный центр, с другой – город, где сохранялись традиционные формы соседства и общения [12]. По итогам WUF13 было бы правильно создать большую междисциплинарную программу изучения Баку и всей бакинской агломерации. Потому что речь идет не только об архитектуре или урбанистике, но и о

переплетениях культуры с историей, экономикой, политикой, демографией, социальной психологией и т.д.

В последние годы Баку активно меняется. В связи с этим многие специалисты заговорили о важности сохранения городской идентичности. Для современного Баку это, пожалуй, один из самых чувствительных вопросов. Реконструкция центральных районов, старых кварталов, общественных пространств отражает стремление не разрушать городской код, а аккуратно адаптировать его к современности. В этом большую роль играет подход, при котором модернизация не противопоставляется исторической памяти города. Это ощущается и в проектах, реализуемых по инициативе Первого вице-президента Азербайджана Мехрибан Алиевой. Достаточно посмотреть на восстановление исторических территорий, работу со старым Баку, реконструкцию общественных пространств, Зимнего парка, Ичеришехер, отдельных центральных улиц. Во всем этом выражено стремление сохранить не только архитектуру, но и эмоциональную ткань города.

Баку как пространство международного диалога и регионального притяжения

Многие ошибочно считают, что люди едут сюда исключительно ради заработка. Конечно, экономические причины существуют, но дело не только в них. Людей притягивает сама бакинская среда – сочетание открытости, городской культуры, исторической памяти и определенного образа жизни.

Столица всегда оставалась космополитичным городом, но при этом не растворялась в космополитизме полностью. Здесь одновременно сохранялись восточные традиции, европейская городская культура, тюркская идентичность, исламская составляющая. Причем сама мехелле всегда играла гораздо более важную роль, чем принято считать. Хотя такого административного деления не существовало, но в общественном сознании оно было очень устойчивым.

Баку – не просто столица государства, а один из ключевых центров тюркского мира. Так сложилось исторически. Город долгое время был не только экономическим, но и интеллектуальным центром огромного пространства [7]. Еще в начале XX века Баку служил важной площадкой для тюркской интеллектуальной среды. Показательно, что здесь проходил Первый тюркологический конгресс 1926 года.

Географически и культурно Баку находится на пересечении нескольких больших направлений. Через Азербайджан и его столицу осуществляется связь Центральной Азии с Анатолией, Северным Кавказом, Поволжьем и далее с Балканами. Вот почему город исторически аккумулировал разные цивилизационные элементы. Вот почему здесь европейская урбанистическая культура многие века сочетается с исламской и тюркской традицией.

Сегодняшний Баку – это намного больше, чем просто административная столица. Здесь фактически соединяются политика, экономика, культура, транспорт, международная дипломатия. За последние годы город снова начал восприниматься как пространство крупных международных процессов, чему во многом способствовали масштабные инфраструктурные преобразования последних лет [15]. Город стал значительно современнее, технологичнее и комфортнее, сохранив при этом собственное лицо.

На фоне отмеченных выше процессов запланированное проведение в Баку Всемирного форума городов WUF13 будет иметь символическое значение, а именно – международное признание города как яркого примера сочетания устойчивого развития и сохранения культурно-исторического своеобразия.

Заключение

Баку представляет собой уникальный пример города, в котором органично переплелись индустриальное развитие, историческая память и многослойная культурная среда. Нефтяной фактор сыграл ключевую роль в превращении города из регионального центра в один из важнейших индустриальных, политических и интеллектуальных узлов Евразии. Вместе с тем процессы модернизации не привели к утрате исторической идентичности: Баку сумел сохранить традиционные формы городской жизни, культурную специфику и особую атмосферу, сформированную взаимодействием восточных, исламских, европейских и тюркских элементов.

Исследование показывает, что современный Баку развивается как сложное политико-географическое и культурное пространство, где одновременно сосуществуют глобальные урбанистические тенденции и локальные формы социальной организации. Особое значение в этом контексте приобретают вопросы сохранения исторического архитектурного наследия, традиционных городских

районов и культурного кода столицы в условиях ускоренной модернизации.

Таким образом, Баку – это пример успешного сочетания устойчивого развития и сохранения исторической идентичности. В перспективе этот город способен укрепить свою роль одного из ключевых центров не только Кавказско-Прикаспийского региона, но и всего тюркского мира, а также важной площадки международного гуманитарного, культурного и урбанистического диалога.

Литература

1. Blau E., Rupnik I. Baku: Oil and Urbanism. Zürich: Park Books, 2018. 302 p. ISBN 978-3-03860-076-3.

2. Koch N. The Geopolitics of Spectacle: Space, Synecdoche, and the New Capitals of Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2018. P. 194-210. ISBN 978-1-5017-2091-8.

3. Усейнов М. А., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В. История архитектуры Азербайджана. Москва: Госстройиздат, 1963. 395 с.

4. Бретаницкий Л. С. Архитектура Азербайджана XII–XV веков и ее место в архитектуре Переднего Востока. Москва: Наука, 1966. 556 с.

5. Amenzade R. B. Architecture of Medieval Azerbaijan. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 52 c. ISBN 3659583804.

6. Brinegar S. The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan // Slavic Review. 2017. Vol. 76. No. 2. P. 372-394. DOI: 10.1017/slr.2017.83

7. Ибрагимов И. М. Нефтяной Баку конца XIX – начала XX века: экономика, общество, городская среда. Баку: Elm ve Tehsil, 2017. 274 с.

8. Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 276 p.

9. Гасымов З. Политическая география Азербайджана. Баку: Şərq-Qərb, 2018. 284 с.

10. Gvosdev N. K. Geopolitical Keystone: Azerbaijan and the Global Position of the Silk Road Region // Baku Dialogues. 2020. Vol. 4. No. 2. P. 32-57.

11. Luscombe L. D., Kazdal V. Language and identity in a post-Soviet world: language of education and linguistic identity among Azerbaijani students. Nationalities Papers. 2014. Vol. 42. No. 6. P. 1015-1033. DOI: 10.1080/00905992.2014.938034

12. Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca: Cornell University Press, 2009. 231 p. ISBN 978-0-8014-4304-6.

13. Valiyev A. Baku. Cities. 2013. Vol. 31. P. 625-640. DOI: 10.1016/j.cities.2012.11.004

14. UN-Habitat. Report of the Tenth Session of the World Urban Forum. Nairobi: UN-Habitat, 2020. 220 p.

15. Bayramov R. Art Nouveau Architecture in Baku // IRS-Heritage. 2011. No. 4. P. 18-21.

16. Heradstveit D. Democratic Development in Azerbaijan and the Role of the Western Oil Industry // Central Asian Survey. 2001. Vol. 20. No. 3. P. 261-288. DOI: 10.1080/02634930120095332

17. Rasizade A. Azerbaijan After a Decade of Independence: Less Oil, More Graft and Poverty // Central Asian Survey. 2002. Vol. 21. No. 4. P. 349-370. DOI: 10.1080/0263493032000053181

18. Sayfutdinova L. Hidden in Plain Sight: Oil Heritage in a Still-Industrial City // Urban History. 2025. DOI: 10.1017/S0963926825100412

19. Sovacool B. K. Reconfiguring Territoriality and Energy Security: Global Production Networks and the Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) Pipeline // Journal of Cleaner Production. 2012. Vol. 32. P. 210-218. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.04.002

20. Эльдаров Э. М., Исмаилов Ч. Н. Территориальная организация нефтегазохимического комплекса Каспийского региона // Матер. Межд. науч.-практич. конференции «Перспективы экономической интеграции прикаспийских государств и их регионов» (г. Махачкала, 24-25 ноября 2009 г.). Махачкала: ДНЦ РАН, 2009. С. 352-360.

21. Barrett T. Notes on the Moral Economy of Gas in Present-Day Azerbaijan // Central Asian Survey. 2014. Vol. 33. No. 4. P. 517-530. DOI: 10.1080/02634937.2014.982947

22. Koch N., Valiyev A. Urban Boosterism in Closed Contexts: Spectacular Urbanization and Second-Tier Mega-Events in Three Caspian Capitals // Eurasian Geography and Economics. 2016. Vol. 56. No. 5. P. 575-598. DOI: 10.1080/15387216.2016.1146621

23. Bukharitsin P. I., Bukharitsin A. P., Ivanov A. Yu., Gindiev M. A., Eldarov E.M., Golubov B. N. Parametric Approach to Geo-Ecological Studies of Hydrocarbon Development in the Offshore Area of the Caspian Sea // International Journal of Earth Science and Geophysics. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 1-14. DOI: 10.35840/2631-5033/1836

References

1. Blau E, Rupnik I. Baku: Oil and Urbanism. Zurich: Park Books; 2018. 302 p.

2. Koch N. The Geopolitics of Spectacle: Space, Synecdoche, and the New Capitals of Asia. Ithaca: Cornell University Press; 2018; p. 194-210.

3. Useynov MA, Bretanitsky LS, Salamzade AV. History of Architecture of Azerbaijan. Moscow: Gosstroyizdat; 1963. 395 p. (in Russian)

4. Bretanitsky LS. Architecture of Azerbaijan of the 12th-15th Centuries and Its Place in the Architecture of the Near East. Moscow: Nauka; 1966. 556 p. (in Russian)

5. Amenzade RB. Architecture of Medieval Azerbaijan. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing; 2014. 52 p.

6. Brinegar S. The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan. Slavic Review. 2017;76(2):372-394. DOI: 10.1017/slr.2017.83

7. Ibrahimov IM. Oil Baku in the Late 19th-Early 20th Century: Economy, Society, and Urban Environment. Baku: Elm ve Tehsil; 2017. 274 p. (in Russian)

8. Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905-1920: The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge: Cambridge University Press; 1985. 276 p.

9. Gasimov Z. Political geography of Azerbaijan. Baku: Şərq-Qərb; 2018. 284 p. (in Russian)

10. Gvosdev NK. Geopolitical Keystone: Azerbaijan and the Global Position of the Silk Road Region. Baku Dialogues. 2020;4(2):32-57.

11. Luscombe LD, Kazdal V. Language and identity in a post-Soviet world: language of education and linguistic identity among Azerbaijani students. Nationalities Papers. 2014;42(6):1015-1033. DOI: 10.1080/00905992.2014.938034

12. Grant B. The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus. Ithaca: Cornell University Press; 2009. 231 p.

13. Valiyev A. Baku. Cities. 2013;31:625-640. DOI: 10.1016/j.cities.2012.11.004

14. UN-Habitat. Report of the Tenth Session of the World Urban Forum. Nairobi: UN-Habitat; 2020. 220 p.

15. Bayramov R. Art Nouveau Architecture in Baku. IRS Historical Assets. 2011;(4):18-21.

16. Heradstveit D. Democratic Development in Azerbaijan and the Role of the Western Oil Industry. Central Asian Survey. 2001;20(3):261-288. DOI: 10.1080/02634930120095332

17. Rasizade A. Azerbaijan After a Decade of Independence: Less Oil, More Graft and Poverty. Central Asian Survey. 2002;21(4):349-370. DOI: 10.1080/0263493032000053181

18. Sayfutdinova L. Hidden in Plain Sight: Oil Heritage in a Still-Industrial City. Urban History. 2025. DOI: 10.1017/S0963926825100412

19. Sovacool BK. Reconfiguring Territoriality and Energy Security: Global Production Networks and the Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) Pipeline. Journal of Cleaner Production. 2012;32:210-218. DOI: 10.1016/j.jclepro.2012.04.002

20. Eldarov EM, Ismailov ChN. Territorial organization of the oil and gas chemical complex of the Caspian region. In: Prospects for economic integration of the Caspian states and their regions: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference; Makhachkala 2009 November 24-25. Makhachkala: Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2009:352-360 (in Russian).

21. Barrett T. Notes on the Moral Economy of Gas in Present-Day Azerbaijan. Central Asian Survey. 2014;33(4):517-530. DOI: 10.1080/02634937.2014.982947

22. Koch N, Valiyev A. Urban Boosterism in Closed Contexts: Spectacular Urbanization and Second-Tier Mega-Events in Three Caspian Capitals. Eurasian Geography and Economics. 2016;56(5):575-598. DOI: 10.1080/15387216.2016.1146621

23. Bukharitsin PI, Bukharitsin AP, Ivanov AY, Gindiev MA, Eldarov EM, Golubov BN. Parametric Approach to Geo-Ecological Studies of Hydrocarbon Development in the Offshore Area of the Caspian Sea. International Journal of Earth Science and Geophysics. 2020;6(26):1-14. DOI: 10.35840/2631-5033/1836

Статья поступила в редакцию 05.11.2025.
The article is submitted 05.11.2025.

УДК: 911:3
DOI:

© 2025 **Сафонова М. А., Слука Н. А.**
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Региональные контрасты социально-экологического развития современного Китая

Аннотация. С позиции общественной географии рассматриваются проблемы социально-экологического развития Китая. Выявлены трудности перехода к статусу развитых стран, сопровождающегося ростом социального неравенства и региональных диспропорций. Предметом анализа послужила территориальная дифференциация социально-экономической и экологической обстановки в стране. Визуализированы кластеры провинций Китая по 8 переменным на 2010 год и 2020 год. Отмечается снижение пространственных контрастов в региональном развитии государства за счет улучшения экологической компоненты. Делается вывод, что Китай в целом переживает прогрессивные сдвиги в своем социально-экономическом и экологическом развитии, хотя значительные региональные различия по-прежнему сохраняются.

Ключевые слова*:* общественная география, социально-экологическое развитие, региональные различия, территориальная дифференциация, экологические показатели, региональное развитие, китайские провинции.

© 2025 **Safonova M. A., Sluka N. A.**
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Regional Contrasts in the Socio-Environmental Development of Contemporary China

Abstract. This article examines the socio-environmental development of China from the perspective of human geography. It identifies the challenges associated with the country's transition toward developed-country status, including rising social inequality and persistent regional disparities. Particular attention is paid to the territorial differentiation of socio-economic and environmental conditions across Chinese provinces. Using eight indicators, the study visualizes clusters of provinces for 2010 and 2020 and analyzes changes in their development patterns over time. The findings indicate a reduction in regional disparities, largely attributable to improvements in environmental performance. The article concludes that China has experienced positive shifts in its socio-economic and environmental development, although significant regional differences continue to persist.

Keywords: human geography, socio-environmental development, regional disparities, territorial differentiation, environmental performance, regional development, Chinese provinces.

Введение

В начале XXI в. Китай стал лидирующей экономикой мира благодаря использованию выгод глобализации и грамотной политике государства. Начиная с XI пятилетки (2006–2010 гг.) в стране была сформулирована руководящая идеология устойчивого развития, а на XVIII съезде КПК в 2012 г. принята концепция «Пятиединого строительства КНР». Последняя направлена на всестороннее создание модернизированного социалистического государства в рамках развития пяти главных сфер: экономической, политической, культурной, социальной и экоцивилизационной. При этом полагается, что экоцивилизационное строительство должно включаться во все остальные аспекты развития страны [1–3].

Реализация концепции предполагает единое планирование работы, координацию всех направлений модернизации и на всех территориальных уровнях. Уже в начале второго десятилетия XXI столетия в стране состоялись два знаменательных структурных сдвига: городское население стало больше сельского, а сфера услуг по доле в валовом внутреннем продукте (ВВП) опередила промышленность. Однако темпы прироста ВВП снизились вдвое – с 9–10 % до 4–5 %, что эксперты стали обозначать специальным термином «новая нормальность».

Тенденции социально-экологического развития

Быстрый экономический рост вызвал обострение «старых» и появление ряда новых проблем [4]. Поддержание статуса главной фабрики мира уже традиционно обусловливает напряженность экологической ситуации [5; 6]. В частности, страна остается глобальным лидером по уровню выбросов углекислого газа в атмосферу, что тесно связано с массовым использованием угля в энергетике и активной автомобилизацией населения. По данным международной платформы IQAir, одного из крупнейших в мире агрегаторов в сфере мониторинга качества воздуха, в 2024 г. в Китае концентрация твердых частиц PM2.5, которые легко попадают в дыхательные пути и вызывают различные заболевания, в том числе онкологию, в среднем в 6,2 раза превышает рекомендованный уровень, установленный Всемирной организацией здравоохранения. В целом КНР занимает 21-е место в списке стран с самым плохим качеством воздуха [7]. Закономерно, что более 2/5 жителей страны считает загрязнение воздуха ее главной экологической проблемой (рис. 1).

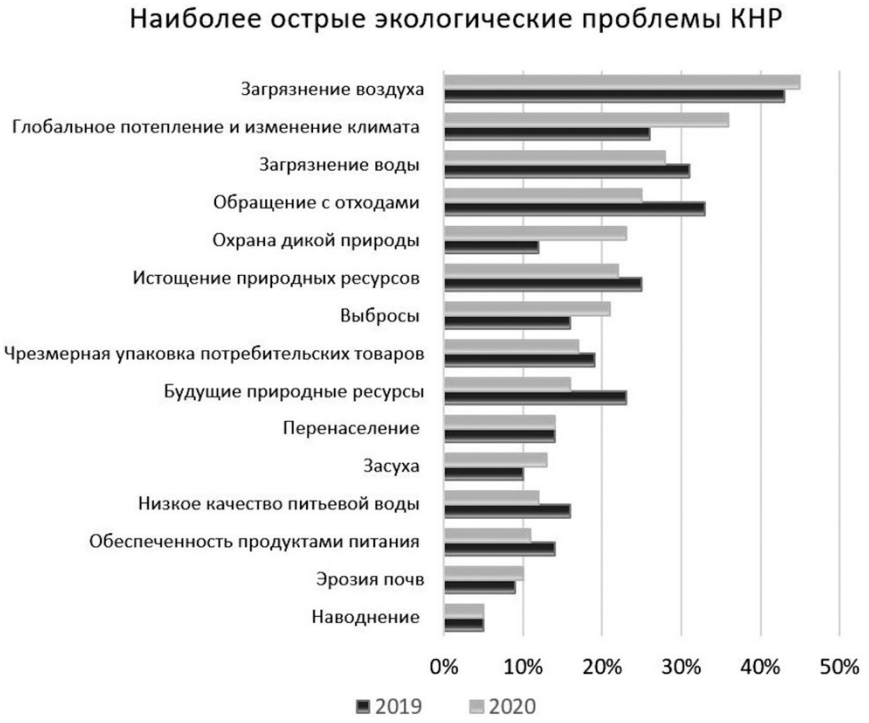

Рисунок 1. Мнение населения КНР о наиболее острых экологических проблемах, 2019 г. и 2020 г. *Составлено по*: [8].

Помимо экологических вызовов, среди наиболее актуальных и значимых эксперты также выделяют три структурные проблемы [9]: 1) задолженность Китая, размер которой официально невелик – 83,6 % ВВП, но по неофициальным оценкам из разных источников составляет 250–297 % ВВП; 2) дефляция как оптовых цен, так и активов, о чем свидетельствует снижение стоимости недвижимости и акций; 3) беспрецедентный демографический спад в виде депопуляции и старения населения. Рекордно низкого уровня с 1949 г. – момента образования КНР – достигло количество зарегистрированных браков и новорожденных, а также доли детей младших возрастов, что вызвало закрытие множества детсадов по всей стране. Только за 2025 г. численность населения Китая сократилась на 3,4 млн человек. В возрастной структуре лица старше 60 лет составили уже 23,0 %, из которых 15,9 % – жители старше 65 лет.

Демографические сдвиги приводят к уменьшению объемов рабочей силы (с 800 млн человек в 2015 г. до 768 млн в 2023 г.), увеличению нагрузки на учреждения социальной сферы, особенно системы здравоохранения, и препятствуют долгосрочному росту. Кроме того, сокращение рабочей силы затрудняет преодоление Китаем точки Льюиса (другое название – поворотный момент Льюиса) – ситуации в экономическом развитии, когда избыток рабочей силы в сельском хозяйстве исчерпывается[4]. В таком случае странам с развивающейся рыночной экономикой не хватает рабочей силы для развития трудоемких отраслей, что ограничивает шансы Поднебесной стать развитой страной. Эти структурные проблемы не являются независимыми друг от друга и негативно влияют на потребительские расходы, что может помешать усилиям страны по переходу от экспортно-ориентированной экономики к экономике, ориентированной на потребление, как это сделали другие страны с развивающейся экономикой при переходе к статусу развитых стран.

Негативные тенденции способны обострить проблему неравенства, в том числе регионального характера, которая сопровождает развитие большинства стран на различных этапах их экономической трансформации. Различия в доходах, уровне жизни и доступе к ресурсам между разными группами населения, секторами экономики или территориями могут привести к серьезным социально-экономическим последствиям. Тем более что о пространственной контрастности общественно-природной системы Китая уже традиционно напоминает «разделение» его территории по линии Хэйхэ – Тэнчун. Эта воображаемая линия, предложенная географом Ху Хуаньюном еще в 1935 году, разграничивает Китай с северо-востока на юго-запад на две неравные по площади и населению части и отражает неравномерность, прежде всего, демографического развития страны (рис. 2). Согласно этой линии, к настоящему времени на западную часть Китая приходится территория 7 млн км² с 6,2 % жителей, а на восточную – 4 млн км² с 93,8 %.

[4] Термин назван в честь американского экономиста У. Артура Льюиса, который предложил неоклассическую модель развития дуалистической экономики с избыточным предложением труда. Она описывает процесс экономического развития через структурную трансформацию, где ключевую роль играют различия между сельским и городским секторами экономики [10].

Аналогичные в целом пропорции прослеживаются по многим социально-экономическим показателям и экологическим индикаторам, включая валовый региональный продукт (ВРП) на душу населения, долю городского населения, уровень потребления энергии и загрязнения атмосферы и пр.

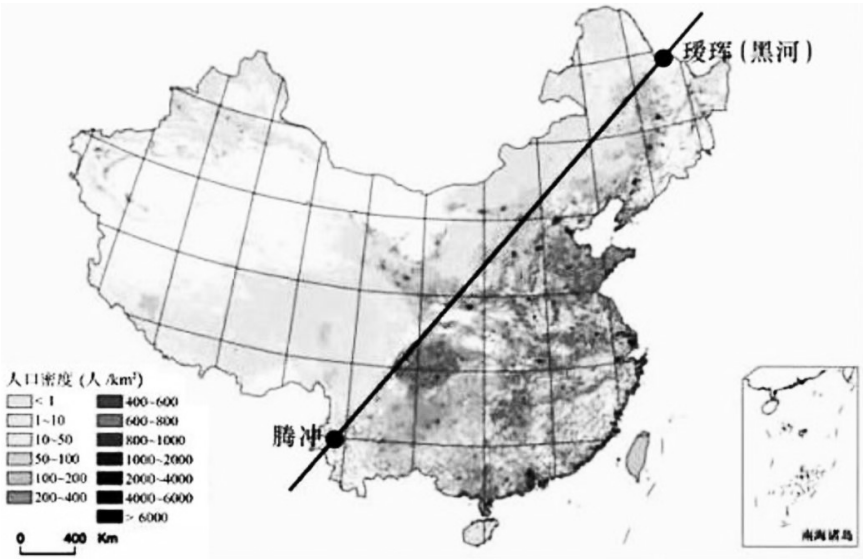

Рисунок 2. Линия Ху Хуаньюна, 1935 г. *Источник*: [11].

Диспропорции стали усиливаться с начала рыночных реформ в конце 1970-х годов. С их учетом начал меняться курс в региональном развитии: приоритет перешел к приморским районам, которые за счет выгодного транспортно-географического положения и исторически наработанных связей с зарубежными китайскими диаспорами обладали наибольшим потенциалом для интеграции в мировую экономическую систему. Именно здесь вдоль побережья образовалась «гирлянда» ареалов мощных экономических центров. Отставание остальных территорий, однако, оставалось прежним. Чтобы стимулировать их рост, в 1999 г. была принята национальная программа развития западных регионов, в 2004 г. – центральных, в 2006 – северо-восточных. Возобновление государственной поддержки отстающих районов позволило

говорить о начале нового, сбалансированного этапа регионального развития. После прихода к власти Си Цзиньпина государство активизировало региональную политику. Опыт предыдущих десятилетий показал, что рост благосостояния в приморских провинциях не «потянул» за собой развитие внутренних территорий. В известной формуле Дэн Сяопина о разбогатевших регионах, которые помогут отстающим, Си Цзиньпин переставил акцент с первой части на вторую [12].

Оценить уровень и сдвиги территориальной дифференциации социально-экологического развития Китая за последнее время позволяет как расчет статистической дисперсии и коэффициента вариации по отдельным избранным показателям на уровне провинций, так и метод многомерной группировки, который используется для изучения структуры пространственной совокупности одновременно по нескольким признакам [13].

Ранжирование провинций Китая на 2010 г. и 2020 г. проводилось по восьми переменным:

1) уровень благосостояния (ВРП / численность населения (млрд юаней / млн чел.);

2) доля городского населения, %; доля промышленного производства в ВРП, %;

3) доля каменного угля (КУ) в энергетическом балансе провинции, %;

4) потребление КУ / ВРП, тыс. т / млрд юаней;

5) удельный выброс CO_2 на единицу потребленного КУ, т / т;

6) удельный выброс SO_2 с 1 т у. т. потребления энергии, тыс. т / тыс. т. у. т.;

7) удельный выброс NO_x с 1 т у. т. потребления энергии, тыс. т / тыс. т. у. т.

8) объединение их в кластеры по уровню «продвинутости» в достижении целей устойчивого развития (первый – лучшие субъекты, четвертый – худшие).

Анализ этих переменных подводит к ряду любопытных наблюдений.

Во-первых, сохраняется достаточно широкий разброс значений показателей по административно-территориальным единицам страны; во-вторых, налицо почти повсеместный прогресс индикаторов; в-третьих, определяющую роль в восходящих перемещениях провинций по кластерам играют процесс постиндустриализации, а также рационализация энергопроизводства

и энергопотребления; в-четвертых, в целом исторически сложившиеся территориальные контрасты по линии Ху остаются достаточно устойчивыми (рис. 3).

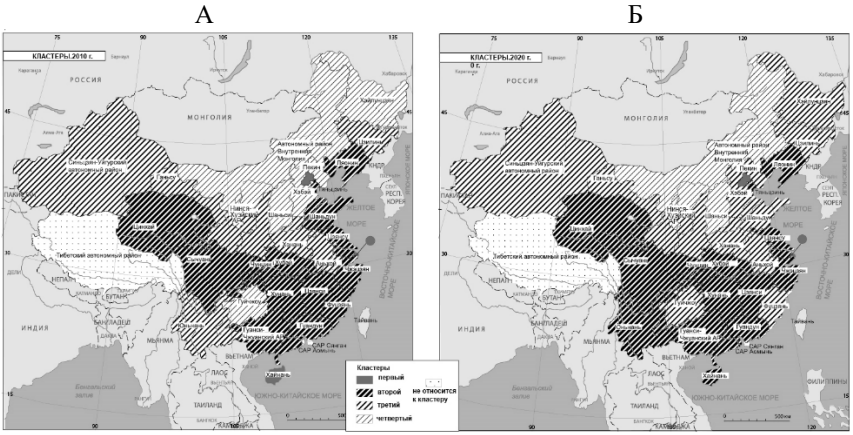

Рисунок 3. Визуализация кластеров провинций Китая, 2010 (А) и 2020 (Б) годы. *Источник*: составлено Н. В. Рябовой, ведущим специалистом кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова.

Заключение

На основе реализации концепции «Пятиединого строительства КНР» вопреки негативным тенденциям и структурным проблемам страна уверенно движется по пути созидания модернизированного социалистического государства. Процесс депопуляции и сокращение масштабов рабочей силы затрудняют преодоление Китаем точки Льюиса при переходе к статусу развитых стран, но пока не вызывает острого социального и регионального неравенства. Напротив, благодаря усилиям правительства и центрированию политики на экоцивилизационной составляющей формируется целый ряд позитивных и устойчивых трендов. За последнее десятилетие заметно и повсеместно вырос уровень доходов и общего благосостояния населения при облагораживании экологической обстановки, что отражается на качестве жизни людей.

Переход энергетики с угля на газ при активном развитии ВИЭ сопровождается разворачиванием процесса постиндустриализации. В рамках концепции урбанизации нового типа правительством осуществляется комплексное взаимодействие города и сельской местности, регулируются миграционные потоки, стимулируется

развитие малых и средних городов, особенно в центре и на западе страны, при сдерживании роста мегаполисов на востоке. Немаловажное значение для постепенного сглаживания исторически сложившихся территориальных экономических и социально-экологических диспропорций имеют как мощный пакет специальных национальных, региональных, муниципальных и местных программ, подкрепленных масштабным объемом предусмотренных инвестиций, так и сложившаяся властная вертикаль в реализации ключевых политических установок на всех территориальных уровнях. Эффективность решения именно социально-экологических проблем субъектов разного ранга зачастую напрямую увязывается с карьерным ростом наиболее активных и успешных руководителей.

Опыт Китая в решении многих затронутых вопросов представляет несомненный интерес для большинства государств Глобального Юга, находящихся на различных этапах экономической трансформации, но зачастую игнорирующих элементы планового ведения деятельности.

Литература

1. Заклязьминская Е. О. Политика Китая в области охраны окружающей среды // Аналитическая записка № 50 / 2024. Москва: РСМД, 2024. 12 с.

2. Ли Ц. Тенденция внедрения принципов устойчивого развития и ESG в Китае // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 8. С. 4781-4792. DOI: 10.18334/epp.14.8.121491

3. Цинь Т. Экологическая политика как фактор укрепления национальной безопасности КНР. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. 196 с. DOI: 10.24866/7444-5218-6

4. Мозиас П. М. Экологическая политика в Китае: вверх по лестнице, ведущей вниз? // 46-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. Москва: ИВ РАН, 2016. С. 274-314.

5. National Bureau of Statistics of China. Website. URL: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 18.12.2025).

6. The Report on the State of the Ecology and Environment in China. 2016-2025 // Ministry of Ecology and Environment, People's Republic of China. Website. URL: https://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/ (дата обращения: 18.12.2025).

7. Филимонов С. Смог, отходы и грязная вода: как страны Азии решают экологические вызовы // РБК. Тренды. 12.08.2025. Сайт. URL: https://trends.rbc.ru/trends/green/689b36299a79470eb44d932a (дата обращения: 18.12.2025).

8. Espinosa K. Environmental quality in China – statistics & fact // Statista. 17.12.2025. Website. URL: https://www.statista.com/topics/2028/ environment-in-china/#topicOverview (дата обращения: 20.12.2025).

9. Мурдукутас П. В 2025 году у Китая возникнет «трёхмерная» проблема // Epoch Times Russia. 01.01.2025. Сайт. URL: https://www.epochtimes.ru/china/economika-kitaya/v-2025-godu-u-kitaya-vozniknet-tryohmernaya-problema-216648/ (дата обращения: 18.12.2025).

10. Lewis W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School (Blackwell Publishing Ltd). 1954. Vol. 22. Issue 2. P. 139-191.

11. Мажинский С. В. «Линия Ху Хуаньюна» и проблема диспропорции территориального развития Китая // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 2. С. 131-141. DOI: 10.31857/S086919080017330-0

12. Чубаров И. Г. Госпрограммы регионального развития КНР в историческом контексте // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 21-33. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022

13. Ховавко И. Ю., Чжоу Ц. Ранжирование территорий по уровню устойчивого развития с использованием кластерного анализа (на примере провинций Китая) // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2025. Том 17. Вып. 1. С. 151-167. DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-1-151-167

References

1. Zaklyazminskaya EO. China's Environmental Protection Policy. Moscow: RSMD; 2024;(50). 12 p. (in Russian)

2. Li C. The Trend of Implementing Sustainable Development and ESG Principles in China. Economy, Entrepreneurship and Law. 2024;14(8):4781-4792 (in Russian). DOI: 10.18334/epp.14.8.121491

3. Cin′ T. Environmental Policy as a Factor in Strengthening China's National Security. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House; 2022. 196 p. (in Russian) DOI: 10.24866/7444-5218-6

4. Mozias PM. Environmental Policy in China: Up the Downward Staircase? In: Proceedings of the 46th Scientific Conference "Society and State in China", part 2. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; 2016; p. 274-314 (in Russian).

5. National Bureau of Statistics of China. Website. Available at: https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=C01 (accessed: 18.12.2025).

6. The Report on the State of the Ecology and Environment in China 2016-2025. Ministry of Ecology and Environment, People's Republic of China. Website. Available at: https://english.mee.gov.cn/Resources/Reports/soe/ (accessed: 18.12.2025).

7. Filiomnov S. Smog, Waste, and Dirty Water: How Asian Countries Are Addressing Environmental Challenges. RBC Trends. 2025 August 12. Website (in Russian). Available at: https://trends.rbc.ru/trends/green/689b36299a79470eb44d932a (accessed: 18.12.2025).

8. Espinosa K. Environmental quality in China – statistics & fact. Statista. 2025 December 17. Website. Available at: https://www.statista.com/topics/2028/environment-in-china/#topicOverview (accessed: 20.12.2025).

9. Murdukutas P. In 2025, China will face a "three-dimensional" problem. Epoch Times Russia. 2025 Jan 01. Website (in Russian). Available at:

https://www.epochtimes.ru/china/economika-kitaya/v-2025-godu-u-kitaya-vozniknet-tryohmernaya-problema-216648/ (accessed: 18.12.2025).

10. Lewis WA. Economic Development with Unlimited Supplies of Labor. The Manchester School. 1954;22(2):139-191.

11. Mazhinsky SV. "Hu Huanyong's Line" and the Problem of Disproportionate Territorial Development of China. East. Afro-Asian Societies: History and Modernity. 2023;(2):131-141 (in Russian). DOI: 10.31857/S086919080017330-0

12. Chubarov IG. State Programs for Regional Development of the PRC in the Historical Context. East Asia: Facts and Analytics. 2020;(4):21-33 (in Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10022

13. Khovavko IYu, Zhou Ts. Ranking territories by level of sustainable development using cluster analysis (on the example of Chinese provinces). Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic journal. 2025;17(1):151-167 (in Russian). DOI: 10.38050/2078-3809-2025-17-1-151-167

Статья поступила в редакцию 25.12.2025.
The article is submitted 25.12.2025.

УДК 321.74;323
DOI:

© 2025 **Сагитов Г. М.**
Республиканская газета «Новое дело»,
Махачкала, Россия

Наиболее резонансные события 2025 года (по версии редколлегии газеты «Новое дело»)

Аннотация. Представлены итоги 2025 года, основные события которого нашли отражение в традиционном предновогоднем словаре газеты «Новое дело».

Ключевые слова: Дагестан, Махачкала, Сергей Меликов, Динамо, Ислам Махачев, аэропортовское дело, правоохранительная система, тюлени.

© 2025 **Sagitov G. M.**
Republican newspaper “Novoe Delo”,
Makhachkala, Russia

The Most Resonant Events of 2025 (According to the Editorial Board of *Novoye Delo* Newspaper)

Abstract. This article presents a summary of the year 2025, highlighting major events as reflected in the traditional year-end glossary compiled by the *Novoye Delo* newspaper.

Keywords: Dagestan, Makhachkala, Sergey Melikov, Dynamo, Islam Makhachev, Airport offense, law enforcement, seals.

Авиакатастрофа

7 ноября 2025 г. в Карабудахкентском районе на побережье Каспийского моря недалеко от посёлка Ачи-Су произошло крушение вертолёта Ка-226. Выполняя рейс из Кизляра в Избербаш, воздушное судно совершило жёсткую посадку на берегу моря и после врезалось в нежилое здание на территории базы отдыха «Жемчужина». В результате произошло разрушение и возгорание судна. На борту находились 7 человек (экипаж и сотрудники, в том числе руководство Кизлярского электромеханического завода). В результате катастрофы погибли 5 человек, 2 получили тяжелые травмы. Глава республики принес соболезнования семьям погибших.

Алик Абдулгамидов

26 мая 2025 года после продолжительной болезни скончался известный дагестанский журналист Алик Абдулгамидович Абдулгамидов. Он был свидетелем многих политических событий в республике в целом и в дагестанской журналистике в частности. Благодаря его профессионализму и принципиальности издание стало площадкой для важных журналистских расследований и обсуждения актуальных тем. Его вклад в журналистику и преданность профессии навсегда останутся в памяти всех, кто знал его и работал с ним. Он оставил после себя хорошее творческое наследие, по которому можно «сверять часы» истории. Пусть светлая память о нем живет в сердцах всех, кто ценил его талант и доброту.

Аллея памяти

В январе в столице Дагестана официально открыли Аллею памяти погибших журналистов. Союз журналистов России отметил, что в конце прошлого года Дагестанское региональное отделение обратилось в администрацию Махачкалы с просьбой назвать сквер у Дома печати Аллеей памяти погибших журналистов. Сквер расположен вблизи республиканского Дома печати. Общественная территория площадью 5800 кв. метров благоустроена по федеральной программе «Формирование комфортной современной городской среды». Здесь уложили пешеходные дорожки, установили пандусы, детские и спортивные площадки, скамейки, беседки, урны, освещение, провели поливочный водопровод и покрасили забор по периметру.

Аэропортовское дело

Суды вынесли 28 приговоров в отношении 135 фигурантов по делу о массовых беспорядках в аэропорту Махачкалы в 2023 году на сроки от 6,5 до 15 лет. В их числе осуждена на 11 лет единственная женщина – Патимат Шарудинова, еще три человека объявлены в розыск. Их обвиняют в организации беспорядков, экстремизме, финансировании экстремистской деятельности и разжигании вражды. Одного из них, блогера Абакара Абакарова, призывавшего к беспорядкам в аэропорту Махачкалы, в октябре нашли мертвым в Турции. Как сообщают СМИ, тело Абакарова обнаружила уборщица в арендованной вилле в Стамбуле. Абакар Абакаров был администратором ныне заблокированного телеграм-канала «Утро Дагестан». Там публиковали антисемитские лозунги и призывы незадолго до погрома в аэропорту Махачкалы. Также в розыск объявили Исраила Ахмеднабиева и Илью Пономарева (признан в РФ

иноагентом, внесен в реестр экстремистов и террористов). Судебные процессы по «аэропортовскому делу» проходили в различных судах Ставропольского и Краснодарского краев. Следствием собрана достаточная доказательственная база о причастности к совершенным преступлениям 142 лиц.

Бокс

Сборная Дагестана по боксу на Чемпионате России в Екатеринбурге добилась грандиозного успеха, завоевав 3 золотые, 4 серебряные и 3 бронзовые медали, заняв первое место в общекомандном зачете. Чемпионами России стали Джамбулат Бижамов (80 кг), Шарабутдин Атаев (86 кг) и Муслим Гаджимагомедов (92 кг). Это и огромный успех ведущего тренера боксерских дружин Дагестана и России Рашидбека Ахмедова с его помощником в тренерском деле Солтаном Мигитиновым.

Следует также отметить, что Муслим Гаджимагомедов стал первым российским боксером, завоевавшим титул трехкратного чемпиона мира среди любителей. Он выиграл третье в своей карьере золото на мировом первенстве 2025 года, прошедшем в Дубае. М. Гаджимагомедов одержал победу в весовой категории до 92 кг, ему 28 лет, он выигрывал чемпионаты мира 2019 и 2023 годов, становился серебряным призером олимпийских игр в Токио. До Муслима Гаджимагомедова тройной успех на чемпионатах мира среди любителей сопутствовал дагестанцу Магомедрасулу Меджидову – уроженцу села Урхучимахи Акушинского района республики, выступавшему в супертяжелой весовой категории за команду Азербайджана.

Взрыв газа

В марте республику всколыхнула новость – в МКР «Редукторный» города Махачкалы на улице Гапцахской, 14, в многоквартирном доме произошел взрыв газовоздушной смеси. Пострадали два человека. Взрыв был такой силы, что практически полностью разрушил квартиру и выбил более 1000 квартирных окон во всей округе, повреждения получили около 50 автомобилей. После взрыва властями Махачкалы была оказана помощь почти 140 семьям. Дагестанцы помогали пострадавшим в эвакуации поврежденных автомобилей, установке окон, вывозе строительного мусора и предоставляя жилье. Также подключились благотворительные фонды. В тот же день произошел еще один взрыв – на проспекте И. Шамиля. Пострадали 4 человека. Предварительной причиной взрыва в магазине сотовой связи на Шамиля стала утечка газа на

подземном газопроводе. После взрыва на ул. Гапцахской встал вопрос о законности многоквартирного дома. Пострадавший дом по плану должен был быть девятиэтажным, а в реальности возведено 17 этажей. Он не был введен в эксплуатацию, в нем не должны были жить люди. Жильцы дома получили право собственности на свои квартиры в 2021 году решением Ленинского районного суда Махачкалы. Несмотря на это, сотрудники мэрии до сих пор считают, что многоэтажка построена незаконно, так как не было выдано разрешение на ввод ее в эксплуатацию. У многоквартирного дома по улице Гапцахской, где произошел взрыв газа, отсутствовали исполнительно-техническая документация и договор поставки ресурса. Одним словом, дом был признан незаконно построенным. Местные власти подали в суд на застройщика. В историю вмешались дольщики. Они тоже обратились с исковым заявлением в суд. Однако ответчиком стал не застройщик, а чиновники. Будущие собственники квартир требовали признать дом жилым и выдать им ключи. Предварительно, владельцы помещений выиграли дело. После этого, несмотря на то что дом считался самостроем, они начали въезжать в квартиры.

Эти два трагических случая порождают вопрос о зонах возможных рисков утечки газа из подземных магистральных труб в Махачкале. Особенно это важно для жителей Редукторного поселка, так как, по словам некоторых строителей, они натыкались там на старые газовые подземные сети, которые каким-то образом продолжают получать газ. Следовательно, есть риск попадания газа в построенные даже со всеми разрешениями и введенные в эксплуатацию многоквартирные дома. Для проверки зоны риска в Махачкале можно ознакомиться с картой МЧС 2016 года, составленной при подготовке генерального плана и размещенной вместе с другими материалами в открытом доступе. Как позже стало известно, по делу о взрыве в Махачкале задержан сотрудник ремонтно-эксплуатационной службы газового хозяйства Ленинского района города. Он подозревается в халатности и неисполнении своих профессиональных обязанностей, что и привело к трагедии и нанесению вреда здоровью жильцов дома.

Вода

Почти на трое суток – с 11 по 13 июля – Махачкала столкнулась с масштабным кризисом: город остался без воды. Причиной аварии стало несоответствие пропускной способности ливневого коллектора, построенного еще в 1980-х годах, современным

нагрузкам. Вода через деформационные швы стала просачиваться в русло канала, что потребовало экстренного прекращения подачи. Для решения проблемы было принято решение о строительстве нового коллектора со сбросной трубой.

Отсутствие важнейшего ресурса обнаруживает серьезную проблему неслаженности работы профильных структур. Как выяснилось, Единый оператор в сфере водоснабжения и водоотведения (ЕОРД) был в курсе наметившейся проблемы еще 9 июля, но должных мер не принял. В подобной ситуации самым логичным было бы предупредить население о необходимости запастись водой. Однако уведомить горожан об этом никто не удосужился. Напряжение, гнев, отчаяние в комментариях, оставленных махачкалинцами под постами ЕОРД в те дни обезвоживания, наглядное тому подтверждение. Главная претензия жителей – не к самому факту вынужденного отключения, а к тотальному провалу в части информирования. Людей не предупредили заранее, а в ответ на резонные вопросы они получали лишь невнятные отговорки или несбыточные обещания. Матери с маленькими детьми чуть ли не умоляли внести ясность: если ждать еще долго, то будут искать воду, где придется, потому что и с подвозом воды было не все гладко. Авария выявила множество системных проблем, без решения которых дни безводья могут повториться, и не раз. В первую очередь это недостаточные запасы воды в городе на случай ЧП. Существующие резервуары не покрывают потребностей растущего мегаполиса и наплыва туристов. Любое аварийное отключение мгновенно исчерпывает запасы.

Вновь всплыл острый вопрос о плачевном состоянии КОРа. Построенный более 100 лет назад канал критически изношен. Этому в немалой степени способствует и то, что в непосредственной близости к нему возведены дома (вопреки всем требованиям и стандартам), сам КОР не огражден и не защищен от попадания в него мусора, сточных вод, трупов животных, бытовых отходов. Еще одна существенная проблема, которая выявляется уже не в первый раз, – в дни массового отключения воды в столице республики не налажена четкая и отработанная система подвоза необходимого количества воды горожанам. Старожилы Махачкалы вспоминают, что в советский период при подобных ЧП водовозы направлялись во все районы города. Сегодня, несмотря на рост тарифов ЖКХ и ресурсов, наладить эту работу на должном уровне не могут. Если детские сады, больницы и другие соцучреждения худо-бедно в эти дни

обеспечивались водой, то в самом городе люди вынуждены были выкручиваться кто как мог. Три дня без воды в столице Дагестана – это не просто временное неудобство. Это оглушительный сигнал тревоги о системной несостоятельности, безразличии и катастрофическом провале налаживания коммуникации власти с народом.

Госсекретарь

Еще в начале года Магомед-Султан Магомедов был ключевой политической фигурой Дагестана. Он влиял на управление Махачкалой, принимал участие в решении кадровых вопросов в органах власти республики и муниципалитетах. История с уходом после конфликта с госсекретарем на СВО главы Буйнакского района Уллубия Ханмурзаева, вопреки обещаниям поддержки со стороны главы республики, показала, что Магомедова боялись больше, чем Меликова. До этого Магомедов успел укрепить свой формальный статус специально пролоббированным законом о госсекретаре и полномочиями заниматься территориальным устройством от главы республики. Его сын, депутат Народного Собрания Магомед Магомедов возглавил структуру партии «Единая Россия» – штаб общественной поддержки. Кортежи отца и сына с «майбахами» периодически катались по главной площади. Однако в июне генеральный прокурор подал иск в Советский районный суд Махачкалы об изъятии главного актива клана «заправщика» – нефтезавода. Одновременно ФСБ и Следственный комитет провели оперативные мероприятия по 50 адресам. Затем Магомедовых привели в суд, и они признали иск государства. Это стало самым коротким делом об экспроприации бывшего государственного имущества в современной истории судов страны. И вся империя Магомед-Султана Магомедова, выстроенная с 90-х годов, рухнула за два дня. В реестре нормативных актов так и не был опубликован указ о снятии Магомедова с должности госсекретаря. Лишь показали указ о ликвидации его управления. Это дало основание предполагать, что речь идет о договорном деле, так как не было привычных видео с обысками и арестами, не было сообщения о возбуждении уголовного дела за кражу завода у государства. Но в начале августа ФСБ опубликовала через федеральные новостные ленты видео с высадкой спецназа с вертолета на территорию завода, с обысками в доме Магомедовых и на рабочем месте госсекретаря. А затем выяснилось, что в том же Советском районном суде Махачкалы появился новый иск генпрокуратуры о взыскании с семьи

Магомедовых незаконно полученных активов. В октябре сын Магомедова был лишен статуса депутата Народного Собрания. Эта история еще не закончилась, в прессе так и не появилась информация о последствиях возбуждения уголовного дела в отношении Магомедовых. До сих пор не понятно, как скажется на судьбе Сергея Меликова арест местного политика, которого он назначил своим «визирем» уже в первый год пребывания на посту главы республики.

Гуниб

2025 год не стал исключением в упоминании проблемы Верхнего Гуниба. Однако отличительной особенностью ситуации этого года стало то, что на проблему серьезно отреагировали Сергей Меликов и Министерство природных ресурсов и экологии РД. В результате начались работы по сносу возведенного с многочисленными нарушениями в уникальном природном парке крупного строения, против которого выступали жители Гуниба.

«**Динамо**»

Главный тренер махачкалинского «Динамо» Хасанби Биджиев покинул свой пост перед зимней паузой в РПЛ. 9 декабря попечительский совет махачкалинцев принял его отставку. Хасанби Биджиев возглавил «Динамо» в феврале 2024, придя на смену Курбану Бердыеву. Он довел до РПЛ клуб, выступавший тогда еще в Первой лиге. Тренер принял решение уйти после череды неудачных матчей. Команда не забивала четыре тура подряд. К слову, концовка прошлогоднего зимнего сезона у махачкалинцев была немногим лучше, и они набрали только на два очка больше, чем в текущем. Зимнюю часть этого года «Динамо» завершило на 13-м месте с 15 очками по итогам 18 туров. Впереди вторая часть игрового сезона. С кандидатурой нового главного тренера руководство клуба еще не определилось.

Землетрясение

26 августа в 23 часа 33 минуты в Дагестане произошло землетрясение. По предварительным оценкам геофизических служб, его сила составила 5,9 балла. Эпицентр располагался на глубине 10 км в Каспийском море, напротив города Избербаша, в 38 км от Дербента. Подземные толчки в течение 10 секунд ощущали жители Махачкалы, Каспийска и Дербента. Надо отметить, что в этот день землетрясения произошли на Курилах, Камчатке, в Кузбассе, а также в Киргизии.

Многие жители республики, в частности столицы, вышли на улицы, опасаясь новых толчков. Это было второе по силе

землетрясение с 1970 года. Тогда в эпицентре оно достигло 7-8 баллов (район разрушенного землетрясением села Кумторкала). Сейчас в Махачкале практически не осталось безопасных зон, куда можно было бы эвакуироваться. С большинства домов кирпичи сыплются и без всяких толчков. При землетрясении выход в такие дворы может быть еще опаснее. Власти каждый раз повторяют, что это «давняя проблема», как будто это может служить объяснением их бездействия. В связи с произошедшим землетрясением глава республики Сергей Меликов обратился к застройщикам и ответственным структурам, указав на недопустимость пренебрежения безопасностью при возведении объектов. Он подчеркнул, что это событие должно стать серьезным предупреждением для всех «специалистов», халатно относящихся к строительным нормам. Было отмечено, что в Махачкале уже ведется системная работа по сносу незаконных построек, а новое строительство невозможно без доказательства его сейсмической безопасности.

Каспий

Снижение уровня Каспийского моря стало причиной существенного изменения очертаний береговой линии сразу в трех регионах РФ. В Астраханской области в дельте Волги образовались новые острова, в Калмыкии ряд островов превратились в полуострова, в Дагестане берег моря отступил на несколько километров, а Аграханский залив почти исчез. Снижение уровня Каспийского моря наблюдается с середины 90-х годов XX века, с 2020 года уровень снизился почти на 0,8 м. Это происходило на фоне уменьшения годового стока Волги, являющейся основным источником поступления воды в море. Следствием является ухудшение условий для нереста рыбы и уменьшение разнообразия флоры и фауны в акватории Каспия. В прошлом году годовой сток Волги немного увеличился до 232 куб. км, что снизило скорость падения уровня Каспия. По мнению ученых, устойчивое повышение уровня моря возможно при стабильном годовом стоке около 270 куб. км, как это было в период с конца 1970-х до середины 1990-х годов.

Махачев

Ислам Махачев стал первым россиянином, завоевавшим чемпионские пояса UFC в двух весовых категориях. Также 34-летний дагестанец стал 11-м двойным чемпионом UFC в истории промоушена. Бой за чемпионский пояс в полусреднем весе против Джека Деллы Маддалены состоялся в Нью-Йорке в ночь

на 16 ноября. Махачев выиграл решением судей. Турнир на Madison Square Garden стал одним из самых масштабных среди мероприятий организации в этом году. Профессиональный рекорд Махачева в ММА – 28 побед и одно поражение. В UFC ему удалось повторить рекордную победную серию из 16 побед подряд. Ранее такого результата достигал только легендарный бразилец Андерсон Силва. Ислам завершил 2025 год на первом место в рейтинге лучших бойцов UFC вне зависимости от весовых категорий.

Меликов и Путин

29 января телеграм-канал RIA_Kremlinpool сообщил о встрече Владимира Путина и главы Дагестана Сергея Меликова. Больше полутора лет прошло с того момента, как в кабинете руководителя администрации Дербента президент страны принял доклад о ситуации в Дагестане лично от главы республики. Наконец, в конце января было сообщено о том, что Владимир Путин принял Сергея Меликова. Если опираться на официальные источники, к чему призывает пресс-секретарь Дмитрий Песков, то в сухом остатке получается, что главу Дагестана продержали в ожидании встречи две недели. В российской политической культуре такое отношение к посетителю ассоциируется с неблагосклонным отношением хозяина приемной, что дало пищу критикам главы республики. С другой стороны, речь шла о докладе не за месяц, а более чем за год и этот период был тяжелым для республики. Поэтому Сергею Меликову нужно было время, чтобы подготовиться серьезно. Судя по стенограмме, помощь в подготовке доклада главы республики для президента России оказала редакция «Нового дела». С. Меликов: *«Мы за 2024 год исполнили бюджет на 97,6 процента – это очень хороший показатель для Дагестана. Мы занимаем 14-е место среди субъектов Российской Федерации, чего раньше достичь не удавалось».* Место республики выявил анализ, проведенный «НД» по данным Казначейства России. С одной стороны, радует, что работа независимых СМИ признается на высоком государственном уровне, а с другой, Сергей Меликов сильно рисковал, так как в Кремле могут посмотреть «Электронный бюджет» и понять, что успех – это продукт бухгалтерской работы. Заминка в цифрах по зарплате – реальный рост зарплат оказался в 3 раза меньше номинального (15 %). Но здесь Сергей Меликов сразу пояснил президенту, что в республике ведется борьба за обеление.

Глава республики профессионально выложил главные козыри в области сельского хозяйства и развития туризма, отметив успехи

роста промышленности, и указал на два предприятия. Однако Сергей Меликов не назвал среди достижений цифры по строительству дорог, модернизации аэропорта и морского порта, не упомянул коридор «Север – Юг». Хотя, скорее всего, эти данные были в буклете, который листал президент России, слушая отчет главы республики. Стенограмма закончилась на самом интересном месте: *«В. Путин: Давайте поподробнее поговорим по проблемным вопросам».* Но если внимательно читать текст, то можно даже увидеть, о чем могла идти речь в этой части. С. Меликов: *«Владимир Владимирович, я неоднократно докладывал и сегодня, наверное, вынужден буду поднять этот вопрос – по недостатку генерации энергетики на территории Дагестана».*

Местный фронт

Главное политическое поражение команды Сергея Меликова произошло на фронте местных властей. С прошлого года «Белый дом» готовил почву к тому, что более 700 муниципальных сельских образований потеряют остатки своей политической и юридической самостоятельности, будут ликвидированы администрации и местные советы. Формальной причиной стала подготовка к принятию во втором чтении нового федерального закона о местном самоуправлении, в проекте которого не предусматривались сельские администрации. Еще в декабре на съезде местных властей Дагестана всех глав муниципалитетов предупредили о скорой ликвидации сельских администраций и преобразовании районов в муниципальные округа. Но в тот же месяц грянул федеральный скандал – Татарстан открыто выступил против ликвидации сельских муниципалитетов. Это право, а точнее ответственность, было переложено на региональные власти.

Естественно, что команда Сергея Меликова не рискнула брать на себя смелость идти в открытую атаку против местных администраций. Местные власти были взяты осадой. В январе создали экспертный совет при Администрации главы по местному самоуправлению, а в апреле такой же совет при Народном Собрании, началась демонстрация мнения «экспертов» о необходимости реформ. Обострение случилось осенью. В августе Сергей Меликов внес законопроект о поправках в стратегию развития Дагестана. В тексте прямо было предложено внести в закон цитату Сергея Меликова из его послания о необходимости ликвидации сельских администраций. При этом в самой стратегии уже было открыто написано, что у сельских администраций есть что забрать – земли, имущество и налоги. Но в

сентябре на федеральном уровне случился новый скандал. Геннадий Зюганов на встрече президента с лидерами политических фракций заявил несогласие относительно права регионов уничтожать сельскую власть. Неожиданно Владимир Путин поддержал его. Но это не помешало дагестанским депутатам принять законопроект о поправках в стратегию на той же сентябрьской сессии, а затем во втором чтении уже в декабре. Хотя в начале октября Сергей Меликов на заседании президиума «партии власти» попытался показать непричастность: «Если вы заметили, никаких посылов от руководства республики нет и быть не может. Я уже говорил, что для Дагестана это очень тонкая грань». В принципе ходить по «тонкой грани» характерно власти региона, где закон традиционно не работает, а правила игры диктуются негласными договоренностями элит.

В текущем году структурное изменение коснулось только Махачкалы. Группа госсекретаря Магомед-Султана Магомедова, стремясь быстрее сместить Юсупа Умавова из кресла главы столицы, пыталась провести закон, по которому ликвидация внутригородских районов должна была пройти очень быстро, чтобы выборы депутатов состоялись чуть ли не летом. Однако закон был подписан только в апреле. Полномочия Собрания депутатов столицы, состоявшего из депутатов трех районов, и так прекращались осенью 2025 года. Поэтому все пошло по плану, правда, не без исторического курьеза. По закону вновь избранное собрание почему-то в названии стало определяться как «первого созыва», хотя Махачкала на самом деле вернула себе статус округа, которым она была много лет до реформы Рамазана Абдулатипова. Ну, «каждый, кто не первый, тот уже второй». В сентябре в республике прошло более 600 местных выборов. Распределялись 5990 мандатов депутатов представительных органов муниципальных образований: 149 в городских округах и 5841 в городских и сельских поселениях. По итогам трехдневного голосования Избирком доложил о явке более 74,5 % избирателей. Поменялись составы депутатов в таких городах, как Махачкала, Каспийск, Кизляр, Южно-Сухокумск, Дагестанские Огни, а также в ряде райцентров, в т. ч. в Бабаюрте, Карабудахкенте, Коркмаскале. Свежими игроками на местном политическом поле стали депутаты партии «Новые люди» и ЛДПР.

Вступивший в силу летом новый федеральный закон о местном самоуправлении позволил властям республики поменять порядок избрания глав районов и городов. Старая система конкурсных комиссий, состоявших из представителей главы региона и местных

депутатов, была упразднена. Теперь трех кандидатов на пост муниципального района или города вносит глава Дагестана после представления кандидатов от политических партий, Общественной палаты и двух организаций местных властей. Первым избравшимся по новой системе стал глава Хасавюрта Корголи Корголиев. Судя по официальным текстам, новая система ничем не отличается от старой, так как глава республики представил трех кандидатов из одного и того же клана. В октябре по новой схеме избрали нового главу Махачкалы, которым предсказуемо стал экс-глава Хасавюртовского района и экс-министр транспорта Джамбулат Салавов. Несмотря на коррупционный скандал с иском прокуратуры на 30 млн рублей, по представлению главы республики переизбрался глава Ботлихского района Руслан Гамзатов. Переизбрались на новый срок глава Каякентского района Магомед Эльдерханов, глава Ахвахского района Магомед Муртазалиев, глава Каспийска Борис Гонцов, глава Цумадинского района Шамиль Омаров. Вместо отстраненного за утрату доверия и посаженного под арест экс-главы Кайтагского района избрали председателя территориальной комиссии Запира Гасанова. Среди новичков следует выделить никогда не работавшего до 2022 года в органах власти Саида Маматханова, ставшего по представлению Сергея Меликова главой промышленного центра – города Кизилюрта. Главой Лакского района избран экс-сотрудник МВД, врио министра сельского хозяйства Зураб Куччаев. Потомственный экс-сотрудник МВД и сын начальника Управления Главы РД по вопросам противодействия коррупции в составе АГиП РД Нариман Эфендиев избран главой Магарамкентского района. Осечка у команды Сергея Меликова произошла в Кизляре. Местная знать не захотела избирать первую предложенную кандидатуру, поэтому пришлось заново объявлять процедуру по отбору кандидатов на пост главы города. В результате город возглавил уроженец Кизляра, но сотрудник Центра по противодействию экстремизму МВД Ставропольского края Иван Лазурков. Последним в этом году избранным главой района стал Эльман Аллахвердиев, который поменял место заместителя на пост главы Дербентского района. Политической традицией нового порядка выборов стали публичные отказы двух кандидатов от борьбы за пост в пользу одного кандидата. Федеральный закон не способен изменить восточноазиатские манеры.

Мэр

19 июня глава Дагестана сначала подписал внеочередной указ о награждении главы Махачкалы Юсупа Умавова медалью

«За доблестный труд», а на следующий день после публикации указа Умавов объявил об отставке с поста главы города, передав кресло врио Нариману Темуркаеву. Знатоки подсчитали, что Умавов стал третьим по продолжительности работы главой Махачкалы после ареста Саида Амирова, уступив Мусе Мусаеву и Салману Дадаеву. И стоит отметить – он оказался самым нескандальным мэром. Юсуп Умавов занял кресло главы города в статусе врио 12 мая 2023 года. Сергей Меликов в своем благодарственном посте в адрес Умавова заявил о предполагаемом будущем градоначальнике, что это человек «других компетенций, новых подходов и свежих идей». Вечером того же дня власти объявили о том, что Джамбулат Салавов ушел с должности министра транспорта и дорожного хозяйства. Салавов до сентября 2021 года возглавлял самый крупный муниципальный район России – Хасавюртовский. Уже в октябре депутаты городского собрания Махачкалы избрали Джамбулата Салавова главой города.

Олени

Министерство сельского хозяйства и продовольствия Дагестана в начале марта сообщило об обнаружении тел 37 погибших пятнистых оленей из Алмакского заповедника в Казбековском районе. Животных загрызли волки. Судьба еще около 250 оленей, сбежавших из заповедника, неизвестна. Часть ограждения хозяйства оказалась под снегом. Ограждение было повреждено. Олени выбрались из заповедника, после чего на них напали волки и дикие собаки, часть оленей сбежала. Ранее поголовье превышало 1,5 тыс. особей. Вернуть удалось 210 животных. Алмакский заповедник – единственное на Северном Кавказе хозяйство, занимающееся разведением пятнистых пантовых оленей. Животные занесены в Красную книгу РФ.

Отравление

В июле в Магарамкентском районе были зафиксированы массовые случаи отравления. Случаи кишечной инфекции отмечались в селах Магарамкент, Куйсун, Гиляр, Гапцах и Верхний Тагиркент. Стало известно о 274 подобных случаях. Подавляющее большинство заболевших (270 человек) – дети. По предварительным данным, заболевание связано с употреблением питьевой воды, поступающей из водоисточника «Джепельский», который расположен на расстоянии 14 км от села Магарамкент в сторону села Ахты. Магарамкентским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Дагестан возбуждено уголовное дело

по факту оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности здоровья потребителей по ч. 1 ст. 238 УК РФ. По подозрению в оказании услуг, не отвечающих этим требованиям, задержан директор муниципального бюджетного учреждения Магарамкентского района «Жилищно-коммунальное хозяйство».

Это был уже второй случай отравления в июле. Одиннадцать человек отравились в июле и во время двухдневного тура по Гунибскому району. По информации Роспотребнадзора, после регистрации случаев пищевого отравления была проведена внеплановая проверка трех предприятий общественного питания. Причиной отравления членов туристической группы в Дагестане стал плов, в котором был выявлен возбудитель дизентерии, сообщили в телеграм-канале ведомства. У сотрудников кафе, где туристам подали «дизентерийный» плов, не было медицинских книжек, их никто не обследовал, в результате чего до работы оказался допущен носитель инфекции.

Следующий случай отравления был зафиксирован в августе. В инфекционное отделение ГБУ РД «Дербентская ЦГБ» с туристической базы «Рубас» было госпитализировано 20 человек, из них 3 взрослых и 17 детей, с симптомами кишечной инфекции. По данным медиков, заболевание протекало в легкой и средней формах. Абдулмуслим Абдулмуслимов поручил ответственным руководителям держать ситуацию на постоянном контроле и предоставлять регулярные отчеты о ситуации. Не исключался факт возможного отравления в ходе проведенной экскурсии в один из районов республики, где был организован обед для группы.

Погода

В апреле на столицу Дагестана обрушился ливень. А в горных районах выпал снег. В Махачкале был побит рекорд суточного максимума осадков – 46 мм, державшийся 114 лет, с 1911 года. Тогда в столице Дагестана было зафиксировано 49 мм. Из-за обильных осадков перекрывали подачу воды в канал имени Октябрьской революции, в Махачкале и Каспийске были затоплены несколько центральных улиц. И это стало испытанием для махачкалинской канализации, которое она не прошла, несмотря на все усилия коммунальных служб. Система ливневок в Махачкале где-то разрушена, где-то забита мусором и грязью. Хоть в «Дагэнерго» и был введен режим повышенной готовности из-за сильных осадков, с раннего утра из-за подтопления подстанции без света в Кировском районе Махачкалы оставались около 25 тысяч человек. В западной

части столицы Дагестана после сильных дождей из берегов вышла река Тарнаирка. В результате были подтоплены шесть улиц в Кировском районе столицы. Ну и, конечно же, многострадальные махачкалинские улицы Бейбулатова, Булача, Коркмасова появились и в федеральном эфире. Досталось и Северной автостанции, Редукторному, ул. Каммаева (шоссе Аэропорта). Во время обильных осадков Дагмелиоводхоз сообщил, что в столицу республики перекрыта подача воды по каналу имени Октябрьской революции.

В ответ на многочисленные публикации в соцсетях о необходимости строить барьеры для того, чтобы ливневая вода не стекала в КОР, директор канала ответил, что это не решит проблему. Ну и, конечно, при дожде взлетели цены на такси. Цены на такси («Анжи», «Яндекс», Uber) по короткому «беспробочному» маршруту были выше в 1,5–2 раза. Из-за снижения пропускной способности на некоторых участках столицы республики образовались транспортные заторы, наблюдалась также катастрофическая нехватка общественного транспорта.

Несмотря на стихию, люди помогали друг другу. Соцсети пестрели роликами, как КамАЗ спасает застрявшие машины на улице Бейбулатова, как возле рынка на тележке перевозят людей через дорогу, как поднимают детей на руки, чтобы те не намочили ноги, как коммунальные службы вытаскивают застрявшие машины. Также не обошлось и без полезных лайфхаков, к которым прибегли практичные горожане. В ход пошли пакеты, надетые на ноги, позволяющие пересечь реки на улицах, кто-то просто шел босиком, закатав штаны по колено, были и «эксклюзивы» в виде заплывов на водном спецтранспорте. Затопленные улицы – не преграда для канатоходца: Камиль Мамаев эффектно преодолел затопленную улицу, балансируя на канате.

В сентябре погода преподнесла очередной сюрприз – такой, что даже многие информагентства выдали заголовки типа «Дагестан уходит под воду». Двое суток в республике беспрерывно шел дождь. Затопленными оказались дома, улицы и городские парковки, также не обошлось и без традиционных перебоев с электричеством и транспортным коллапсом в столице. В Махачкале подтопленными оказались несколько улиц, начиная с Редукторного и заканчивая Семендером. В Избербаше вода пробралась в жилые дома. В Каякентском районе люди сами вычерпывали воду из домов. Часть образовательных учреждений была переведена на дистанционное обучение. В Буйнакске поднявшаяся вода размыла мост в дачном

микрорайоне. Агентство по охране культурного наследия Дагестана сообщило, что в результате продолжительных дождей произошел обвал стены объекта культурного наследия «Крепость», расположенного в Кумухе.

Правоохранительная система

Одними из ключевых игроков на общественно-политическом поле в 2025 году стали прокуратура и суды, во многом в связи с тем, что получили новые кадры из других регионов страны. В результате удалось разорвать местные клановые «страховочные» связи исполнительной и правоохранительной властей и реализовать некоторые оперативные материалы, собранные УФСБ и МВД. Весной прокуратура добилась через Верховный Суд России признания незаконным ряд госдолжностей дагестанских чиновников, в том числе госсекретаря и начальников управления Администрации главы республики, и даже секретаря Совбеза.

Один из самых больших блоков фронта в Дагестане – у природоохранной прокуратуры. Волжская межрегиональная прокуратура неоднократно сообщала о предписаниях и предостережениях за незаконные свалки, использование приморских земель, затягивание строительства мусорного полигона. А под конец года заместитель генерального прокурора добился через правительство России создание штаба при Минприроды России по исправлению экологической ситуации в Дагестане. Прокуратура не давала покоя и организациям в сфере ЖКХ. В прошлом году прокуратура также активизировала работу по борьбе с коррупцией в муниципалитетах. Принятыми прокуратурой мерами 6 депутатов, делегированных в районное собрание Дахадаевского района, прекратили свои полномочия. В Магарамкентском районе наказан первый заместитель главы района, курировавший работу своего отца – директора школы, которого уволили. Должности лишился глава села Леваши за то, что принял на работу руководителем центра культуры свою дочь. В администрации Хунзахского района наказали 12 чиновников, в т. ч. трех замглавы района за недостоверные декларации. Выявлены 7 служащих Хасавюртовского района, представивших недостоверные сведения о доходах в 2024 году, а с вице-спикера районного собрания прокуратура через суд взыскала 9 млн рублей незадекларированных доходов. Но самый крупный иск на этом фронте прокуратура выиграла против главы Ботлихского района, не задекларировавшего транзакции по счету на сумму более 30 млн рублей. Добилась изменения указа главы Дагестана

об увольнении Мухтарбия Аджекова на формулировку «в связи с утратой доверия» за незадекларированные доходы. Прокурор Дагестана выиграл дело в суде первой инстанции по иску к бывшему сотруднику МВД, устроившемуся заместителем директора структуры Газпрома в Дагестане вопреки заключению МВД.

Однако более всего прокуратура привлекла внимание своими антикоррупционными исками о взыскании в пользу государства. Выходец из Сулейман-Стальского района, экс-заместитель руководителя РЖД Салман Бабаев в апреле получил решение по иску прокуратуры о взыскании более 30 млрд рублей. Суд удовлетворил иск заместителя генерального прокурора к семье Магомедовых, вернув государству нефтезавод стоимостью 100 млрд рублей. После этого генпрокуратура предъявила клану Магомедовых новый иск. Семья Саида Амирова и он лично также получили новый иск о взыскании имущества в пользу государства. Экс-первый вице-премьер Раюдин Юсуфов и двое родственников проиграли прокуратуре иск на сумму более 30 млн рублей. В суде находится дело по иску к экс-заместителю министра здравоохранения Дагестана Мазаю Рамазанову на сумму более 430 млн рублей. Удовлетворен иск к экс-председателю Пенсионного фонда Дагестана и членам его семьи на 400 млн рублей. В Москве подан иск к депутату Народного Собрания Муртузали Муртузалиеву и его родственникам на сумму более 850 млн рублей.

Огромную роль прокуратура играла в гражданских спорах с государственным интересом, чаще всего по земельным делам. Например, прокуратура добилась в апелляции признания незаконным договора о передаче земельного участка Судоремонтного завода, что приведет к фактической потере самостоятельности АО «Судоремонт» и присоединению участка земли к Махачкалинскому морскому порту. Подан иск об отмене передаче земли Махачкале, а затем и в частные руки на территории Учхоза. Прокуратура принимала участие в судах по отмене госконтрактов.

Особую роль в дагестанской политике сыграли правоохранительные органы. В начале года существенно поменялось управление в МВД Дагестана: с поста начальника ЦПЭ МВД по Ставропольскому краю в должность замминистра перешел Леонид Можеровцев. Начальник Управления по контролю за оборотом наркотиков полковник полиции Мустангер Муминов покинул должность и вышел на пенсию. Начальник УБЭП полковник

полиции Ражидин Эфендиев ушел в отставку и стал начальником управления по противодействию коррупции в Администрации главы республики. Начальник Госавтоинспекции Александр Шалагин переведен на службу в Северную Осетию.

Начальник Управления следственного комитета по Республике Дагестан Дмитрий Беляев перешел в Москву на аналогичную должность. Впереди ожидаемая смена руководителя УФСБ по РД. В течение года УФСБ и МВД проводили оперативные мероприятия в отношении дагестанских чиновников и депутатов. В феврале после публичного скандала с застройкой жилого дома в Дербенте был арестован местный депутат. В том же месяце Следственный комитет возбудил уголовное дело на лишенного кресла главы Дахадаевского района Джаруллу Омарова из-за махинаций с землей. В марте был арестован экс-директор дербентского «Горсервиса» по обвинению в вывозе мусора на несанкционированную свалку, чем был причинен ущерб на 9 млрд рублей. Операция в отношении госсекретаря и членов его семьи совпала с работой ЦПЭ МВД по задержанию руководства ДагГАУ, что привело к уходу с поста ректора вуза Зайдина Джамбулатова. ФСБ задержала депутата Народного Собрания Изи Алиева, которого вместе с другими сотрудниками Социального фонда доставили в Москву, где расследуется дело об ущербе на сумму свыше 1,4 млрд рублей. В октябре из Ставропольского края была доставлена и арестована экс-министр здравоохранения Дагестана Татьяна Беляева. Правоохранительные органы арестовали начальника Управления Правительства Дагестана по вопросам переселения лакского населения Новолакского района Магомед-Гаджи Айдиева, ему вменили незаконную раздачу земель Новолакского района в его бытность главой этого района.

Дагестанские суды стали демонстрировать жесткость. Пресс-служба публикует часто решения Верховного Суда об отмене мягких приговоров в отношении должностных лиц. По обычным уголовным делам адвокаты констатируют стремление судов дать реальный срок лишения свободы. Эксперты объясняют это возможным дефицитом «клиентов» в тюрьмах. Коллектив дагестанских судей продолжает пополняться судьями из других регионов страны, в том числе земляками председателя Верховного суда из Нижегородской области. Свежие кадры стали поступать в районные суды. В августе Каспийский городской суд возглавил судья из Нижегородской области. Указа о назначении ждут еще несколько судей из других регионов страны. Самая громкая история случилась с креслом

председателя Арбитражного суда Дагестана. Получивший рекомендацию ВКС Мурад Абдулхалимов неожиданно вынужден был отказаться от должности. В ходе заседания ВККС на втором конкурсе новый председатель Верховного Суда России Игорь Краснов выступил против назначения на эту должность претендентов из Дагестана и Архангельской области.

Под конец года не обошлось без курьезов. Прокуратура добилась в двух судебных инстанциях аннулирования юридического диплома сына и брата экс-президентов Нотариальной палаты, а ныне судьи Бабаюртовского районного суда. Однако судья пока вершит правосудие, так как его статус не прекращен.

СВО и Дагестан

Самый южный регион страны в уходящем году стал чаще упоминаться в международных новостях не только благодаря вниманию МИД, приезду послов, но и в контексте повышения политической напряженности России в отношениях с соседним Азербайджаном и активизацией США в Закавказье. В уходящем году стало понятно, что в регионе в любой момент могут поменять режим базовой готовности, введенный в 2022 году указом президента страны, на военное положение. Одна из причин этого – участившиеся налеты на Дагестан, первые из которых начались в ноябре прошлого года. В феврале БПЛА прилетели снова – в Каспийск. В октябре беспилотники были сбиты над Махачкалой. Власти вынуждены были вводить меры защиты, в частности тотальную блокировку мобильного Интернета в приморской части Махачкалы и Каспийска, а также временные ограничения во время участившихся атак БПЛА. Это наложило свой отпечаток на структуру информационного поля республики, где еще в прошлом году заблокировали «Телеграм», через который власти продолжают общаться с населением.

В отличие от властей Чечни руководство Дагестана не называет количество участников СВО из нашей республики. Глава региона периодически увеличивает выплаты подписывающим контракт с Минобороны и оказывает всяческую социально-экономическую поддержку их семьям. Сергей Меликов лично регулярно проводит встречи с родственниками бойцов, ушедших на СВО. Республика в целом и отдельно муниципальные образования и общественные организации направляют в зону СВО колонны гуманитарной помощи. В декабре дагестанские волонтеры попали под обстрел и погибли.

Дагестан продолжил финансировать строительство и ремонт объектов в подшефном Михайловском районе Запорожской области. С июня у Дагестана появилось еще шесть героев России, участвующих в СВО. Особое внимание уделяли тем участникам СВО, кого решили привлекать к работе органов власти. К участию в республиканском кадровом конкурсе «Доблесть гор», запущенном в январе, стали только 2,5 % из 1400 подавших документы. Список участников программы не разглашается, но из фото- и видеоматериалам ясно, что это побывавшие на СВО экс-чиновники. Участник федеральной программы «Время героев» Герой России Темирлан Абуталимов в сентябре назначен врио министра по национальной политике.

В зону боевых действий добровольно отправляются представители органов власти, чтобы в будущем получить преференции при назначении на должность, либо, наоборот, сохранить ее. Например, на СВО подались главы Карабудахкентского и Буйнакского районов. Махмуду Амиралиеву не удалось отсидеться в окопах, так как его вызвали на допрос и арестовали. Уллубию Ханмурзаеву не удалось сохранить свою должность, так как на его место назначили экс-советника Сергея Меликова, командира батальона «Каспий», а затем депутаты официально удалили в отставку Ханмурзаева за неявку на работу, что стало прецедентом, обнулившим желание чиновников скрываться на СВО. В октябре на СВО вслед за братом отправился зампред комитета по законодательству НС РД Алиасхаб Шабанов, а главой Кизилюрта стал Саид Маматханов, занимавшийся у Сергея Меликова поддержкой участников военной спецоперации.

Скандал в Хубаре

На шахматной политической доске в феврале были громкие заявления, коллективные обращения и возникали неожиданные комбинации. При этом главная проблема была в определении личности игроков. На следующий день после того, как депутат Госдумы Сайгидпаша Умаханов призвал своего земляка, премьера республики Абдулмуслима Абдулмуслимова поехать в родной Казбековский район и решить проблему жителей села Хубар, началась игра в быстрые шахматы. В сети опубликовали аудиозапись телефонного разговора главы района, который, рассуждая о распределении расходов на составление генплана села, послал матом депутата села в неприличное место. Гаджимурад Мусаев в ответ выдвинул объяснение о том, что послал он не жителей, а конкретное

лицо в частной беседе, а также сообщил, что отобранные земли принадлежали селу до 1920 года, и призвал не выходить за рамки «правового поля» политической игры. Жители села Хубар сделали новый ход, собрав сход и записав видеообращение с отказом двигаться в указанном нецензурном направлении, призвав главу Дагестана лично приехать в село. Сергей Меликов ответил защитой фигуры главы района, написав пост в телеграмм-канале о том, что надо играть по нормам дагестанской морали, не публиковать записи частных бесед на общественные проблемы, а тем более не беспокоить старшего по возрасту руководителя республики, находящегося на больничном из-за проблем с ногой. Однако Меликов обещал встретиться с активом села и дал указание выехать на место премьеру республики, чтобы проведать участников СВО, а заодно решить проблему хубарцев. На следующий день Абдулмуслим Абдулмуслимов приехал на родину и заодно посетил село Хубар, где сразу заработала школа, был восстановлен в должности ее директор и обещано решить проблему земли, которую по генплану передали якобы селу Зубутли. В этой игре «крайним» попытались сделать другого депутата Госдумы – Абдулхакима Гаджиева, обвинив его в том, что он хотел забрать земли села Хубар для своего родового Зубутли. Но один из помощников депутата назвал все это клеветой, пояснив «НД», что у села Зубутли достаточно своих родовых земель, которые односельчане не успевают осваивать. Кроме этого, указанные сельскохозяйственные угодья села Хубар не интересны местным жителям, увлеченным туристическим бизнесом.

Сивух: возрождение села

Власти Дагестана в течение года вели политическую кампанию, позиционируя себя как локомотив развития горных территорий всей страны. В сентябре правительство внесло в Народное Собрание предложение направить в Госдуму проект федерального закона «О развитии и охране горных территорий в Российской Федерации». В октябре проект был представлен на Международном горном и туристическом форуме в Махачкале, который проводился при поддержке аппарата СНГ и МИД. Однако ряд российских экспертов раскритиковали содержание законопроекта. Парламент Дагестана так и не проголосовал за его выдвижение. Символом обратной стороны намерений властей Дагестана стала история борьбы выходцев из села Старый Сивух Гумбетовского района. Уже не первый десяток лет жителям мешают

вернуться власти района и соседи. Сельчанам пришлось в судебном порядке доказывать свое право на существование даже в споре с правительством Дагестана. После того как вступило в силу решение Верховного Суда Дагестана о необходимости приведения границ села в соответствии с законом о территориальном устройстве республики, в феврале Народное Собрание во время сессии провело специальные слушания, на которых было установлено, что село фактически возрождено уникальным способом – массовым строительством домов и устройством туристической базы. Но это земли отгонного животноводства, а сам населенный пункт хоть и существует юридически, но не имеет установленных границ. Указания парламента местным властям не помогли. Районные власти не просто продолжили бездействовать, но и подали в суд иск о сносе домов сельчан. Это стало политическим самоубийством на фоне массовых протестов политики Израиля по уничтожению домов в секторе Газа. В ноябре за закрытыми дверями собралась правительственная комиссия по конфликту сел, которая была создана еще в прошлом году. После всестороннего критического изучения ситуации премьер Дагестана встал на сторону жителей села Старый Сивух и поддержал их желание восстановить село.

Туризм

В первый рабочий день 2025 года, 9 января, Федеральная налоговая служба распространила письмо о применении туристического налога, который был введен с 1 января. Туристический налог относится к местным и устанавливается нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований. В 2025 году спрос на бронирование путешествий в Дагестан вырос на 25,0 %. По динамике бронирований республика входит в Северо-Кавказском федеральном округе в число лидеров. Самые популярные достопримечательности – Сулакский каньон, песчаная гора Сарыкум, экраноплан «Лунь», цитадель Нарын-кала, аулы Гоор, Гамсутль и Кахиб. В 2025 году стоимость забронированной ночи в отелях Дагестана подорожала на 7,0 % – до 4,5 тысяч рублей. По данным министерства по туризму и народным художественным промыслам Дагестана, объем услуг туриндустрии за 10 месяцев 2025 года превысил 20,6 млрд рублей. Это на 15,1 % больше в сравнении с аналогичным периодом 2024 года. В январе-октябре республика приняла почти 1,9 млн гостей. Для сравнения, столько туристов посетило Дагестан за весь прошлый год.

Не обошлось и без трагических происшествий. 28 апреля группа туристов отправилась в круиз на катере, капитан разогнал судно и не справился с управлением – оно задело скалу и перевернулось. Погибла девушка, пять человек попали в больницу. Также одна туристка погибла и двое пострадали при падении массивных веток дерева в результате резкого порыва ветра в Дербенте. Убившее туристку дерево «Платан восточный» является 800-летним памятником живой природы Российской Федерации.

Теракт

В начале марта ночью оперативный штаб Национального антитеррористического комитета в Дагестане объявил о введении в Кировском районе города Махачкалы режима контртеррористической операции. В ходе проведения органами безопасности оперативно-розыскных мероприятий была обнаружена передвигавшаяся на легковом автомобиле группа лиц из четырех человек, планировавших осуществить нападение на один из объектов правоохранительных органов. При попытке их задержания преступники открыли огонь из автоматического оружия по сотрудникам ДПС. Прибывшими к месту перестрелки силами правопорядка они были блокированы на окраине поселка Семендер. Из близлежащих домов эвакуировали жильцов. Четверо боевиков были ликвидированы. По данным НАК, злоумышленники планировали теракт на объекте МВД России в Каспийске. Они действовали по указке членов запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» (*запрещенная в России террористическая организация)*. Пострадавших среди гражданского населения и потерь среди личного состава сил правопорядка не было.

В мае республику потрясла еще одна трагическая новость. 5 мая в Махачкале на пересечении улиц Керимова и Магомедтагирова было совершено нападение на полицейских. Двое правоохранителей погибли на месте, еще одного с ранениями доставили в местную больницу. После задержания обвиняемый признал свою вину и рассказал подробные обстоятельства преступления. Второй соучастник был ликвидирован при захвате. Всего в перестрелке пострадало четверо, из них трое гражданских, среди пострадавших 40-летняя женщина и несовершеннолетняя – девушка 17 лет, оказавшиеся в непосредственной близости от места происшествия. Следственное управление СК России по Республике Дагестан нападение на полицейских квалифицировало как

терроризм. Согласно поступившему в суд материалу, обвиняемый вместе с соучастником преступления, вооруженные ножами, напали на сотрудников ДПС в Махачкале, завладели их служебным огнестрельным оружием и, угнав патрульный автомобиль, скрылись на нем. Реализуя свой преступный умысел, преступники произвели прицельные выстрелы в сотрудников полиции. Республика только начала отходить от прошлогоднего теракта, где погибли полицейские, первого за последнее десятилетие. Тогда боевики напали одновременно на синагоги и православные храмы Махачкалы и Дербента. Были убиты несколько сотрудников полиции. На улицах обоих городов несколько часов велась интенсивная стрельба. Погибли 27 человек: 17 полицейских, пятеро гражданских, включая настоятеля храма, и пятеро нападавших.

Тюлени

Одним из наиболее резонансных происшествий экологического порядка явилась массовая гибель каспийского тюленя – эндемика Каспийского моря, занесенного в Красную книгу России. В декабре 2022 года на побережье Дагестана нашли более 2,5 тысяч погибших животных. В 2025 году гибель тюленей повторилась: зафиксировали в начале года такие случаи во время миграции, а в декабре – сотни туш от Махачкалы до Дербента (по данным Минприроды Дагестана и фонда «Компас», от 320 до почти 500 особей). Эксперты называют разные причины: критический уровень загрязнения прибрежных вод, птичий грипп, рост интенсивности тралового промысла, а также косвенные факторы – снижение уровня Каспия, естественные выбросы газов со дна моря из-за сейсмической активности, деградация кормовой базы и пр.

Фехтование

Российская шпажистка из Дагестана Айзанат Муртазаева завоевала золотую медаль в индивидуальной шпаге на чемпионате Европы по фехтованию, который проходил в июне 2025 года в Генуе (Италия). Эта победа принесла России первую за шесть лет золотую медаль европейского первенства в этом виде спорта. А за месяц до этого в Уфе Айзанат выиграла чемпионат России в личном зачете четвертый раз подряд. Такого результата в истории отечественного женского фехтования на шпагах не достигал никто.

Экология

Экологические проблемы копились в Дагестане годами и уже приобрели системный характер. Прокурорские проверки традиционно выявляют многочисленные нарушения в сферах недро-

и водопользования, земельного надзора и обращения с твердыми коммунальными отходами, лесного хозяйства и сохранения биоразнообразия. В 2025 году только по незаконной рубке зеленых насаждений наложено штрафов на десятки миллионов рублей. 12 декабря появилась новость о том, что Минприроды России создало специальный штаб по стабилизации ситуации в сфере охраны окружающей среды и природопользования на территории Республики Дагестан. Решение принято по поручению вице-премьера Дмитрия Патрушева на фоне выявленных нарушений и резонансных экологических инцидентов. Документ подписан министром Александром Козловым и опубликован в официальных источниках ведомства. Возглавил штаб заместитель министра природных ресурсов и экологии Мурад Керимов.

Статья поступила в редакцию 28.12.2025
The article is submitted 28.12.2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулаева Заира Запировна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, zaira-76@yandex.ru

Алиева Бика Шапиевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей и социальной педагогики, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, albika62@mail.ru

Айгубов Сайдархан Занкуевич, кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных и информационных технологий, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, aygubov.s62@mail.ru

Аскеров Низами Садитдинович – кандидат экономических наук, зав. кафедрой политической экономии, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, n.s.askerov@mail.ru

Гамидуллаев Букар Нагметулаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, bukar85@mail.ru

Гимбатов Шамиль Магомедович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия, gimba@list.ru

Ибрагимов Айдын Исмаил оглы – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой экономической и политической географии зарубежных стран, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, aibrahimov@bk.ru

Исмаилов Чингиз Ниязи оглы – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой экономической и социальной географии, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан, ischingiz@gmail.com

Рабаданов Муртазали Хулатаевич – доктор физико-математических наук, профессор, ректор, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, dgu@dgu.ru

Родоман Борис Борисович – доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, Москва, Россия, bbrodom@mail.ru

Сагитов Гаджимурад Магомедзагидович – шеф-редактор, республиканская газета «Новое дело», Махачкала, Россия, n-delo@mail.ru

Сафонова Мария Андреевна – магистрант кафедры рационального природопользования, географический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ecologmsu@gmail.com

Слука Николай Александрович – доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства, географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, sluka2011@yandex.ru

Сулейманов Магомед Мирзаевич – председатель Северо-Кавказского объединения и Дагестанского отделения Союза кинематографистов Российской Федерации, Махачкала, Россия, dagkino-gold@mail.ru

Шмерлинг Григорий Владимирович – председатель комиссии по парусному туризму, Московский парусно-туристический клуб, Москва, Россия, parusa@yandex.ru

Эльдаров Эльдар Магомедович – доктор географических наук, профессор кафедры менеджмента, Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, geodag@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abdulaeva, Zaira Zapirovna – PhD in Economics, Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, zaira-76@yandex.ru

Alieva, Bika Shapievna – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of General and Social Pedagogics, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, albika62@mail.ru

Askerov, Nizami Saditdinovich – PhD in Economics, Head of the Department of Department of Political Economy, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, n.s.askerov@mail.ru

Aygubov, Saidarkhan Zankuevich – PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Head of the Department of Social and Information Technologies, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, aygubov.s62@mail.ru

Eldarov, Eldar Magomedovich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of Management, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, geodag@mail.ru

Gamidullaev, Bukar Nagmetulaevich – Doctor of Economics, Professor, Department of Management, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, bukar85@mail.ru

Gimbatov, Shamil Magomedovich – PhD in Economics, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia, gimba@list.ru

Ibrahimov, Aydin Ismail oglu – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Political Geography of Foreign Countries, Baku State University, Baku, Azerbaijan, aibrahimov@bk.ru

Ismailov, Chingiz Niyazi oglu – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Social Geography, Baku State University, Baku, Azerbaijan, ischingiz@gmail.com

Rabadanov, Murtazali Khulataevich – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Rector, Dagestan State University, Makhachkala, Russia, dgu@dgu.ru

Rodoman, Boris Borisovich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Independent Researcher, Moscow, Russia, bbrodom@mail.ru

Safonova, Maria Andreevna – Master's student, Department of Rational Nature Management, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ecologmsu@gmail.com

Sagitov, Gadzhimurad Magomedzagidovich – Editor-in-Chief, “Novoye Delo” Republican Newspaper, Makhachkala, Russia, n-delo@mail.ru

Sluka, Nikolai Aleksandrovich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Department of World Economy Geography, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, sluka2011@yandex.ru

Shmerling, Grigory Vladimirovich – Chairman of the Sailing Tourism Commission, Moscow Sailing and Tourism Club, Moscow, Russia, parusa@yandex.ru

Suleymanov, Magomed Mirzaevich – Chairman of the North Caucasus Association and the Dagestan Branch of the Union of Cinematographers of the Russian Federation, Makhachkala, Russia, dagkino-gold@mail.ru

ISSN 1814-9839
DOI:

Year-book

Regional'nye aspekty social'noj politiki. 2025. № 27. 155 p.

Regional aspects of social policy. 2025;27:155 p.

The collection of scientific articles is prepared and published by Dagestan State University. In the collection reports of annual republican scientifically-practical conference on regional aspects of social politics are reflected. Addressed to lecturers, students and specialists interested in modern problems of social relations in the region.
Articles from other regions of Russia and foreign countries are published according to the above-stated research themes.
The e-mail for reception of scientific papers: raspdgu@mail.ru
The Yearbook is included into Russian Index of Scientific Citation (RISC), its materials are published on the DSU website: www.rasp.dgu.ru

Chief Editor:

Eldar M. Eldarov, Professor of Dagestan State University, Dr. Sc.

Responsible Editors:

Murtazali Kh. Rabadanov, Rector of Dagestan State University, Dr. Sc., Professor.

Nazirkhan G. Gadzhiev, Head of the Department of Economic Security, Analysis and Audit, Dagestan State University, Dr. Sc., Professor.

Editor-proofreader:
Natalya M. Eldarova

English text editor:
Ekaterina V. Dubrova

Формат 60×841/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Печать ризографная. Усл. п. л. 7,6. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ИП Тагиева Р.Х.
367000, РД, г. Махачкала, ул. Батырая, 149.